ЭТЬЕН КАБЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКАРИЮ

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

Под общей редакцией
академика
В. П. ВОЛГИНА

MCMXLVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва — Ленинград

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЭТЬЕН КАБЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКАРИЮ

ФИЛОСОФСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ РОМАН

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ

Перевод с французского под редакцией
Э. Л. ГУРЕВИЧА
Комментарии
Э. Л. ГУРЕВИЧА и Ф. В. ШУВАЕВОЙ
Вступительная статья
В. П. ВОЛГИНА

MCMXLVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва—Ленинград

VOYAGE ET AVENTURES DE LORD WILLIAM CARISDALL EN ICARIE

TRADUITS DE L'ANGLAIS DE FRANCIS ADAMS PAR TH. DUFRUIT.

Paris, 1840

Часть вторая

ДИСКУССИЯ. ВОЗРАЖЕНИЯ. ОПРОВЕРЖЕНИЕ ВОЗРАЖЕНИЙ. ИСТОРИЯ. МНЕНИЯ ФИЛОСОФОВ

Э. КАБЕ

VOYAGE

EN

ICARIE

PAR

M. CABET.

FRATERNITÉ.

Tous pour chacun. — **Chacun pour tous**

—

SOLIDARITÉ
EGALITE- LIBERTÉ
ELIGIBILITÉ
UNITÉ
PAIX.
—

AMOUR
JUSTICE
SECOURS MUTUEL
ASSURANCE UNIVERSELLE
ORGANISATION DU TRAVAIL
MACHINES AU PROFIT DE TOUS
AUGMENTATION DE LA PRODUCTION
RÉPARTITION ÉQUITABLE DES PRODUITS
SUPPRESSION DE LA MISERE
AMELIORATIONS CROISSANTES
MARIAGE ET FAMILLE
PROGRES CONTINUEL
ABONDANCE
ARTS.

ÉDUCATION
INTELLIGENCE—RAISON
MORALITÉ
ORDRE
UNION.
—

Premier droit, Vivre. — **Premier devoir,** Travailler.

—

A chacun suivant ses besoins. — **De chacun suivant ses forces.**

BONHEUR COMMUN.

PARIS

AU BUREAU DU POPULAIRE, RUE JEAN-JACQUES-ROUSSEAU, 16.

Dans les Départements et à l'Étranger, chez les Correspondants du POPULAIRE

1848

Титульный лист
„Путешествия в Икарию“ изд. 1848 г.

Глава первая

ИСТОРИЯ ИКАРИИ

Великодушное предложение Динара было принято с энтузиазмом массой иностранцев, собравшихся в отеле и пославших многочисленную депутацию, чтобы выразить ему благодарность.

Единодушными аплодисментами ему вновь была выражена благодарность, когда он появился в большой Исторической аудитории.

— Мои намерения,— сказал он,— заключаются не в том, чтобы изложить вам во всех деталях историю Икарии. Моя цель — лишь ознакомить вас с тем, как установилась у нас система общности, рассказать вам о препятствиях, которые она преодолела, и об использованных ею для этого средствах.

Я считаю, однако, необходимым дать вам вкратце представление о нашей национальной истории и нашем строе в эпоху нашей бессмертной революции.

Лет четыреста назад жестокие чужеземцы завоевали нашу страну и утвердились в ней. Борьба длилась более полувека, в течение

которого завоеватели разрушили почти все города, перебили бо́льшую часть жителей, а остальных обратили в рабство.

Победители разделили между собо́й все земли и рабов со всем, чем последние владели, и образовали нацию господ, собственников и аристократов.

Если бы эта аристократия дворян и священников была всегда едина, рабство народа из поколения в поколение увековечилось бы, но эти варвары, столь же невежественные, сколь и жестокие, установили у себя неравенство имущества и власти, наследственную власть короля и выборного верховного первосвященника, между которыми шла постоянная война. Короли объединялись то с духовенством против дворян, то с дворянами против духовенства или с одной частью дворянства против другой, тогда как дворяне и духовенство иногда объединялись против королей.

Все средства были для них хороши — не только сила, открытая война, резня, грабеж и конфискация, но также заговоры, отравления, тайные убийства и воровство.

Часто короли угнетали аристократию, вешали или жгли аристократов и грабили дворян, обогащая духовенство, или, наоборот, грабили духовенство, обогащая дворян.

Часто также аристократы и духовенство притесняли королей, низлагали их, заключали в монастыри или тюрьмы, убивали или обезглавливали на эшафоте.

В длинном списке наследственных королей и королев (ибо женщины тоже наследовали корону) мы находим большое число таких, которые еще детьми вступали на трон; много других, которые находились в состоянии идиотизма или безумия; много распутников, кутил и погрязших во всяких пороках; много злодеев, кровожадных, способных на всякие преступления. Только трое или четверо из них были достойны престола.

Вот почему многие из них кончили свою жизнь низложенными, разжалованными, в заключении или изгнании, или погибли от руки убийцы или палача.

Не больше добродетели и не меньше насильственных смертей находим мы и в длинном списке верховных первосвященников. А священники и дворяне были ничем не лучше своих главарей.

Здесь оратор привел имена многих королей и первосвященников, которые отличались своими преступлениями или погибли насильственной смертью.

— Но в то время как аристократия сама себя истребляла на глазах у народа, последний воспользовался раздорами своих угнетателей. Сперва короли освободили своих рабов, чтобы заручиться их помощью против аристократии, а затем аристократия освободила своих, чтобы получить их помощь против королей. Мало-помалу освобожденный народ приобрел право работать для себя, заниматься промыслами, вести торговлю,

владеть землей и имуществом. Некоторые обогатились и образовали буржуазию, но в массе народ оставался нищим.

Тогда народ, ставший более сильным и просвещенным, но попрежнему несчастный, попытался улучшить свою судьбу и завоевать себе свободу. Заговоры, бунты и насилия народа происходили наряду с заговорами и насилиями аристократии. Некоторые наиболее могущественные аристократы, а часто и честолюбивые члены королевской семьи почти всегда возбуждали народ, подкупали его и руководили его борьбой с угнетением.

Иногда народ, одержав на время победу, мстил аристократии резней, поджогами, хищениями и грабежами.

Но народные восстания, бессильные перед мощью и коварством организованной власти, почти всегда потоплялись в крови народа, и история Икарии представляет, так сказать, лишь непрерывную цепь угнетения и бунта, гражданских войн и массовых убийств.

Однако народ завоевал себе право организоваться в общины и выбирать представителей либо в провинциальные, либо в генеральные штаты,[1] и эти важные завоевания доставили ему средство добиться других прав.

Пройдя через двадцать более или менее кровавых революций, испытав все формы правления (аристократия, теократия, абсолютная монархия, конституционная монар-

хия, республика, демократия и диктатура), одинаково обманутые диктаторами и королями, возведя на трон несколько новых династий, пережив несколько реставраций и свергнув с трона старого тирана Коруга в 1772 г. и своих последних тиранов Ликсдокса и Клорамиду в 1782 г., икарийцы дождались, к своему счастью, наконец, диктатора, который искренно хотел их свободы и благосостояния.

Бессмертный Икар, убежденный, что причина стольких революций коренилась не только в недостатках политического строя, но и в недостатках общественного строя, мужественно взялся за радикальную реформу этого двойного строя (в действительности составляющего одно целое) и заменил его тем, который составляет теперь наше счастье.

Вы видите, что история Икарии до появления Икара похожа в общем и целом на историю всех народов.

Завтра вы увидите, что наш общественный строй был тогда так же порочен и заключал в себе столько же недостатков, сколько и строй ваших собственных отечеств, и что эта болезнь может быть излечена у вас применением того же средства, которое имело такой блестящий успех у нас.

Новые аплодисменты приветствовали искусного оратора (речь которого я передаю здесь в сокращенном виде), и собрание разошлось, скорбя об угнетении и бедствиях человеческого рода.

Глава вторая

НЕДОСТАТКИ СТАРОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

— Вы видите нас до такой степени счастливыми,— сказал Динар,— вы находите наши учреждения до такой степени разумными и совершенными, что вы только с трудом поверите, как глубоко порочен был наш старый общественный строй.

А между тем, как мог он не быть порочным, этот общественный строй, если он был делом не одного человека или одного собрания людей, создавших его по согласованному и совершенному плану, а делом времени и смены поколений, исподволь присоединявших одни учреждения за другими; если он был не результатом размышления и обсуждения, а случая или попытки, не опыта и мудрости, а невежества и варварства, не добродетели и желания блага народа, а порока, насилия, завоевания и стремления угнетать.

Можно сказать даже, что не было ни настоящего общества, ни людей, объединенных

общими интересами, если не считать аристократии, и что масса представляла только стадо побежденных, угнетенных и рабов, эксплоатируемых небольшой кучкой завоевателей и господ.

Прогресс цивилизации и просвещения и многочисленные революции, несомненно, исправили много первоначальных недостатков, но осталось еще бесчисленное множество несправедливостей, злоупотреблений, предрассудков, ошибок и бедствий, когда Икар, наш славный Икар, предпринял в 1782 г. радикальную реформу.

Соблаговолите поэтому слушать меня со вниманием, ибо все страны организованы приблизительно одинаково, и следовательно, изображая вам старый строй Икарии, я рассказываю историю организации всех ваших так называемых обществ, хотя каждое из них в отдельности не совмещает в себе всей совокупности недостатков, которые я сейчас перечислю.

Как ни была отвратительна эта картина, я изложу вам откровенно всю правду, потому что когда болезнь угрожает жизни, то спасти больного можно не закрыв глаза, отвернув лицо и отрицая опасность, а напротив, только смело исследуя рану, чтобы установить всю серьезность болезни и отыскать ее причину, а затем применить пригодное средство.

Если эти недостатки, которые я сейчас опишу вам во всей их неприглядности, вызо-

вут в вас чувство негодования, то все же не смешивайте людей и учреждения. Возмущайтесь, если хотите, недостатками, ошибками, предрассудками, злоупотреблениями и крайностями, причиняющими человечеству бедствия, но будьте снисходительны и справедливы к нашим бывшим организаторам, из которых многие грешили только по неопытности, желая на самом деле блага себе подобным, считая полезными все учреждения, которые они допускали, и нисколько не предвидя зла, какое должно было явиться их следствием. Не негодуйте также и на завоевателей, потому что их насилия и захваты были почти неизбежным следствием их воспитания или, скорее, их нравов, т. е. невежества и варварства их времени. Я укажу вам на бедствия, которые мы переживали пятьдесят лет назад, с той лишь целью, чтобы сравнить их с нашим настоящим процветанием и убедить вас, что никто из вас не должен терять надежду на то, что его собственное отечество обретет счастье. Я начинаю.

Первым основным пороком, породившим все другие, было неравенство имущества и благосостояния. Я не останавливаюсь теперь на том, было ли это несправедливостью. Я только констатирую факт и его последствия. Я ограничиваюсь замечанием, что это неравенство делило икарийцев на два народа: богатых и бедных, счастливых и несчастных, угнетателей и угнетенных, и возбужда-

ло между этими двумя народами зависть и постоянные войны.

Второй основной порок — это право собственности, которое римский закон определял как право употребления и злоупотребления благами, созданными природой.

Завоеватели или аристократия сначала завоевали, т. е. захватили и украли, все земли и даже все предметы движимости и распределили их между собой неравномерно таким образом, что все они стали очень богатыми, а многие из них чрезмерно богатыми.

Со времени этой эпохи завоеватели, желая сделать свою собственность или завоеванную добычу неприкосновенной и священной, составили законы, которые гласили, что каждое покушение на нее со стороны их рабов или народа есть воровство, преступление, самое гнусное из всех преступлений, за которое следует наказывать смертью или галерами и позором.

Чтобы упрочить собственность на землю за своими семьями, они установили закон субституций или майоратов и закон о праве старшинства, которые запрещали дворянам продавать свои имения и предоставляли старшему в семье право наследовать землю отца, а часто и других родственников, так что аристократия должна была навеки сконцентрировать все блага в своих руках и навеки обречь народ на нищету.

Субституции и право старшинства были затем отменены, и все имения могли быть

отчуждаемы, но все же каждый сохранял неограниченное право приобретать и сосредоточивать сколько он мог, пользуясь либо привилегией рождения, либо иными способами, так что только аристократия и несколько богатых буржуа постоянно владели всеми богатствами. Аристократы, которые сами составляли законы, и составляли их всегда лишь в своих интересах, постановили, что одна только собственность может давать власть, уважение и почет, даже тогда, когда богатый запятнан пороками и преступлениями, а даже самый трудолюбивый и добродетельный бедняк не может заслужить ничего, кроме пренебрежения, унижения и презрения.

В эпоху революции на двадцать пять миллионов жителей,[2] которые составляли население Икарии, приходилось приблизительно двадцать пять тысяч богачей, сто пятьдесят тысяч состоятельных и двадцать четыре миллиона восемьсот двадцать пять тысяч бедняков. Двадцать пять тысяч богачей владели большим имуществом, чем двадцать четыре миллиона восемьсот двадцать пять тысяч, составлявших остальную часть нации. Они владели почти всем. Сто пятьдесят тысяч состоятельных владели немногим. Двадцать четыре миллиона восемьсот двадцать пять тысяч бедняков не имели ничего, если не считать рук, которыми они зарабатывали хлеб. И можно было назвать некоторых аристократов, владевших богатствами, кото-

рые могли бы составить счастье двухсот или трехсот тысяч несчастных.

Эти двадцать пять тысяч богачей жили в изобилии, в удовольствиях и в утонченной роскоши, тогда как народ был лишен необходимого.

Аристократия была не только праздна и бесполезна, она была и вредна, так как скармливала лошадям и породистым собакам продукты земли, предназначенные природой для пропитания человека, и бесполезно занимала земли под громаднейшими садами, парками, полями и лугами, отводя их для охоты и прогулок. Можно было даже встретить и таких аристократов, которые оставляли необработанными колоссальные земельные пространства, не извлекая из них ни прибыли, ни удовольствия и не давая хлеба тысячам несчастных, умирающим от голода.

Эта аристократия вредила обществу еще тем, что отнимала у него огромное количество рабочих для услуг и производства предметов роскоши, которые были нужны только ей.

Можно даже сказать, что весь народ (который она называла своими рабами и своей собственностью) оставался еще ее рабом, хотя уже не носил этого названия, так как этот народ постоянно работал на нее, а она ничего не делала для него.

Этот народ бывших рабов был освобожден, но его освобождение было только формальным. Его свобода была частичной и несовер-

шенной, он пользовался только гражданской свободой в области некоторых частных отношений, но не имел политической свободы, и следовательно, его так называемая свобода была в действительности рабством, но видоизмененным и отличным, подобно тому, как рабство в Спарте отличалось от рабства в Афинах. Каждая семья народа в отдельности не была рабом и собственностью тех или других аристократов, а последние не делили между собою семей народа, чтобы владеть ими индивидуально, но весь народ оставался рабом и собственностью всей аристократии. Последняя продолжала владеть народом и его эксплоатировать, но сообща и нераздельно, в другой форме и на других условиях, и предоставляя ему право работать на самого себя, возлагая на него заботы об обеспечении себя пищей, одеждой и жилищем на свою заработную плату, продолжая располагать его личностью на случай войны и подчиняя его всем своим законам, а следовательно и всем своим капризам.

Таким образом народ, на словах свободный, в действительности оставался рабом.

Этот раб терпел большие притеснения и был очень несчастен. Он был обречен трудиться и в детстве, и в старости, и в болезни, когда у него еще не было сил или когда они уже иссякли, изо дня в день с утра до ночи, как вьючное животное или как машина. Он был осужден на грязные, отвратительные, мучительные, нездоровые и опасные работы.

Чрезмерный труд расслаблял подростка, истощал взрослого и убивал старого. Очень немногие достигали старости, многие умирали от истощения или болезней или гибли от несчастных случаев. Масса рабочих вырождалась, женщины теряли свою красоту и грацию вместе с здоровьем. Так что, когда сравнивали известные категории рабочих с аристократами, то казалось, что это существа различных видов.

Так как рабочий имел только заработную плату, а эта заработная плата была недостаточна, то он плохо питался, плохо одевался, жил в плохих условиях и всегда терзался беспокойством о будущем. Многие не ели ни хлеба, ни мяса, ходили почти голыми или были покрыты лохмотьями и грязью, ютились в подвалах или чердаках, в трущобах или клоаках, без мебели и без огня. Почти все они жили хуже не только слуг, но даже лошадей или собак аристократов, а многие были несчастнее древних рабов и даже рабочего скота, который хозяева были заинтересованы хорошо кормить и бережно за ним ухаживать.

Многие не могли даже получить работу и были в обществе людей несчастнее, чем дикари или звери в лесах.

Всюду можно было видеть толпы нищих и бродяг, скорее похожих на грязных животных, чем на людей.

Если вынуждаемый голодом бедняк покушался на излишек имущества аристократа,

последний называл его вором, негодяем и присуждал его к тюрьме, галерам, а часто и к смерти. Знатный сеньор убивал бедняка, который присваивал себе кролика или куропатку.

Нередко можно было также видеть детей и стариков, мужчин и женщин, умирающих от голода или холода.

Нередко случались и самоубийства от отчаянья.

И нередко даже бывало, что отцы и матери убивали своих детей, чтобы избавить их от нищеты.

Налог в пользу бедных, частная милостыня, несколько благотворительных учреждений, распределяющих пособия и пищевые продукты по домам, несколько приютов для стариков и инвалидов, несколько мастерских для здоровых — не могли устранить и тысячной доли бедствий.

Мы негодуем теперь по поводу таких несправедливостей, мы даже с трудом верим, что такое варварство могло существовать, но многие из вас найдут вполне правдоподобной и точной не одну часть этой ужасной картины.

И, несмотря на это, не забывайте никогда, что я рисую вам эти гнетущие картины не для того, чтобы вызвать в вас гнев против людей, но единственно для того, чтобы указать вам средство, показать вам его благодетельные последствия и внушить вам надежду увидеть излечение этой болезни у вас.

Деньги, придуманные с полезной целью, лишь усугубляли зло, давая аристократу, который не мог накоплять и сохранять в натуре продукты земли, возможность обращать их в деньги, копить золото и непрестанно увеличивать свое состояние.

Так как деньги представляли, таким образом, все вещи, каждый думал только о том, чтобы приобрести золото и серебро, богатство и состояние. Это было высшее благо, главное занятие, и все средства казались хороши, чтобы разбогатеть.

Мы действительно увидим, что деньги, имущественное неравенство и собственность были причиной всех пороков, всех преступлений и всех несчастий для богатых в такой же степени, как и для бедных.

Иметь и удерживать излишки, когда тысячи и миллионы были лишены необходимого, было явной несправедливостью.

Ибо разве не неоспоримо, что природа дала всем людям в момент их рождения, всем детям в колыбели равное право на существование и счастье? Возможно ли отрицать, что она создала все, что находится на земле, для всех людей, для удовлетворения одинаковых у всех потребностей?

Разве не бесспорно, что она не создала ни бедных, ни богатых, а хотела обеспечить изобилие и равенство в этом изобилии для всех людей? И когда излишек у одних возможен только за счет нужды других, то разве это не постоянная узурпация, с точки

зрения природы, разума, справедливости и человечности?

Более того, разве эта первая и основная несправедливость не заключает в себе по существу все несправедливости и все пороки — эгоизм, тщеславие, гордыню, бесчеловечность и даже жестокость?

И не должны ли, следовательно, эти пороки неизбежно проявляться во всех действиях тех, кто владеет богатствами? Поэтому они напрасно кичились своей добродетелью и благотворительностью: обладание этими богатствами и нищета, на которую они неизбежно осуждали бедных, постоянно разоблачали их мнимые добродетели.

Они не имели даже права считать себя религиозными и христианами, ибо Христос возвестил, что все люди — братья и среди них не должно быть ни богатых, ни бедных.

Но богатые, испорченные воспитанием и предрассудками, были не только безжалостны по отношению к бедным. Неравные между собой, менее богатые ревновали и завидовали судьбе более богатых. И все, алчные и жадные, делали столько же и даже часто еще больше усилий, чем бедные, чтобы увеличить свое состояние, не останавливаясь ни перед какой низостью, ни перед каким преступлением.

Скупость, тупая и пагубная скупость, часто была их самой невинной страстью.

Праздность толкала аристократов на все причуды и безумства роскоши, на всякие азартные игры и вовлекала в разврат. Не до-

вольствуясь тем, что они убивали трудом и нищетой сыновей, отцов и мужей бедных людей, они с помощью своих богатств соблазняли дочерей и жен рабочих и вносили стыд и позор даже в недра их семейств.

И это еще не все: аристократы, всегда побуждаемые неизбежным следствием основной несправедливости, старались держать бедных в невежестве и даже развивать в них пороки, чтобы оболванить их и поработить.

Тщетно они затем проповедывали народу мораль, честность, умеренность, терпение и смирение, тщетно бесстыдные и утопающие в роскоши священники проповедывали религию — их дурные дела говорили громче их лицемерных речей, и их пороки, приносящие им выгоду, служили постоянным примером для подражания.

Так как изобилие или излишек неизбежно являлись, как я уже сказал, несправедливостью и узурпацией, то бедные часто думали о том, как бы обокрасть богатого, и кража во всяческих формах (мошенничество, жульничество, банкротство, злоупотребление доверием, обман, надувательство и т. д.) была почти постоянным явлением как среди бедных, так и среди богатых.

И бедные обкрадывали не только богатых, но и таких же бедных, как они сами, так что все — богатые и бедные — и сами крали и страдали от краж.

Я не мог бы перечислить все виды воровства и все категории воров.

Тщетно издавали богачи грозные законы против воровства, тщетно тюрьмы и галеры наполнялись ворами-бедняками и кровь последних проливалась на эшафоте. Толкаемые нищетой и надеждой не быть пойманными, бедные крали по ночам в полях, в домах, на дорогах и на улицах.

Ловкий жулик крал даже на глазах у людей, среди бела дня, на улицах, на гуляньях и на собраниях.

Смелый мошенник крал, пуская в ход ложь и хитрость, чтобы сбыть те или иные предметы по цене, неизмеримо превышающей их действительную стоимость, или вытащить деньги, злоупотребляя легковерием и часто благотворительностью.

Говорить ли о фальшивомонетчиках и подделывателях всякого рода?

Говорить ли о ростовщиках, об этих крупных ворах, о биржевых и банковских волках, о скупщиках, монополистах и поставщиках?

Говорить ли о тех, кто обогащался на общественных бедствиях, кто желал и провоцировал вторжения врага или войны с целью составить себе состояние, и вызывал голод, чтобы нажить золото на трупах?

Говорить ли о тех ворах, которые губили общественное здравие, фальсифицируя продаваемые ими пищевые продукты и напитки, и о других крупных ворах, военачальниках, которые грабили чужеземные народы, подвергая их страны ужасным притеснениям?

Говорить ли, наконец, о бесчисленных средствах накоплять деньги за счет других и о бесчисленном количестве лиц, которые почти во всех классах постоянно прибегали к ним?

Все эти деяния законами не квалифицируются как воровство; самые бесчестные, самые вредные из них, имевшие место только среди богатых, пользовались даже легальной безнаказанностью. Но все они, согласно правилам здравой морали, тем не менее были воровством.

В каждом классе, несомненно, было большое число исключений. Было несколько богачей столь честных, сколько это возможно, и много рабочих или бедных безукоризненно честных. Но можно сказать, что по существу и по непреоборимому следствию неравенства имущества все индивиды, богатые и бедные, в общем были вынуждены совершать действия, которые в действительности были только различными видами воровства.

А часто воровство вело ко всяким жестокостям, к убийствам, даже к самым варварским пыткам, чтобы заставить признаться, где спрятано золото.

Сколько отравлений и отцеубийств возбуждала жажда золота и наследства!

Существовали воры, которые уводили и крали детей, чтобы бросить их в проституцию.

Воровали и резали молодых людей даже для того, чтобы продать их мясо или трупы.

Одним словом, при таких условиях не могло быть ни доверия, ни безопасности;

каждый человек считал врагами почти всех других людей, и общество казалось, можно сказать, разбойничьим притоном среди леса.

И все эти ужасы, которые вы в большей или меньшей степени найдете всюду, были у нас и в других местах,— я не устану это повторять,— неизбежным следствием неограниченного права собственности.

Но воровство и убийство были не единственными последствиями неравенства имущества. Вы увидите еще и другие.

Собственность порождала миллионы тяжб между соседями, между продавцами и покупателями, между наследниками и т. д., и миллионы процессов, порожденных стремлением к наживе и жадностью, изводили истцов и часто их разоряли.

Гонимые нуждой, многие девушки осуждены были на проституцию. Матери продавали своих детей, мужья — своих жен.

Деньги были решающим соображением при заключении брака: искали скорее имущества, чем достоинств и добродетелей. Часто отец и мать препятствовали своей молодой дочери выйти замуж за молодого человека, которого она любила, и принуждали ее выйти за богатого старика, которого она не могла любить. Часто также молодой человек женился на богатой старой деве, чтобы воспользоваться ее приданым. Отсюда бесчисленные неурядицы в хозяйствах, семьях и в обществе, отсюда неоскудевающий источник скандалов и несчастий для супругов и детей, отсюда су-

пружеские распри, прелюбодеяния, процессы из-за непризнания отцовства, разводы и часто отравления или убийства, отсюда плохие примеры для детей, плохое воспитание их, отсюда смута в тех хозяйствах и семьях, где супруги не подходят друг к другу.

Руководимый постоянным стремлением к богатству и тщеславием, аристократ имел только одного или двоих детей, чтобы оставить им больше богатства, тогда как бедняк, который ничего не мог оставить своим детям, кроме нищеты, оставлял десятерым не меньше, чем двум или трем, и, не зная никакого другого счастья, кроме счастья отцовства, имел обычно многочисленную семью и порождал только несчастных.

Так как бедность мешала многим лицам обоего пола вступать в брак, то бесчисленные холостяки вносили разлад в семьи и имели внебрачные связи. Напрасно безжалостно позорили невинные создания, девушек, соблазненных мужчинами, жертв пороков общественного строя. Это лишь усугубляло зло, вызывая частые аборты, подкидывание детей и детоубийство.

Несколько приютов для бедных беременных женщин и покинутых детей были почти незаметным средством, а дома терпимости, допускавшиеся как другое средство, только поощряли и усугубляли порчу нравов.

Нужда в деньгах порождала также грязные и безнравственные книги и картины, которые не могли доставить никакой славы

их авторам, но развращали воображение, умы и сердца читателей и увеличивали непорядки.

Изобилие и нищета оказывали гибельное влияние на общественные развлечения, на мнения, нравы и обычаи.

Изнывающие от праздности аристократы проводили часть года на охоте, и их привычка к жестокости по отношению к безобидным животным делала их равнодушными и бесчеловечными по отношению к людям.

Азартные игры и пари приучали их сразу удваивать свое состояние или разориться, обогащаться за счет тех, кого они называли своими друзьями, радоваться отчаянью тех, кого они разоряли, или разорять своих жен и детей в надежде приобрести побольше золота.

Роскошь в жилище, обстановке, одежде, пище, лакеях, экипажах, лошадях и т. д. была безгранична, как желания безумных. Она поглощала колоссальные состояния, порождала самое рьяное состязание в тщеславии и делала честолюбие ненасытным.

Вещи, которых больше всего искали и которые стоили дороже всего, были не самые полезные или самые приятные, а самые редкие, экзотические или модные, а мода, менявшаяся почти ежегодно, постоянно вовлекала людей в новые расходы.

Золото, серебро, алмазы, жемчуг, камни, перья, дорогие материи концентрировали на одной богатой женщине больше богатств, чем нужно было, чтобы прокормить, приютить и одеть тысячи несчастных.

Ухаживание и кокетство были главным занятием аристократов. Даже женатые люди имели любовниц, которых они содержали в роскоши, а жены их заводили любовников.

Поэтому в театрах, в романах, в салонах— всюду самые соблазнительные картины, казалось, задавались целью только возбуждать любовные страсти.

Балы, концерты, спектакли, ассамблеи, торжества представляли вообще предмет жадных стремлений как случай выставить напоказ свое богатство или как средство взаимного соблазна.

Ночь проводили в истощающих, пагубных наслаждениях, а день — в беспокойном сне.

Вместо того чтобы кормить своих детей, матери отдавали их на руки наемницам, а сами проводили время в интригах и развлечениях.

Так как только богатство доставляло вес в глазах людей, то буржуа и бедняки старались во всем подражать аристократии и казаться богатыми.

Азартные игры и лотереи, роскошь во всем и в особенности в туалете, дух ухаживания и кокетства, публичные и частные развлечения развращали и разоряли как бедных, так и богатых.

Религиозные церемонии, всенощные и мессы были обыкновенно только поводом для свиданий, интриг и распутства.

Я не буду говорить вам о бесчисленных кабачках или тавернах всякого рода, в которых бедняк отравлял себя, чтобы забыть в

вине свою нищету, и где человек привыкал опускаться ниже животного.

Не буду вам также говорить о тех крохах, которые во время известных публичных празднеств выбрасывались народу аристократией, как кости собакам, не для того чтобы накормить их, а чтобы потешиться их прожорливостью и драками.

Я не буду излагать в деталях гибельные последствия всех этих злоупотреблений и пороков, каждый из которых порождал тысячи других. Вы были бы поражены, если бы я рассказал вам о самоубийствах, дуэлях и убийствах, повод к которым подавали игра и роскошь, ревность и любовь, грубость и нищета. Я, быть может, уже сделал слишком много, чтобы ознакомить вас с пороками общественного строя, который так долго составлял несчастье наших предков. Позвольте мне, однако, прибавить несколько слов о материальном положении страны.

Всегда угнетающая и всегда опасающаяся нападения или всегда угрожающая и всегда находящаяся под угрозой, аристократия только и думала о самозащите или об упрочении своего господства.

Этим объясняется то, что она способна была управлять страной и что, с другой стороны, опасаясь народной активности и мощи, она не хотела даже допустить, чтобы общины пользовались самоуправлением.

Поэтому все, что можно назвать управлением, было запущено или порочно, ничто не

делалось в интересах народа, и страна прозябала в плачевном состоянии.

Города почти все были построены неправильно, без плана, плохо расположены и плохо оборудованы. В них можно было найти несколько красивых улиц, заселенных богачами, но и много грязных, узких, душных, нездоровых, без тротуаров, улиц, которые зачастую были только водосточными ямами и клоаками.

Аристократ чувствовал себя в безопасности в своем экипаже, который часто давил или забрызгивал грязью бедняков, но бедняк обязан был ходить, часто босой, в грязи, подвергаясь всякого рода неудобствам и опасностям. Вы ужаснулись бы, если бы я привел данные о несчастьях, увечьях и смертях, которые обычно происходили ежегодно в большом городе.

Так как собственность была объявлена неприкосновенной и каждый собственник имел право располагать своим достоянием как ему вздумается, то каждый приносил в жертву общественный интерес своему частному интересу.

Аристократы и главные государственные деятели, которые, впрочем, все были богатыми людьми, имели прекрасные отели или дворцы, а дома бедных и их мастерские были часто тесными и вредными для здоровья лачугами.

Аристократы имели великолепные замки в сельских местностях, но деревни и фермы

часто представляли собою только груды грязи и навоза.

Что касается столицы, то там можно было найти великолепные здания и великолепные кварталы, но ее украшали для удовольствия богатых в ущерб остальной стране, да и рядом с этим великолепием можно было видеть самые грязные и отвратительные улицы, как рядом с самой наглой роскошью можно было встретить самую ужасную и удручающую нищету.

Большие дороги, почти все проложенные как попало, часто были почти непроходимы, не были приспособлены к удобствам бедного пешехода и представляли тысячи опасностей, которые можно было бы предупредить. Вы опять ужаснулись бы, если бы знали число несчастных случаев и аварий, происходивших ежегодно на дорогах и реках!

Дороги, которые вели к замкам, были всегда безопасны и удобны, а дороги, обслуживающие нужды земледелия и крестьян, обыкновенно изобиловали трясинами, опасными обрывами или пропастями. И опять-таки сколько несчастных случаев на этих дорогах!

Праздность и бесполезный труд представляли два других больших зла.

Вообразите себе все огромное число праздных аристократов, ненужных чиновников, полицейских, солдат, лакеев, монахов и рабочих, производивших предметы роскоши, и вы увидите, что миллионы рук терялись таким

образом для полезного производства. Судите о потерях!

Сельское хозяйство, кормящее человеческий род, было в пренебрежении. Я не знаю точно, какая часть территории, но, несомненно, больше трети страны оставалось необработанной. Животноводство также было в запущении или пренебрежении, и на земле, которую небо так щедро одарило, что она могла бы доставить изобилие населению вдвое или втрое более многочисленному, массы несчастных крестьян умирали, не имея ни хлеба, ни мяса.

Отсутствие порядка в труде было источником потерь всего общества и нищеты каждого в отдельности. Находясь под постоянным гнетом, бедные требовали, по крайней мере, свободы выбирать труд и профессию, но, лишенные возможности знать, что происходило вокруг них и вдали от них, они выбирали себе ремесло наугад, так что трудящийся люд как бы работал в мастерской, в которой царят путаница, беспорядок и хаос. Поэтому было слишком много рабочих, например, в деревообрабатывающей промышленности и недостаточно в железоделательной, слишком много продуктов одного рода и недостаточно продуктов другого рода, слишком много, например, вина и слишком мало хлеба. Вследствие невежества применялись устарелые и плохие способы обработки, в то время как новые способы обеспечивали превосходство за более совершенными или менее дорогими

продуктами. И вы уже без дальнейших деталей поймете, сколько трудолюбивых рабочих должно было разориться со своими семьями и сколько продуктов должно было теряться для общества.

Отсюда бесчисленные колоссальные банкротства, следовавшие одно за другим. Отсюда торговые и промышленные кризисы, которые распространяли разорение и ужас. Даже машины, появляющиеся благодаря случаю или изобретаемые гением, который сам представляет случай, подобно красоте,— машины часто служили только для того, чтобы создавать огромные состояния немногим и разорять тысячи людей. Толкаемые отчаянием, последние ломали механизмы, жгли мастерские и убивали их собственников, а затем обезумевшие массы сами становились жертвами избивавших их солдат или казнивших их палачей.

Я, как и вы, почти в гневе останавливаюсь на этом общественном строе, который порождал столько ужасных бедствий.

И, к несчастью,— вы это увидите завтра,— наш старый политический строй представлял не меньше пороков и не меньше затруднений, чем наш общественный строй.

Глава третья

ПОРОКИ СТАРОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ

— Вчера я развернул перед вами картину пороков нашего старого общественного строя с их гибельными последствиями. Я доказал вам, думается мне, что все эти бедствия были неизбежным следствием трех главных пороков: неравенства имущества, собственности и денег.

Сегодня я хочу изложить вам пороки нашего старого политического строя с их не менее гибельными последствиями, и вы увидите, что этот порочный политический строй и его бедствия были, в свою очередь, следствием тех же главных пороков: неравенства имущества и его двух несчастных спутников.

Вы увидите также, что история этого былого политического строя Икарии является не чем иным, как историей политического строя Европы и всего мира, и, следовательно, вы не должны терять надежду на то, что в ваших странах реформа так же осуществима, как и у нас.

И, конечно, мне нет нужды повторять вам, что справедливость и философия призывают вас никогда не смешивать людей и учреждения, ибо плохие политические или социальные учреждения — это бурный поток, уносящий как богатых, так и бедных и превращающий их почти одинаково в жертвы, топя их часто всех то поочередно, то вместе...

Перехожу к фактам.

Вы помните, что в 1772 г., за десять лет до нашего социального и политического возрождения, Ликсдокс и двадцать пять тысяч аристократов или богачей нашей страны, толкаемые страстью сохранить свои богатства, приложили все усилия для того, чтобы захватить власть, и, действительно, завладели ею.

Именно они и их уполномоченные составили конституцию и установили правительственный или политический строй.

Заметьте хорошенько: аристократия одна вырабатывала конституцию. Это объясняет все одним словом, выявляет коренной порок, который должен был породить тысячи других, показывает, что все было устроено с целью обеспечить господство одних и угнетение других. Вы увидите поэтому сейчас плачевные, но неизбежные последствия всего этого.

Руководясь постоянно необходимостью сохранить за собою богатство и могущество, аристократия присвоила себе всю законодательную и исполнительную власть. Поэтому закон был выражением воли только аристо-

кратии, и она пользовалась абсолютной властью, или самодержавием, а народ был в действительности только стадом рабов, которых господа более или менее притесняли.

Решив, однако, обмануть народ, чтобы поработить его, эти господа говорили в своей конституции о суверенитете народа, о представительном правлении и о свободе; они признали даже, что все икарийцы равны перед законом, надеясь, что эта ложь обманет дурачков, не возмутив в то же время тех, которые были только животными.

Аристократы, присвоившие себе законодательную власть и осуществлявшие ее при помощи двухсот депутатов, избираемых ими каждые десять лет, доверили исполнительную власть наследственной королеве, бывшей в действительности их орудием.

Я не буду доискиваться, является ли учрежденное таким образом правительство аристократическим королевством или королевской аристократией. Несомненно то, что интересы королевы, ее семьи и династии, как и интересы аристократии, были противоположны интересам народа, что королева по существу была его противником, чтобы не сказать — врагом, что аристократия, ее депутаты и королева были деспотами и господами народа. Поэтому королеву титуловали величеством, госпожей, дети ее были принцами или принцессами и королевскими высочествами, министры были превосходительствами, а народ был подданным.

Чтобы лучше и всегда в своих интересах обеспечить покорность народа, аристократия, вполне естественно, старалась сделать из королевы какое-то божество, показывая народу пример преклонения перед нею и рассматривая ее малейшие милости как высшее счастье.

Кроме того, так как аристократия считала нужным соблазнять, подкупать и разъединять бедных, чтобы поработить их, то наиболее могущественным средством достигнуть этого было удовлетворение тщеславия бедных. Королева приглашала на свои торжества и даже к столу жен буржуа и наиболее уважаемых бедных. Она давала им целовать свою прекрасную руку, расспрашивала их о детях, мужьях, об их делах, а иногда — об их обезьянах и попугаях. Голова кружилась у этих жен буржуа, в которых старались развить тщеславие, между тем как мужья совсем теряли голову, когда королева называла их своими кавалерами подвязки или туфли, шпильки или гребня,[3] и в особенности, когда ее величество удостаивало избранных высочайшей чести лично преподнести им маленькую подвязку из золота или маленький гребень из серебра.

И скажите, как могла бы при этом не желать королева возбуждать тщеславие бедных? Как могли бы бедные не быть тщеславными!

На том же основании аристократия дала королеве право назначать около ста тысяч государственных служащих или королевских агентов, и королева выбирала их всегда

среди аристократов и буржуа или среди бедных, которых она хотела купить. Это обыкновенно были низкие и жадные люди, которые торговали совестью, чтобы избавиться от нищеты. Но как могла бы королева не покупать и не обогащать низость, если низость соглашалась продавать себя? И каким образом могла бы нищета не поддаваться соблазну коррупции?

Так как народ требовал ответственности министров, а аристократия не могла согласиться на это, не подвергая себя опасности, то необходимо было удовлетворить это требование для вида, а по существу отклонить его. Поэтому конституция объявляла, что министры и их агенты ответственны за злоупотребления властью, но только аристократия имела право их судить. Поэтому преступные действия министров против бедных в пользу аристократов оставались безнаказанными и даже поощрялись, поэтому и ответственность министров была только обманом и видимостью. Трудно представить себе, до каких размеров доходила наглость низших чиновников и агентов полиции по отношению к народу, хотя эта наглость, поощряемая аристократией, должна вам показаться столь же естественной со стороны ее агентов, как и поощрение со стороны министров.

Независимо от капитала в пятьдесят миллионов, принадлежавших как королеве и ее семье, так и Ликсдоксу, аристократия предоставила королеве из государственной

казны цивильный лист более чем в двадцать пять миллионов ежегодно, для поддержания пышности трона, блеска короны и помпы королевства. Королева, кроме того, пользовалась множеством великолепных дворцов.

Ее двор был местом свидания богачей, очагом лести, постоянным центром интриг и злоумышлений против народа. Это был также отравленный источник, откуда роскошь, честолюбие и жадность разливались по всей стране.

Но разве все это не было неизбежно?

Кроме двадцати пяти миллионов цивильного листа, аристократия предоставляла ежегодно в распоряжение королевы больше девятисот миллионов, взимаемых в виде налогов, и вместе с ней регулировала бюджет, т. е. поступление и расходование суммы налогов.

Эти девятьсот миллионов, взимаемые, как вы сейчас увидите, главным образом с бедных, использовались почти исключительно в интересах аристократии и королевы, либо для выплаты огромного содержания аристократам, занимавшим государственные должности, либо для подкупа приверженцев среди бедных, либо для содержания огромной армии и многочисленной полиции, предназначенных для охраны аристократии и королевской власти.

И опять-таки разве все это не было неизбежно?

Из всей этой колоссальной суммы только несколько миллионов шло на просвещение на-

рода. Едва только сорок или пятьдесят миллионов расходовалось в интересах народа, да к тому же эти пятьдесят миллионов обслуживали нужды народа лишь косвенно, а сперва шли на потребу аристократии, интересы которой определяли всю систему налогов, да и всего законодательства.

Но разве интересы аристократии не требовали этого настоятельно?

Что касается взимания налогов, то аристократия почти совсем освобождала от них богатых, чтобы свалить их на бедных. В то время как роскошь была освобождена от налогов, в то время как у аристократии оставались громадные излишки, а огромнейшие состояния в рентах или капиталах были освобождены от налогов, каждый бедняк должен был отдавать королеве и аристократии часть своих средств и оплачивать право питаться, дышать воздухом, входить в свою лачугу, получать в ней солнечный свет, согреваться в ней, работать, чтобы добывать средства к жизни, даже учиться. Соль и почти все предметы пропитания бедняка, вино и другие его напитки, его дрова и уголь, его двери и окна, разрешение работать и газеты — все, что его интересовало, было обложено налогом, даже убогое ложе и отрепья, которые оставляли ему, умирая, отец и мать, даже правосудие, даже долги в наследствах, даже несчастье и потери при банкротствах!

Лотереи, игорные дома, дома терпимости были также обложены, но не для того, чтобы

воспрепятствовать их распространению, а чтобы обогатить казну и отнять у бедняка его последний грош. В интересах казны аристократия разрешала эти вертепы разврата и разорения.

Одним словом, бедняки, жившие только на жалкую заработную плату, платили в целом свыше трех четвертей налогов.

Налоги эти были бичом не только потому, что они обрекали народ на нищету, но и вследствие той деморализации, которую они распространяли в массах, и тех актов произвола, которые влекло за собой их взимание.

Так как каждый рассматривал налог как несправедливость и почти как воровство, то никто не стеснялся лгать, совершать клятвопреступления, пускать в ход все хитрости и обманы, чтобы обокрасть казну и надуть ее агентов. Богачи сами подавали пример такого воровства. Отсюда общая привычка презирать законы, обманывать и лгать.

С другой стороны, хорошо знакомые со всеми обманами, которые пускались в ход налогоплательщиками, агенты фиска состязались друг с другом во всякого рода хитростях и мерах предупреждения, чтобы разоблачить и предупредить эти обманы. Фиск поощрял их бесчеловечность и даже эксцессы, уделяя им часть взысканных средств. Отсюда самые стеснительные и убыточные обязательства, налагавшиеся на известные отрасли промышленности. Отсюда домашние

обыски, распространявшиеся вплоть до постели больного или женщины в родах. Отсюда городские и государственные таможни, осмотр вещей путешественников и даже их самих, часто при этом раздеваемых донага чиновниками. Отсюда неурядицы, убытки, неизбежные злоупотребления всякого рода, бесчисленные придирки и невыносимые, унизительные для людей оскорбления, подробный рассказ о которых вызвал бы ваш гнев.

И действительно, разве все это не возмутительно? Но раз аристократии приходилось облагать народ огромными налогами, то не было ли все это неизбежно?

Налог денежный все же не был еще столь тяжел, как налог крови. Ежегодно, кроме бюджета в девятьсот миллионов, аристократия предоставляла королеве сто тысяч солдат, навербованных из молодых людей восемнадцати лет. Богатые освобождались, или находили себе заместителей за небольшое количество золота, или командовали другими. Бедные одни доставляли сто тысяч солдат, цвет их детей, и эти сто тысяч работников, отнятых у промышленности и их бедных родителей как раз тогда, когда их труд начинал становиться полезным их семьям, вынуждены были давать убивать себя, чтобы защищать парки и дворцы аристократов, служить их честолюбивым замыслам против иностранных держав и поддерживать их господство над бедными. Сыновья служили, чтобы порабощать отцов и убивать братьев.

Это было самое жестокое рабство. Но так как аристократия добивалась счастья исключительно для себя, то не вынуждала ли ее неумолимая логика сваливать все тяжести и опасности войны на бедняков и даже натравливать один народ на другой?

Мне нет нужды приводить вам другие законы. Вы понимаете, что, составленные аристократией, они все неизбежно должны были служить интересам последней против ее подданных. Я не мог бы вам привести хотя бы один закон, продиктованный интересами народа.

И эти беспорядочно нагроможденные в течение веков законы, наследство двадцати революций, были до того бесчисленны, спутаны, несообразны, противоречивы или неясны и обманчивы, что самый опытный юрист едва мог понять их.

И что столь же нелепо, сколь и несправедливо: большинство бедных, которым эти законы постоянно что-либо предписывали или запрещали, которых наказывали в случае нарушения этих законов, не могло знать их и не умело даже их прочитать.

Как же бедные могли ценить и уважать законы, которые были в их глазах лишь делом несправедливости и угнетения? Тщетно аристократия величала, и все в своих же интересах, эти законы священными и непрестанно твердила об уважении и подчинении закону. Каждый старался увильнуть от исполнения их; только угрозами, наказаниями

и насилием можно было добиться их выполнения.

Более того. Дураки не чувствовали тирании, трусы терпели ее, слепые служили ей, а другие волновались и сопротивлялись. Отсюда непрерывные заговоры, общества всякого рода для защиты или нападения, бунты и восстания, убийства, казни и всяческие ужасы гражданской войны.

Но, спрошу я вас опять, разве все эти ужасы, жертвами которых богачи являлись столько же, сколько и бедняки, не были фатальным следствием стремления аристократии к богатству, к господству и свойственной человеку жажде независимости и свободы?

Аристократия и королева, дрожа за свое благополучие, думали только о том, как бы защищаться и парализовать своих противников. Точно так же, как в других странах белые хозяева составляли законы, чтобы держать в подчинении черных рабов, аристократы каждый день изготовляли новые законы, направленные на то, чтобы держать в повиновении своих белых рабов, дезорганизовать народ или помешать ему организоваться, запретить ему союзы и собрания, обезоружить его, помешать ему свободно читать, говорить и писать.

И каждый день новые законы порождали новые наказания, штрафы, конфискации, тюрьмы, изгнание, галеры и смерть. Господствовал террор.

И чтобы применять эти страшные законы,

другие законы давали королеве полномочия организовать многочисленную полицию, многочисленную армию, многочисленную гражданскую милицию и всякого рода трибуналы.

И разве все это не было непрерывной цепью следствий и необходимости?

Полиция произвольно вторгалась, под самыми различными предлогами, и днем и ночью в жилища бедных, копалась в их мебели, разыскивая секретные бумаги, хватала все, что считала нужным схватить, похищала мужа у жены или жену у мужа, отца у детей или детей у отца, а иногда и всех вместе, и бросала их в тюрьмы, чтобы предать затем суду.

Она клеветала на тех, кого она не могла арестовать, и чем опаснее был ее противник своими добродетелями, тем больше она старалась обесчестить его своей клеветой.

Ее бесчисленные шпионы проникали повсюду, чтобы сеять раздоры среди бедных, возбуждать между ними взаимную зависть, вражду и недоверие, предавать и доносить, соблазнять и подкупать, вербовать предателей и доносчиков.

Толпа агентов-провокаторов даже провоцировала бедных на заговоры, чтобы затем предать их и погубить, тогда как агенты так называемого черного кабинета [4] нарушали тайну корреспонденции и копались в письмах, чтобы затем арестовать сотни людей.

И для выполнения этих адских замыслов аристократия расточала золото на привлече-

ние агентов среди самых отверженных, среди воров и каторжников. Этой страшной орде отдавали жилище, личность, свободу и честь семей.

В то же время аристократия, не переставая, говорила о порядке, нравственности, добродетели, лойяльности, чести.

Я вижу, что вы с трудом сдерживаете ваше негодование и гнев.

И все-таки вы должны только жалеть несчастное человечество, жертву основного органического порока. Ибо если было изобилие и нищета, то возможно ли, чтобы аристократия не использовала насилия, произвола, клеветы, коррупции, провокации, доноса, предательства подонков общества, из которых состоит полиция? Возможно ли, чтобы толпа несчастных не предпочла золото и власть нужде или каторге?

Вы догадываетесь, чем были суды, созданные аристократией и королевой, и, естественно, созданные в их интересах. Набранные из среды аристократов или их приверженцев, всегда зависимые от королевы, жаждущие ее милостей для себя и своих детей, даже самые добродетельные судьи не были в состоянии соблюдать необходимое для правосудия беспристрастие, без которого невозможно подлинное правосудие. И, с другой стороны, с точки зрения человеческой природы, возможно ли было, чтобы аристократия не желала обеспечить осуждение всех своих врагов, которых она хотела осудить?

Вот почему тюрьмы, хотя и многочисленные, были наполнены политическими преступниками. И какие тюрьмы! Обычно отвратительные и нездоровые, они служили в одно и то же время орудием мести, унижения и притеснения.

Но вместо того, чтобы обеспечить покорность и подчинение, законы и полиция, трибуналы и их приговоры, гнет и террор только усиливали недовольство и ненависть и доводили гнев до бунта и восстания.

И если гнев неудержимо толкал угнетенных на восстание, то разве необходимость, фатальная необходимость, не толкала так же неудержимо аристократию на усмирение восставших, чтобы сохранить свое господство?

А затем в ее распоряжении находились так называемая гражданская милиция и армия.

Гражданская милиция,— вы догадываетесь уже,— была организована, чтобы держать в подчинении народ.

Что касается армии, набиравшейся из рядов народа и симпатизировавшей народу, то она находилась под командой аристократов, была организована для защиты аристократов, и солдаты, обманутые, увлеченные или запуганные грозными законами, а кроме того, усмиренные и вышколенные дисциплиной и могуществом военной организации, неизбежно служили орудием угнетения своих отцов и братьев и своего собственного угнетения.

Но посмотрите, с какими затруднениями

приходилось сталкиваться аристократии. Полагая, что она не вполне избавлена от опасности под защитой гражданской милиции и армии, в рядах которых находилось много людей из народа, эта аристократия дала королеве полномочия организовать не только дворянскую гвардию и дворцовую гвардию, но еще и иностранную гвардию [5] — пятьдесят тысяч наемников, которые под давлением нужды за хорошую плату были всегда готовы сражаться против народа.

Однако все эти армии не могли ни устранить недовольных, ни помешать бунтам, настолько сильно было возмущение. Дрались в городах, на улицах и в домах.

Но прежде чем перейти к истории гражданской войны и революций, неизбежным следствиям нашего строя, бросим еще взгляд на общественное воспитание и религию, которые тоже служили орудием в руках правительства.

Могла ли аристократия, безусловно желавшая неравенства, дать бедным воспитание и образование, которые ознакомили бы их с правами на равенство?

Напротив, больше всего опасаясь этого, аристократия разрешала преподавание только учителям, которые были ей преданы, но и им разрешала преподавать лишь то, что ей было полезно или, по крайней мере, не могло ей вредить, и тот из них, кто осмеливался бы говорить о политике со своими воспитанниками в каком-либо другом смысле,

кроме почитания королевы и слепого повиновения законам аристократии, был бы немедленно уволен как изменник.

Почти половина населения не умела ни читать, ни писать, да и остальная часть бедных едва ли знала что-нибудь. Буржуазная молодежь тратила свое время на изучение древних языков или другие почти бесполезные занятия. Аристократы обучались почти одним только изящным искусствам. Газеты были отягощены залогами, налогами и всякого рода законами. И все, что народ узнавал о своих правах, он узнавал вне школ, против воли правительства и только в силу неудержимого прогресса цивилизации.

Что касается домашнего воспитания, то как могли отцы и матери воспитывать людей, когда большинство из них, огрубевшие и озверевшие под влиянием нищеты, на которую их обрекал общественный строй, были сами только взрослыми детьми?

Да и сами аристократы, плохо воспитанные своими родителями, плохо воспитывающие собственных детей, исполненные заблуждений, предрассудков, привыкшие к обожанию со стороны своей челяди как высшая и божественная раса, убежденные, что они созданы для властвования, а народ для повиновения,— сами аристократы считали совершеннейшим достижением правительства увековечение невежества и слепую покорность большинства.

Это было, несомненно, преступление или, скорее, несчастье для человечества. Но не было ли это еще и неизбежным следствием плохого принципа? Все пороки богатых, как и все пороки бедных, не были ли дурным последствием их жалкого воспитания, сохраняющего свои черты из поколения в поколение?

Могли ли богатые и бедные быть иными при таком ужасном воспитании? Если мы сами не можем не проклинать это гибельное воспитание с его гибельными причинами и гибельными следствиями, то разве разум, философия и справедливость не предписывают нам властно (я не устану повторять это) прощать и жалеть все его жертвы?

В то время как аристократия захватывала в свои руки общественное просвещение и воспитание только для того, чтобы парализовать его и держать народ в невежестве, повторяя при этом, что она хочет его просветить, она искала действенную помощь в религии.

Христианские священники, веками бывшие кровожадными и неутомимыми преследователями, продолжали господствовать.

Чтобы успешнее использовать легковерие и суеверие, невежественные монахи и иезуиты уже с колыбели оказывали влияние на детей, стараясь сделать из них болванов. Они распространяли басни о посланиях, недавно пришедших с неба, и других чудесах этого рода.

А в своих катехизисах, в проповедях, в молитвах они обожествляли королеву.

Их миссионеры бродили по деревням и городам, фанатизируя женщин и старцев.

Но почти совершенно бесплодно повторяли они неустанно слова *религия* и *мораль*. Их жадность к деньгам, гнусная торговля священными предметами и таинствами, которые они повседневно фабриковали, светская роскошь, которую они выставляли при похоронах богатых, и главным образом пороки и даже преступления, порождаемые их вынужденным безбрачием, покрывали религию и мораль презрением и ненавистью.

Каким образом можно было с пользой проповедывать нравственность, когда самый могущественный из проповедников — правительство — проповедывало всеми своими действиями безнравственность, когда законодательные и судебные трибуны часто были только трибунами безнравственности, когда предательство полиции, мерзости черного кабинета, взяточничество и клятвопреступления государственных служащих являли постоянный пример безнравственности, повод к воровству, предательству и клятвопреступлению, когда, наконец, благополучие многих интриганов, ренегатов, подхалимов и предателей являлось торжеством воплощенной безнравственности?

И тем не менее, все эти злоупотребления религии и духовенства, все это презрение к ним и пренебрежение к их проповедям, сло-

вом, вся эта безнравственность,— разве не была всегда необходимым следствием пагубного прошлого?

А что мне сказать вам о гражданской войне и революциях?

Вы понимаете, что роскошь и привилегии аристократии именно потому, что по существу они являлись узурпацией и несправедливостью, могли породить жадность и честолюбие среди аристократов даже в отношениях их друг к другу.

Вы понимаете также, что, поскольку угнетение держало народ в неизменном состоянии нищеты и недовольства, честолюбцы очень легко могли купить приверженцев среди бедных, щедро раздавая им обещания.

Отсюда раздоры среди аристократии и даже в королевских семьях, претензии на трон, партии и крамола, интриги и заговоры, покушения и бунты, гражданские войны и революции, узурпации и реставрации, месть и проскрипция, казни и массовые убийства.

Я не буду вам перечислять все ужасы этого рода, покрывающие черной или красной краской все страницы древней истории нашей Икарии. Вам достаточно знать, что вы найдете там всю мерзость, которая вас возмущает, когда вы читаете историю греков и римлян, Франции и Англии, Испании и Португалии, всех несчастных народов, составляющих несчастное человечество.

Вы найдете там больше пятидесяти тысяч невинных, сожженных или убитых священни-

ками только потому, что они исповедывали другие верования; сорок или пятьдесят бунтов; двадцать пять попыток овладеть короной, восемнадцать вооруженных восстаний, девять продолжительных гражданских войн, не считая семнадцати внешних войн; тридцать одну династию, двадцать революций, двенадцать узурпаций, пять реставраций, шесть проскрипций такого рода, как проскрипции Суллы, Мария и Октавия; [6] семь таких массовых убийств, как Варфоломеевская ночь; больше ста заговоров, из них некоторые такого рода, как заговор Катилины, пороховой заговор в Лондоне и адские машины.

Вы увидели бы уж не знаю сколько миллионов людей, убитых в войнах гражданских или внешних, более миллиона изгнанников, свыше трехсот тысяч убитых наемниками или задушенных палачами, одиннадцать сожженных и разрушенных городов.

Вы увидите там женщин и детей, избиваемых вместе с мужчинами, невинных, избиваемых вместе с виновниками восстаний.

Вы увидите различные партии, дворян и буржуа, богатых и бедных, аристократов и народ, поочередно победителей и побежденных, гонителей и гонимых, притеснителей и притесняемых.

Вы увидите аристократию, пожирающую себя самое, двадцать двух министров, осужденных и казненных ею, свыше десяти тысяч сеньоров, обезглавленных королями и други-

ми сеньорами, и сорок пять принцев, убитых принцами.

Я мог бы назвать вам семь королей или королев, отлученных от церкви первосвященниками, двадцать одного низвергнутого детьми или братьями или родственниками, пятнадцать убитых дворянами или священниками, пять осужденных и казненных на эшафоте; двух осужденных их наследниками просить милостыню у входа в церковь после того, как их ослепили, и четыре или пять вынужденных запереться в своих укрепленных дворцах, не осмеливаясь довериться ни своему цирюльнику, ни повару, ни даже жене или детям.

Я мог бы даже назвать вам двух принцев и священников, которые, как герцог Бургундский и иезуиты во Франции, публично провозглашали и проповедывали доктрину тираноубийства [7] в Икарии.

Меня, как и вас, возмущает и приводит в негодование эта ужасающая доктрина, которая оправдывает человекоубийство и предумышленное убийство, рассматриваемые всюду и всегда как страшное преступление, и одинаково грозит главам республик и королям, лучшим так же, как и худшим, потому что среди них нет ни одного, кто не имел бы врагов, ненависть которых, даже несправедливая, не объявляла бы их тиранами.

Меня, как и вас, возмущают и приводят в негодование эти заговоры и гражданские войны, эти проскрипции и массовые убий-

ства, которые бесчестили и опустошали нашу несчастную Икарию, превращали людей в тигров и делали из общества огромную бойню.

Но, спрошу я вас, разве это не история почти всех народов на всей земле с начала мира?

Разве общество не было всегда и не есть почти всюду смесь двух или трех враждующих народов, находящихся в постоянной войне между собой и заключающих время от времени перемирие или мир только для того, чтобы подготовиться к новым битвам? Не есть ли это вулкан, всегда готовый к извержению?

И все они — короли и подданные, аристократы и буржуа, богатые и бедные — разве не являются они почти в одинаковой степени жертвами тревог, мучений и несчастий?

Разве не все они заинтересованы в искоренении этого ужасного зла, которое превращает мир в настоящий ад?

Но это зло, которое длится с тех пор, как существуют человеческие общества, не будет ли оно вечным, если мы не применим целительных средств?

И этими целительными средствами не являются ни угнетение, ни рабство и террор, ибо тирания и самые жестокие пытки всегда были на земле и всегда приводили к усугублению зла.

Следовательно, нужно вырвать с корнем причину зла.

Но что это за причина, всеобщая, постоянная, которая действует всюду и всегда, при всех религиях и всех формах правления, в республике и в монархии?

Не есть ли это жадность, честолюбие?

Или, вернее, не есть ли это плохое воспитание, способствующее развитию жадности и честолюбия?

И не есть ли, скорее, главная и порождающая причина именно неравенство имущества, собственность и деньги, которые порождают привилегии и аристократию, богатство и нищету, плохое воспитание, жадность, честолюбие, все пороки и преступления, все беспорядки и хаос, все бедствия и катастрофы?

Да, исследуйте, обсуждайте, размышляйте, старайтесь во всех обществах добраться до установления собственности и денег, а главным образом неограниченного неравенства имуществ; восходите от фактов к фактам, от событий к событиям, от учреждений к учреждениям, от законодателей к законодателям, от одних причин к другим причинам, от следствий к началам, от необходимостей к необходимостям, от одного дня к другому и от одного века к другому — и всюду и всегда вы найдете единственную причину зла: богатство и нищету!

А потому целительное средство, единственное целительное средство от этого зла — это уничтожение богатства и нищеты, т. е. установление равенства, общность имущества и хорошее воспитание.

Таково было мнение Иисуса Христа, который, будучи провозглашен богом, основал на этом принципе великую революцию христианства. Таково было убеждение Икара, который в качестве диктатора, совмещая любовь к человечеству с мужеством и прозорливостью гения, осуществил на этих основах наше социальное и политическое возрождение.

Завтра я изложу вам, каким образом ему удалось совершить это чудо.

Но прежде чем расстаться, позвольте мне еще раз спросить вас: можете ли вы не надеяться на счастливое будущее ваших стран, видя, как наш старый ад превратился в рай?

Глава четвертая

РЕВОЛЮЦИЯ 1782 г. УСТАНОВЛЕНИЕ РЕЖИМА ОБЩНОСТИ

До сих пор я вам показывал только зло, теперь я хочу вам указать средство излечить его. Вы увидите Икара, возрождающего Икарию.

Вы знаете, что до восстания, вызванного отменой конституции и захватом неограниченной власти, Икар убедил народ отказаться от всякой индивидуальной мести.

Едва закончилась борьба, как он, хотя и раненый, не теряя ни одного мгновения, постарался приобрести доверие всего народа, остановить бойню, организовать народные силы и закрепить победу.

Икар сейчас же издал и повсюду расклеил воззвание, которое я вам прочту, как прочту и другие, ибо думаю, что для меня было бы невозможно изложить его принципы и планы в более краткой форме.

ВОЗЗВАНИЕ ИКАРА К НАРОДУ

«Позвольте прежде всего поздравить вас за ваше героическое мужество: вы хорошо послужили отечеству и человечеству.

Я принимаю диктатуру. Я горжусь этой честью и я посвящаю свою жизнь тому, чтобы оправдать ваше доверие. Я вижу свою славу в том, чтобы отдать жизнь вашему счастью.

Вы знаете мои принципы: суверенитет народа, всеобщее голосование, равенство, братство, общее благо. Начертаем их на наших знаменах.

Когда ваши представители соберутся, я сложу с себя диктатуру и явлюсь перед ними без стражи, чтобы дать отчет во всех моих действиях. Я заранее подчиняюсь их приговору.

Но анархия была бы самым гибельным вашим врагом. Наши интересы властно требуют, чтобы мы действовали сообща, как один человек, если это возможно.

Я созову ваших лучших друзей, чтобы составить из них Совет диктатуры.

Сплотитесь вокруг нас! Пусть самые полезные граждане окажут нам свое содействие. Имейте доверие ко мне! Прислушивайтесь к моему голосу. Контролируйте, но позвольте вами руководить в течение некоторого времени, ибо никто, призываю небо в свидетели, не желает вашего счастья сильнее, чем я».

Он сейчас же назначил министров и комиссаров для посылки во все провинции. Он организовал множество специальных комиссий, в которые вошло множество граждан, поспешивших предложить свои услуги.

Через несколько часов появились воззвания: одно к армии, другое — к иностранным полкам, декрет об устройстве раненых, о погребении мертвых, о принятии на государственное обеспечение их детей и вдов.

Одновременно появился другой декрет — об организации народной гвардии со следующим воззванием:

ВОЗЗВАНИЕ ИКАРА К НАРОДНОЙ ГВАРДИИ

«Мало победить, надо обеспечить победу!

Будем великодушны, но будем и благоразумны!

Пусть сейчас же организуется народная гвардия!

Пусть все граждане, способные носить оружие, явятся в свои муниципалитеты!

Те из вас, кто живет только своим трудом, получат жалованье, оружие и одежду.

В течение нескольких дней оставайтесь непрерывно под знаменами, всегда наготове исполнять приказы вашего правительства.

Явитесь все, ибо это ваш общий интерес!

Чем скорее мы будем организованы, чем более многочисленны мы будем, тем лучше сможем мы действовать, тем меньше встретим мы сопротивления».

Вслед за этим опубликовано было два новых декрета, из которых один предписывал разоружение побежденной партии и удаление ее членов со всех общественных постов, а другой провозглашал амнистию.

Только королева, Ликсдокс, министры и десять главных администраторов были исключены из декрета. Все судьи главных уголовных трибуналов и двадцать поставщиков, которые позорным способом составили себе состояния, тоже были подвергнуты судебному преследованию, но только для присуждения их к денежным взысканиям в пользу их прежних жертв или к возвращению награбленного нации.

Оба декрета сопровождались (ибо все было заранее подготовлено) двумя следующими воззваниями к победителям и к побежденным:

ВОЗЗВАНИЕ ИКАРА К ПОБЕДИТЕЛЯМ.

«Наши противники сложат оружие или будут обезоружены, а вы увеличите ваше вооружение; они будут дезорганизованы, а вы будете обладать всей мощью организации; у них будут отняты все общественные функции, а вы займете все должности и вся власть будет в ваших руках; вы будете полновластными, а они будут лишены возможности нападать и сопротивляться.

Нужно, чтобы правосудие воздало великим преступникам по заслугам. Слишком долго

жестокие тираны терзали бедных и человечество! Пусть они отвечают головами за кровь и слезы, которые они заставляли проливать. Они предстанут пред вашими представителями, чтобы публичная народная кара устрашила их и предупредила в будущем всякую новую тиранию.

Строгий суд ожидает и тех несправедливых и подкупных судей, которые разорили столько семейств, и тех крупных воров, которые внезапно обогатились за счет бедных или государственной казны. Из их имущества должно быть выплачено вознаграждение пострадавшим и обратно возвращены взятые из общественных средств деньги.

Что касается других, то для них — забвение, амнистия. Преследовать их теперь, когда они уже не могут больше вредить, было бы только местью.

Я знаю, сколько вы страдали и насколько гнев ваш справедлив, но разве наказания тирана и его главных соучастников недостаточно для вашего справедливого недовольства? Разве месть этой кучке людей, которая, подобно вам, была жертвой плохого общественного строя, не была бы несправедливостью? Было ли бы разумно доводить их до отчаяния и вынуждать их возобновлять бой, который повлек бы за собой лишь новые жертвы с обеих сторон?

Я обращаюсь к вашему разуму.

Рассчитывайте на ваше правительство. Если бы наши старые враги восстали! Но

они разбиты и не могут больше оправиться.

Будьте поэтому так же великодушны, как вы были мужественны. Пусть все добрые граждане присоединят свой голос к моему.

Будьте милостивы! Как избранный вами диктатор в вашем собственном интересе я предписываю это. Как ваш лучший друг, я прошу вас!»

ВОЗЗВАНИЕ ИКАРА К ПОБЕЖДЕННЫМ

«Когда вам благоприятствовала победа, вы ею злоупотребляли, чтобы избивать нас или изгонять. Теперь, когда вы побеждены, что могли бы вы сказать, если бы мы применили к вам закон возмездия?

Что могли бы вы сказать, если бы, подобно вам, мы издали все террористические законы, которые нам казались бы необходимыми?

Что могли бы вы сказать, если бы мы применили к вам ваши собственные законы, как вы применяли их к нам, чтобы заключать нас в тюрьмы, разорять и предавать нас казни?

Но народ,— я его знаю и отвечаю за него,— народ великодушен: он готов протянуть вам руку!

Сложите оружие, распустите вашу организацию, покиньте ваши должности, покоритесь!

Вы должны понимать, что мы имеем право требовать этого в интересах нашей безопасности.

Вы заинтересованы в этом так же, как и мы, ибо всякое сопротивление было бы бесполезно и мы хотим с ним безусловно покончить. Мы не хотим больше,— поймите это,— мы не хотим больше ни войны, ни волнений в стране. Чего бы это ни стоило, повторяю вам, мы хотим итти вперед, не встречая никакого сопротивления.

Подчинитесь! Этого требует от вас справедливость так же, как и ваша безопасность.

Подчинитесь искренно, без задней мысли, и мы будем в скором времени счастливы тем, что обнимем вас, как братьев!

Погруженные до настоящего времени вместе в хаос угнетения, мы не могли понимать друг друга, потому что наш общий угнетатель разъединял нас и клеветал на нас. Но теперь, когда мы можем объясниться, было бы непростительно с вашей стороны отвергать наши братские предложения.

Еще раз, подчинитесь! Я, диктатор, страстно желающий счастья всех моих сограждан, заклинаю вас сделать это».

Нет нужды приводить вам все другие воззвания и декреты диктатора и говорить, что все эти меры вызвали энтузиазм народа и всеобщее доверие, все просвещенные и энергичные люди сплотились вокруг него и вся пресса пришла к нему на помощь. И хотя некоторые роялисты, ослепленные страхом, убежали или скрылись, все же большинство, успокоенное диктатором, подчинилось совершенно искренно.

Народ в особенности вызывал удивление своим благородством. Некоторые несчастные жертвы прежней тирании, увлеченные гневом, попытались совершить несколько актов индивидуального мщения, но рабочие помешали им сделать это.

Люди из народа, которые были введены в заблуждение клеветой официальной власти, также усердно высказывались в пользу революции и диктатора: «Если бы мы знали,— говорили они,— как нас обманывали!»

Через несколько дней диктатор опубликовал декрет о выборах Национального представительства, составленного из двух тысяч депутатов, и сопроводил его следующим воззванием:

ВОЗЗВАНИЕ ИКАРА К ИЗБИРАТЕЛЯМ

«Народ суверенен! Вы сами должны выработать свою конституцию, и если бы можно было собрать вас всех вместе, чтобы обсудить ее и голосовать, я вас собрал бы.

Но так как это совершенно невозможно, то выберите представителей, которые здраво обсудят конституцию и затем представят ее на усмотрение вашей суверенной воли, и она будет принята или отвергнута ею.

Все вы члены общества, все его участники, все вы граждане: вы все трудитесь для него, вы все сражались за него и будете еще сражаться, если это будет необходимо. Поэтому все вы по существу избиратели. Только лица, не достигшие двадцати лет, и слуги,

находящиеся в зависимости от своих господ, будут пока лишены этого права до того времени, когда конституция установит по этому поводу другой порядок.

Ваши угнетатели, которые отказывали вам в средствах просвещения, объявляли вас неспособными избирать депутатов. Но это была не только возмутительная несправедливость,— это была еще клевета, так как избирательное право составляет ваше неоспоримое право.

Запишитесь поэтому в избирательный список вашей общины, соберитесь и обсуждайте кандидатов, которые вам будут представлены и будут достаточно уверены в своих добродетелях, чтобы решиться подвергнуться вашему голосованию.

Обсуждайте вполне независимо, но с спокойствием и серьезностью, которые приличествуют гражданами, достойным свободы.

Пусть вас также просвещает пресса, которая сама должна руководствоваться только истиной и любовью к отечеству.

Выборы будут происходить лишь через двадцать пять дней, чтобы вы имели достаточно времени хорошо разобраться во всем и не стали бы жертвой какой-нибудь неожиданности.

Выбирайте в первую очередь ваших лучших друзей, лучших друзей бедняков и рабочих, и среди них наиболее уважаемых, а среди этих последних — наиболее способных и наиболее энергичных.

И чтобы вы могли выбрать тех, у кого нет другого достояния, кроме патриотизма, добродетелей и талантов, ваши избранники будут получать достаточное содержание.

Не забудьте, что ваши представители должны будут вынести суждение и о вашем диктаторе, должны будут решить участь ваших старых притеснителей, выработать конституцию и временно осуществить ваш суверенитет.

Помните, что вы держите в своих руках вашу судьбу, судьбу отечества и судьбу вашего потомства».

Со второго дня диктатор организовал Комиссию публикаций, составленную из пяти наиболее популярных и наиболее уважаемых писателей для редактирования официальной газеты, в которой должны были печататься все его постановления. Эту газету решено было распределять даром в таком количестве (кажется, свыше миллиона экземпляров), чтобы все граждане без исключения легко могли ее получить и читать.

В тот же день диктатор организовал Конституционную комиссию, составленную из девяти наиболее ученых и почитаемых публицистов, на которых возложена была обязанность подготовить проект новой конституции. Он представил им свой собственный труд, подготовленный уже давно, в трех отдельных частях, которые содержали: первая — описание всех пороков старого общественного и политического строя, вторая — очень детальный

план нового строя, основанного на общности имущества, осуществимой через пятьдесят лет, и третья — план переходного строя в течение пятидесяти лет.

После нескольких дней рассмотрения и обсуждения комиссия с энтузиазмом приняла в принципе оба плана и предложила некоторые изменения, которые были приняты Икаром.

Чтобы каждый мог хорошо ознакомиться с его новой системой общественного и политического строя и оценить его, диктатор приказал напечатать весь труд в огромном количестве экземпляров с кратким изложением принципов, которые служили основой временного и окончательного плана обобществления имущества.

Вы понимаете, в какой мере эта система общности должна была показаться новой, поразить воображение и очаровать умы. Но детальный план, который был к ней приложен и представлял эту систему в действии, какой мы имеем ее теперь, доказывал, что эта система вполне осуществима, как это и было с тех пор фактически подтверждено опытом. Радость народа была столь же велика, как вначале велико было его изумление.

Приглашаю вас прочитать и даже изучить весь напечатанный труд Икара и комиссии, и если кто-нибудь из вас пожелает получить какие-нибудь объяснения по поводу этого труда, я с большим удовольствием дам их на одном из последующих наших собраний.

Но уже сегодня я хочу изложить вам главные идеи Икара, которые легли в основу его плана общности. Я прочту вам еще два его воззвания, потому что ничто другое не ознакомит вас так хорошо с этим планом, как его воззвания.

Икар признавал, что не следовало одним ударом уничтожать собственность, деньги и неравенство имущества и тотчас же поставить на их место общность имущества. И вот почему: 1) богатые и собственники (мелкие, как и крупные) неизбежно были бы задеты в их привычках и предрассудках; лишение имущества, даже с возмещением другими благами, было бы для них так же невыносимо, как если бы у них хотели отнять жизнь. Это значило бы сделать их несчастными в противоречии с самой целью нового общества; это значило бы вызвать у них отчаянье и толкнуть на сопротивление, задержать и подвергнуть опасности все дело социального возрождения; 2) сами бедные, задавленные тиранией, не обладали, быть может, в достаточной степени привычками и качествами, необходимыми для того, чтобы начать это дело, не подвергая опасности его успех; 3) наконец, и в особенности, немедленное выполнение или скорое и полное осуществление плана казалось ему физически невозможным, так как предстоял колоссальный труд, самый огромный из всех, какие когда-либо предпринимались на земле с начала мира,— организовать и целиком осуществить принцип

общности, например построить и доставить всем семьям удобные и одинаковые жилища.

Икар поэтому считал переходную систему абсолютно необходимой. Именно это в высокой степени и по существу отличает его проект от всех тех, которые были до того выдвинуты различными философами.

Позже я изложу вам принципы его переходной системы. В настоящее время лишь скажу вам, что он предложил устроить демократическую республику, сохранить право собственности в течение жизни всего живущего поколения собственников, уважать все, что называли приобретенным правом, избегать всего, что могло довести богатых до отчаянья; немедленно улучшить судьбу бедных, сделать все, что могло бы обеспечить их счастье, уничтожить постепенно неравенство и установить постепенно режим полного равенства и общности.

Вы поймете изумление и энтузиазм, которые должны были вызвать у бедных икарийцев эти столь новые предложения диктатора, в особенности когда он к ним присоединил следующее воззвание, излагавшее его принципы:

ВОЗЗВАНИЕ ИКАРА В ЗАЩИТУ ОБЩНОСТИ

«Дорогие сограждане, разве вы не были несчастны до сегодняшнего дня?

А вы, богатые, были ли вы вполне счастливы?

Бедствия, которые нас отягощали всех и лежали бременем на наших предках с начала мира, разве все они не являлись результатом пороков общественного и политического строя, в особенности имущественного неравенства, собственности и денег?

И не будут ли эти бедствия вечными, если не уничтожить их источник?

Разве общность имущества не есть единственное средство сделать всех людей счастливыми?

Разве невозможно осуществить эту новую систему, если ваше правительство будет вместе с вами способствовать этому?

Разве не стоит попытаться осуществить это дело, как бы ни казалось оно трудным?

Сколько бы времени ни понадобилось для его осуществления, оно удастся нам тем раньше, чем раньше мы его начнем.

А так как ваше мужество опрокинуло самое серьезное из всех препятствий,— сопротивление власти, угнетавшей нас, так как небо нам благоприятствует, позволяя нам совершить то, что не удавалось нашим несчастным предкам, то смело взяться за дело не есть ли обязанность по отношению к небу, по отношению к нам самим, нашим потомкам и ко всему человечеству?

Рассмотрите эти вопросы, мои дорогие сограждане, обсуждайте их всюду, пока ваши представители не рассмотрят их предварительно и не отдадут на ваше суверенное решение.

При режиме общности нет больше ни бедных, ни праздных, нет ни преступлений, ни казней, нет больше ни налогов, ни полиции, нет больше тяжб и процессов, нет ни хлопот, ни забот. Все граждане — друзья и братья, все не только счастливы, но и одинаково счастливы.

Если вы, вместе со мной, убеждены в этом, то возьмемся тотчас же за дело, примем принцип и мужественно приступим к подготовительным работам.

Но я заклинаю вас именем отечества, ваших детей и человечества,— не будем компрометировать слишком большим нетерпением и поспешностью самое великое предприятие, когда-либо задуманное человеком!

Если, как я полагаю, общность не может быть тотчас же осуществлена во всей полноте и точности, отсрочим то, что может быть отсрочено.

Вы — хозяева власти, а поэтому, доверяя вашим представителям, которые желают вашего счастья, заручитесь терпеньем.

Если вы достаточно благородны, чтобы предпочесть интерес отечества вашему личному интересу, то что значит несколько лет ожидания для полного и окончательного завершения подобного дела!

И если вы хотите думать только о собственном счастье, то не разумно ли довольствоваться тем счастьем, которое возможно уже сегодня?

Менее счастливые, чем ваши дети, вы

будете, по крайней мере, счастливее ваших отцов!

Богатые, вы, надеюсь, пожелаете способствовать счастью вашего потомства!

Бедные,— я не сомневаюсь в этом,— вы больше всего будете думать о счастье ваших дочерей и ваших сыновей!

Дорогие сограждане, не забудьте, что вы будете решать судьбу ваших потомков и всего человечества!»

Икар обратился также с воззванием к духовенству и христианам:

ВОЗЗВАНИЕ ИКАРА К ДУХОВЕНСТВУ И ХРИСТИАНАМ

«Слуги и служители Иисуса Христа! Я желаю вашего счастья так же, как и счастья всех моих сограждан.

Вы сохраняете свои храмы и можете свободно поклоняться богу под покровительством государственной власти.

Проповедуйте поэтому нравственность и справедливость, миссионеры и служители бога, который проповедывал нравственность и справедливость! И, подобно ему, проповедуйте их столько же вашими действиями, сколько и вашими словами!

Проповедуйте для бедных! Ибо кто в мире резче осуждал фарисеев и богатых, чем Иисус Христос? Кто больше, чем Иисус Христос, провозглашал свою любовь к несчастным и страждущим?

Проповедуйте равенство и братство. Ибо разве Иисус Христос не умер для того, чтобы установить равенство и братство среди людей и уничтожить все виды рабства и угнетения?

Проповедуйте общность имущества! Ибо разве не Иисус Христос установил ее среди своих учеников и рекомендовал ее всем людям? Разве апостолы не жили в режиме общности? Разве первые отцы церкви не проповедывали общности имущества? Разве в течение первых веков христианства все христиане не жили, в меру возможности, сообща? А с тех пор разве самые пылкие почитатели Иисуса Христа, тысячи благочестивых рабочих не жили в религиозных общинах, проповедуя общность своими действиями и своими словами?

Да, вы были бы не настоящими христианами, если бы отвергли принцип общности!

Но так как Иисус Христос отдал свою жизнь для возрождения при помощи общности человеческого рода, то вы пожелаете, надеюсь, способствовать делу возрождения.

Вы пожелаете заслужить благословение земли, чтобы получить награду на небе».

Вообразите себе впечатление, которое произвели воззвания диктатора, опубликованные через несколько дней после падения долгой и ужасной тирании.

Вообразите, как велик был толчок работе мысли. Как разгорелись дискуссии!

Вообразите всю силу толчка, данного властью!

Представьте себе, сколько ученых, писателей, философов, священников (в особенности среди низшего духовенства), влиятельных граждан во всех классах приняли и пропагандировали с энтузиазмом идеи диктатора. Даже богатые и дворяне соперничали в своем энтузиазме с его наиболее пылкими поклонниками.

Представьте себе впечатление, которое произвели на массы эти обращения, и революцию, совершившуюся в общественном мнении. Казалось, что завеса спала со всех глаз или что каждый подвергся счастливой операции катаракты!

Трудно было понять невежество или ослепление прошлого. Одни смеялись над глупостью предшествовавших веков, другие извергали проклятия против тирании, и среди проклинающих в особенности отличались те, которых угнетатели привлекли в свой лагерь фальшивыми обещаниями, ложью и клеветой.

Я не буду говорить ни о некоторых честолюбцах, которые, желая казаться еще более популярными или демократичными, чем диктатор, требовали аграрного закона[8] или немедленного, полного осуществления режима общности, ни о некоторых интриганах, которые тайно старались вызвать недоверие к Икару, ни о некоторых беспомощных фанатиках, которые не могли выносить авторитета

какого бы то ни было человека. Эти тщетные попытки оппозиции тотчас же провалились ввиду всеобщего одобрения, как легкое испарение исчезает в лучах солнца.

Я не буду говорить вам ни о памятниках, временно воздвигнутых на всех полях сражения, где происходили последние народные бои, ни о мавзолеях, воздвигнутых на всех местах, где покоились останки мучеников свободы, ни о большом похоронном торжестве, где рядом с диктатором можно было видеть удивительного мальчика двенадцати лет, получившего двадцать две пули в то время, когда он водружал знамя над грудой трупов, и молодую девушку, потерявшую обе руки, когда она сражалась около своего отца.

Я обойду молчанием генеральный смотр народной гвардии и армии, который был проведен диктатором в столице и его комиссарами в провинции. Всего лишь через пятнадцать дней после революции (так велик был энтузиазм) на этом смотре выступало двести тысяч вооруженных солдат и два миллиона граждан, одетых в форму демократических войск.

Я подхожу к выборам Народного представительства или, точнее, следующее заседание я начну сообщением о них.

Я, может быть, слишком распространяюсь в моих объяснениях [«Нет, нет!» — закричали ему со всех сторон], но я хочу показать вам, что народ всегда доверяет вождям, которые искренно хотят его счастья, и что нет ничего

невозможного для правительства, пользующегося доверием народа. Я в особенности хочу вам показать, какими средствами наш бессмертный Икар сумел завоевать любовь своих сограждан и осуществить свой план общности.

Аплодисменты, еще более оживленные, чем в два предшествовавших дня, показали оратору, с каким удовольствием все слушали его подробные объяснения

Глава пятая

ВЫБОРЫ. КОНСТИТУЦИЯ. ПРИГОВОР ВОЙНА. МИР

(Продолжение истории революции)

— В прошлый раз я обещал побеседовать с вами о выборах Народного представительства.

Это было 20 июля, немного больше месяца после революции. Это был также первый акт суверенитета народа. Диктатор сделал его народным празднеством.

Избирательные залы были великолепно украшены; всюду знамена, гирлянды из цветов и зелени, патриотические надписи и воззвания диктатора.

Собрания открывались при звуках музыки, звоне колоколов и громе пушек.

Все напоминало народу, что ему предстоит совершить великий акт.

Некоторые интриганы решились предстать перед избирателями или, точнее, подвергнуться их суду, и все они были с позором отвергнуты и заклеймены.

Во многих городах кандидаты сами уступали место тому, кто казался более достойным избрания.

В некоторых местностях избиратели вынуждены были разыскивать скромных граждан, которые не решались выставить свою кандидатуру.

Часто самые богатые голосовали за способного и честного рабочего, часто также рабочие удостаивали своим доверием богатого и даже дворянина, который оказывался другом народа.

В одних местах избрание было единогласным и производилось без голосования, в других поднятие рук или разделение на два мирных отряда быстро указывало большинство.

Избранные заслуживали во всех отношениях названия лучшей части народа.

И через несколько дней Народное представительство, заседая во дворце, который некогда позорила аристократия, возвестило диктатору, что оно организовалось, объявило ему, что диктатура его кончилась, и предписало ему явиться.

Икар тотчас же ответил, что даст пример подчинения суверенитету народа, слагает с себя власть и будет повиноваться Народному представительству.

На другой день, без стражи и оружия, он явился в залу заседания с обнаженной головой и стал у перегородки, отделявшей представителей, сидевших с покрытыми головами. Он отдал отчет во всех своих действиях, от-

вечал на все обращенные к нему вопросы и удалился точно подсудимый, ожидая решения своих судей.

Я не считаю необходимым излагать вам дебаты. Собрание единогласно присудило ему титул Возродителя отечества, назначило его временно президентом республики (ибо республика была провозглашена с энтузиазмом уже в первом заседании) и проводило его до Национального дворца среди неописуемых криков одобрения всего населения.

Так как Икар сам потребовал, чтобы его избрание было предложено на одобрение народа, то Народное представительство предписало это сделать, прибавив, что специальные депутаты должны везвестить волю суверена и что после их прибытия большое национальное празднество будет, в один и тот же день по всей стране, чествовать победу народа и новую эру возрождения, ныне начавшуюся.

Нет нужды говорить вам о решении народа. Не буду говорить и о том, что Икар, твердо решивший приучить своих сограждан умерять выражение своей благодарности, отверг предложение датировать новую эру со дня его рождения и сам потребовал, чтобы она была датирована 13 июня, днем народного восстания.

Через несколько дней начался процесс королевы и министров.

Вам уже известно, что все они были осуждены. Ликсдокс и его соучастники были при-

говорены к смертной казни, королева — к вечному заключению, все, кроме того, к возмещению суммы в один миллиард, причем приговор предоставлял Икару право помилования или смягчения наказания.

На другой день Икар опубликовал следующее воззвание:

ВОЗЗВАНИЕ ИКАРА ПО ПОВОДУ ЛИКСДОКСА

«Если бы ваши угнетатели умерли до вашего освобождения, следовало бы вырыть их трупы, судить и навсегда заклеймить их память.

Но они в ваших руках. Народное правосудие произнесло свой приговор. Законы, которые они так часто обращали против вас, теперь, наконец, обратились против них, и их головы, по справедливости, должны пасть на эшафоте, который так часто орошался вашей кровью.

Пять голов должны упасть, если вы этого хотите.

Однако подумаем! К чему эти головы теперь, когда наша власть непоколебима, когда их преступления, хотя они были совершены только несколько дней назад, кажутся теперь уже удаленными на двадцать веков, и когда вы обязаны тирании тем величественным усилием, которое вас освободило от нее?

К чему послужит нам небольшое количество крови и праха этих бывших угнетателей

в момент гигантской революции, возрождающей нас?

Аристократия, всегда слабая и дрожащая за себя, почти всегда вынуждена быть беспощадной. Народу, сильному и уверенному в своей силе, народу, который иногда в один день сражения и гнева мстит за зло, накопившееся в течение веков, но почти всегда милостив после победы, этому народу следует быть великодушным.

Зная ваше великодушие, я заранее знаю и ваш ответ: «Сохраним им жизнь. Отменим смертную казнь».

Но чтобы правосудие и закон не были пустыми словами на земле, пусть они будут лишены свободы. Пусть Ликсдоксу обреют голову на эшафоте рукой его бывшего палача. Пусть он затем будет публично выставлен в той самой железной клетке, которую он изобрел, чтобы выставить в ней одного из ваших наиболее славных мучеников. И пусть памятник увековечит преступление, справедливую суровость вашего народного представительства, милость великого народа и новую эру религиозного уважения к человеческой крови!»

По просьбе Икара, Национальное представительство предписало, чтобы народ был опрошен, и редкие возражения матерей, еще оплакивавших своих детей, лишь ярче показали поразительное народное великодушие.

Я не покажу вам ни Ликсдокса в железной клетке, ни королеву, просящую милосты-

ню у дверей Национального представительства, я не хочу останавливать ваши взоры на этом несчастье королевской семьи. Хотя и вполне заслуженное, оно все же является тяжелым воспоминанием, ибо только министры и ее двор погубили несчастную Клорамиду, а эти министры, сделавшие так много людей жертвами, сами были жертвами общественного и политического строя.

Но прошу вас обратить внимание на великолепное зрелище.

Две тысячи представителей народа торжественно обсуждали основы нового общественного и политического строя, свободу нации и задачи будущего.

Они уже почти единогласно приняли два главных принципа: общность имущества и отсрочку на пятьдесят лет его полного осуществления. Всего сто пятьдесят четыре члена голосовали отрицательно по первому вопросу и сто шестьдесят два по второму, но президент республики просил Народное представительство рассматривать это голосование только как предварительное и отсрочить окончательное решение. Он доказывал, что в таком чрезвычайно важном вопросе несколько месяцев, даже несколько лет промедления не имеют большого значения в сравнении с теми неудобствами, которые приносят разногласия. Единогласие при голосовании имеет неоценимое преимущество; ввиду этого следует всячески стараться, чтобы меньшинство, как бы оно ни было малочисленно, не чувст-

вовало себя подавленным. Гораздо лучше продолжать обсуждение, чтобы дать оппозиции возможность развить свои доводы и убедить ее присоединиться к господствующему мнению.

Были организованы новые комитеты и новые конференции; были опубликованы и всюду обсуждались возражения, и вдруг военная тревога возвестила, что все эти планы могут быть похоронены под руинами революции.

Икар желал мира, чтобы можно было заняться исключительно выполнением его великого плана. Он желал бы распустить армию, чтобы с большей пользой употребить затрачиваемые на нее средства и ее рабочие руки.

Но он не боялся войны, ибо надеялся, что она принесет победу и мир, прочный, длительный, быть может вечный мир.

Он считал войну неизбежной потому, что некоторые соседние короли, делавшие уже попытки восстановить сына Коруга, не преминули бы использовать новую конъюнктуру, а другие короли, побуждаемые своими аристократами и уже составившие коалицию для поддержки тирании, не преминули бы вступить в союз против демократической революции, торжество которой служило бы заразительным примером для их народов и грозило бы их тронам.

Он, впрочем, хотел быстро покончить с неопределенным положением и заставить своих соседей дать гарантии мира или объявить войну.

Вот почему он, как вы видели, сейчас же после того как был назначен диктатором, взялся за организацию армии и народной гвардии.

В тот же день он заявил соседним королям, что икарийский народ желает мира и не хочет вмешиваться в дела других народов, но предыдущие войны, начатые против него, требуют необходимых гарантий, и он требует всеобщего разоружения, предлагая подать пример. Он прибавил, что если в течение сорока пяти дней он не получит утвердительного ответа, то будет считать молчание объявлением войны, и если одна из чужеземных армий двинется вперед, он будет рассматривать это движение как начало враждебных действий.

В ожидании ответа он отозвал всех дипломатических представителей последнего правительства и выслал всех иностранных дипломатических представителей, заявив, что они могут выбрать местопребывание вблизи границы, чтобы передавать сообщения своим правительствам.

Он принял даже такую меру предосторожности, как высылку всех иностранцев, за исключением тех, которым он специально разрешил остаться, так как ему известно их намерение представлять интересы икарийцев перед своими соотечественниками.

В течение этого времени он не щадил никаких усилий, чтобы подготовить защиту на случай нападения, воздвигая всюду укрепле-

ния, изготовляя оружие, собирая необходимый провиант и обучая войска.

Все уверения в мирных намерениях, которые ему давали, не обманывали его и не усыпляли.

Таким образом, когда наступил сорок пятый день, не принесший удовлетворительного ответа, и Икар узнал, что несколько иностранных корпусов приближается к границам, он был вполне подготовлен.

Он тотчас же предложил Народному представительству считать войну объявленной и начатой и декретировал поголовное ополчение всего населения для защиты революции и отечества.

Представители народа объявили войну народной и национальной, постановили, что нация возместит все убытки, которые потерпят подвергнувшиеся вторжению провинции, и почти единогласно провозгласили Икара диктатором.

И народ, запрошенный по этому поводу, единогласно подтвердил объявление войны и диктатуру.

Тогда появилось следующее воззвание:

ВОЗЗВАНИЕ ИКАРА ПО ПОВОДУ ВОЙНЫ

«Мы требуем мира, а нам объявляют войну. Так пусть же будет война!

Нам угрожают, на нас хотят напасть. Хорошо, мы будем защищаться.

Мы будем готовы принять нападающих, ибо нападение было предвидено!

И действительно, разве могли они не напасть на нас теперь, эти деспоты и аристократы, столько раз посылавшие свои армии на помощь нашим притеснителям?

Разве наше восстание против их союзников могло не показаться им восстанием против них самих?

Могли ли эти тираны собственных подданных, эти враги всякой свободы и всякого прогресса, простить и терпеть демократическую и республиканскую революцию, которая хочет дать народам пример великой нации, завоевывающей себе свои неотъемлемые права и осуществляющей общность имущества?

Чем более мы умеренны, милостивы, счастливы, чем больше мы возбуждаем уважение, удивление, одобрение и зависть их народов, тем больше они должны бояться нас и ненавидеть!

Да, короли и аристократы, испокон веков связанные общим интересом держать под своим господством народы, фатально вынуждены объявить нам войну, чтобы попытаться спасти свой деспотизм, погубить нашу революцию и нашу свободу, восстановить аристократию и укрепить ее навсегда.

Они перебили бы самых благородных среди нас. Они сослали бы других в пустыни. Они вырвали бы у нас детей и искалечили бы их! Они отдали бы наших жен в жертву скотской похоти своих солдат! Они раздели-

ли бы между собой развалины нашего отечества!

Они объявляют нам поэтому войну, войну н на жизнь, а на смерть, войну уничтожения и рабства.

Позволим ли мы себя поработить, истребить таким образом? Разве смерть в пылу сражения не предпочтительнее в тысячу раз?

Мужественные сограждане, мне кажется, что я уже слышу ваш ответ: «Война! Победить или погибнуть, сражаясь!»

Да, мы будем сражаться. Мы будем сражаться за каждый кусок нашей земли, до последнего бойца и до последнего издыхания. Мы не подставим свои головы нашим палачам. Скорее мы сожжем наши города, разрушим наши дороги и мосты, похороним наших жен, наших детей и себя самих под развалинами отечества. Подражая нашим предкам и древним народам, оставившим нам столько примеров героической патриотической преданности, мы, в свою очередь, покажем, на какие жертвы способна любовь к свободе.

Более того. Мы покажем, что такое народ на войне, что в состоянии сделать великий народ, когда он объединен, какую силу имеет свобода, сражаясь за независимость.

Коалиция деспотов грозится послать против нас два миллиона наемников. Но разве мы не имеем шести миллионов солдат и народных гвардейцев, которые встретят их ружейными и пушечными выстрелами, и восем-

надцать миллионов старцев, жен, детей, которые смогут сражаться против них при помощи тысячи других средств? Разве наши враги не разъединены распрями из честолюбия и взаимной зависти, в то время как мы тесно сплочены?

Их вооруженные рабы только нехотя будут нападать на нас в защиту деспотизма и аристократии, тогда как мы будем защищать с энтузиазмом наше дело и дело всех народов.

Вероятно, мы на первых порах допустим некоторые ошибки. Но мы будем учиться на этих ошибках.

Мы испытаем несколько неудач. Но в чем заключалась бы слава, если бы можно было побеждать без риска? Мы добьемся того, что станем непобедимыми.

Вы уже уничтожили вашу аристократию, вы уничтожите также коалицию, которая хочет ее восстановить. И если короли имеют преступное безрассудство напасть на нас, то чем они будут многочисленнее, чем дальше они проникнуть в глубь нашей страны, тем более несомненно — вы можете быть в том уверены — наши поля явятся для них могилами.

Но раз мы обнажили меч, мы не остановимся, пока вокруг нас не будет больше ни аристократов, ни деспотов. Мы напишем на наших знаменах: «Никаких завоеваний! Братство народов!» И мы пойдем в поход как друзья, для освобождения человечества.

К оружию! К оружию! Пока мы не добьемся мира, нашим единственным делом должна быть война!

Пусть нация будет только армией, страна — арсеналом и полем сражения!

Старики, воодушевляйте молодежь! Женщины, воодушевляйте ваших детей, ваших мужей и ваших братьев!

Граждане, солдаты, поспешим к границе с возгласами: Да здравствует отечество! Да здравствует общность!»

Диктатор выпустил много других воззваний к народам других стран, генералам, крестьянам, в особенности к бывшим сторонникам аристократии.

Твердо решив не терпеть внутренних врагов, которые могли бы устраивать заговоры вместе с внешним врагом и в случае неудачи предать страну, он пустил в ход все средства, чтобы предупредить или устранить все опасности.

Некоторые дворяне покинули страну. Но многие старые умные аристократы, убежденные в том, что дело их навсегда проиграно, но в то же время вполне успокоенные всем, что произошло, искренно соперничали в патриотизме с лучшими гражданами.

Самые уважаемые люди, государственные служащие, даже крупнейшие из богачей, наиболее красноречивые священники, самые блестящие женщины — все они, увлеченные диктатором, помогали ему, в свою очередь увлекая других.

Каждый старался превзойти другого, отдавая отечеству свое имущество, себя и детей,— так непреодолимо влияние власти, когда она подает пример справедливости, доброты и преданности народу и стране!

Я не буду говорить вам о всех средствах, которые употреблял Икар, чтобы вызвать энтузиазм. Пресса, поэзия, песни, музыка, спектакли, клубы, военные упражнения, празднества — все служило этой цели.

Военный гимн, названный Гимном отечеству, распеваемый всюду населением, воодушевлял все сердца.

Всюду крестьяне сбегались на дорогу при прохождении граждан, первыми отправлявшимися в поход. Население городов собиралось при их прибытии и провожало их при отправлении.

Солдаты и народные гвардейцы, рабочие и молодые студенты, граждане всех классов братались и воодушевляли друг друга.

Всюду видны были вооруженные люди, можно было видеть даже небольшие женские полки, которые предлагали свои силы для ухода за ранеными или обслуживания бойцов.

Видны были рабочие, изготовлявшие и перевозившие оружие и военное снаряжение.

Всюду слышна была военная музыка или военные песни. Везде рабочие, зрители, собравшиеся вместе граждане, солдаты в походе пели Гимн отечеству среди неописуемых взрывов одушевления.

Короли могли сколько угодно увеличивать число своих лицемерных манифестов. Ничто не помогало. К тому же воззвания диктатора всегда сводили на-нет их ложь и вероломные обещания.

Двадцать пять армий, питающих полное доверие к избранным ими начальникам, подняли свои знамена на всех границах. Когда первый пушечный выстрел был дан коалицией королей, все села были заняты бесчисленными небольшими отрядами вольных стрелков, все соседние города были переполнены отрядами народной гвардии, пятьсот народных представителей находились рядом с генералами, а остальная часть Народного представительства находилась подле диктатора, чтобы оказать ему в случае надобности содействие.

Я обхожу молчанием частичные победы и поражения, успехи и неудачи, гениальные операции и ошибки, подвиги героической храбрости и поразительной преданности.

Скажу вам только, что когда икарийские армии бросались вперед по всему фронту с криками энтузиазма, каких никогда еще не слышали, то иностранные солдаты, которые сражались нехотя, и в особенности короли и аристократы, увлекавшие их за собой, приходили в ужас, тогда как подвластные им народы, ободряемые видом знамен равенства и братства, молились за своих освободителей и готовились принять их как братьев.

Говорить ли вам о великом сражении или, скорее, о бессмертной победе при Дораке через семь дней после начала кампании? Никогда, быть может, энтузиазм, способный внушить людям любовь к отечеству и человечеству, не производил столько чудес!

Говорить ли о следствиях этой победы: деморализация иностранных армий, раздоры среди их генералов, восстание нескольких корпусов в их армиях, отпадение двадцати тысяч мираков, которые только недавно были покорены соседним королем и вынуждены были сражаться за него, а теперь повернули на поле сражения свои пушки против притеснителя?

Стану ли я рассказывать вам о восстаниях народов, их новых более или менее демократических правительствах и об их благодарности к благородным освободителям?

Заметим только, что три крупнейших соседних страны, к которым затем присоединились другие, послали своих полномочных представителей на конгресс, где были провозглашены мир, всеобщее разоружение, братство народов, свобода импортной и экспортной торговли, отмена таможен, даже уничтожение на публичных памятниках всех эмблем, которые у каждой нации напоминали другим нациям унизительную повесть их поражений.

На этом первом конгрессе была даже организована конфедерация и постановлено еже-

годно созывать федеральный конгресс для обсуждения общих дел союзников.

Поспешим вернуться вместе с победоносными армиями и, не останавливаясь ни на наградах и почестях, присужденных солдатам, ни на празднествах, во время которых чествовали храбрость, победу и мир, обратимся опять к Икару, снова сложившему диктатуру, и к Народному представительству, возобновившему свои дебаты о конституции.

Вы, наконец, увидите их сейчас или, точнее, завтра, как они без помех занимались установлением режима общности.

Но эти славные воспоминания слишком волнуют меня, и я прошу у вас разрешения повторить, кончая нашу беседу, наш национальный клич: «Слава нашим предкам! Вечная слава доброму Икару!»

И вся воодушевленная аудитория повторила этот клич с таким пылом, что он заглушил шум аплодисментов.

Глава шестая

ПЕРЕХОДНЫЙ ПОРЯДОК. ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАВЕНСТВО. УМЕНЬШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА. ПРОГРЕССИРУЮЩЕЕ СОЦИАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО

Вы можете себе представить, что после войны, победы и мира влияние Икара было безгранично. Его почитали почти как божество.

Было предложено назначить его пожизненным диктатором, но он отверг это предложение, говоря, что народ должен приучиться сам вести свои дела. Он отказался даже от титула президента республики и согласился только на звание президента экзекутивы, заявив, что суверенитет народа и его представителей не должен отныне иметь ни соперника, ни тени соперника. Но, тем не менее, он был душой, гением-хранителем и действительным диктатором республики.

Таким образом принцип общности, снова обсужденный, был принят единогласно, а полное и окончательное осуществление его

отсрочено на пятидесятилетний срок, как предложил Икар.

После долгого и серьезного обсуждения была принята также с более или менее значительными изменениями его система переходного общественного и политического строя.

Я не вижу надобности описывать строй общности, ибо это строй, который вы теперь у нас видите, но я изложу вам бегло принципы переходного строя.

Вот его резюме:

Принципы переходного общественного строя

«1. Строй абсолютного равенства, общности имущества и обязательного труда будет осуществлен вполне и окончательно только через пятьдесят лет.

2. В продолжение этих пятидесяти лет право собственности сохраняется, и труд остается свободным и необязательным.

3. Существующие имущества будут неприкосновенны, как бы неравны они ни были, но, начиная с настоящего дня, строй уменьшающегося неравенства и прогрессирующего равенства послужит переходом между старым строем неограниченного неравенства и будущим строем совершенного равенства и общности.

4. Все существующие теперь собственники продолжают сохранять свою собственность. Изменения могут быть произведены только для будущих наследств, дарений и приобретений.

5. Ни один из граждан, которому минуло пятнадцать лет, не будет обязан работать, пока устанавливается строй общности. Но дети моложе пятнадцати лет, рожденные теперь и имеющие родиться, получат общее элементарное техническое образование, чтобы они были в состоянии работать по той или иной специальности, когда будет установлен строй общности.

6. Начиная с настоящего дня, все законы будут иметь целью уменьшать излишки, улучшать участь бедных и устанавливать постепенно равенство во всем.

7. Бюджет может не сокращаться, но система приходов и расходов будет изменена.

8. Беднота, предметы первой необходимости и труд освобождаются от всякого налога.

9. Богатство и излишек облагаются прогрессивно.

10. Все бесполезные государственные расходы отменяются.

11. Все общественные функции вознаграждаются или оплачиваются.

12. Все они оплачиваются в достаточной и умеренной степени.

13. Заработная плата рабочего будет регулироваться, и цены на предметы первой необходимости будут нормированы так, чтобы каждый земледелец, каждый рабочий и каждый собственник мог жить прилично на средства, доставляемые ему трудом, и на свою собственность.

14. Минимум пятьсот миллионов будет ас-

сигновываться ежегодно для доставления работы рабочим и жилища беднякам.

15. С этой целью все подготовительные работы для установления системы общности будут начаты немедленно.

16. Армия будет распущена, как только это будет возможно, с выплатой вознаграждения.

17. Впредь до этого она будет использована со специальным вознаграждением для общественно-полезных работ.

18. Национальные домены [9] будут по возможности тотчас же использованы для введения общности, превращены в города, или деревни, или фермы и предоставлены бедным.

19. Будут приняты все меры для увеличения населения и прекращения безбрачия.

20. Браки рабочих будут поощряться и облегчаться.

21. Образование и воспитание новых поколений будут одним из главных предметов общественного попечения.

22. Они будут иметь своей целью воспитать граждан и рабочих, которые будут трудиться для установления строя общности.

23. На это будет ежегодно ассигноваться, если окажется нужным, сто миллионов. Все усилия будут направлены на подготовку необходимого числа учителей. Республика обеспечит благосостояние для них и их семейств и будет рассматривать их как наиболее важных из государственных служащих».

Таковы были принципы переходного общественного строя, основанного на собствен-

ности и уменьшающемся неравенстве имуществ. Этот переходный строй, как видно, не затрагивал всех приобретенных прав, тогда как строй общности должен был существовать только для малого числа детей ниже пятнадцати лет и для будущих поколений.

Динар затем изложил принципы политического строя в течение переходного периода.

Не буду повторять то, что он сказал об этом предмете, потому что я уже достаточно обрисовал эту правительственную организацию, которая мало отличается от существующей (см. часть первую, главу V).

Я ограничусь добавлением, что Динар изложил нам основы демократической республики: ими являются суверенитет народа и равноправие провинций, коммун и граждан. Динар объяснил нам, какие средства употребляются, чтобы облегчить гражданам частое посещение народных собраний и использование гражданами всех своих политических прав.

Повторю, однако, изложение уголовного права и судопроизводства. Так как собственность должна была сохраняться в течение пятидесяти лет, то нельзя было надеяться, что в течение этого времени не будет больше преступлений, и поэтому было необходимо сохранить репрессивные меры.

Динар сперва говорил нам о несчастных осужденных, которые в момент революции наполняли тюрьмы и каторги, куда их бросали массами аристократы и богачи. Он сообщил нам, что Икар немедленно освободил их и

вернул семьям, допустив их либо в армию, либо в мастерские республики; даже воры, желавшие работать, были помилованы. Почти все они впоследствии отличались безупречным поведением.

Затем он прочитал нам конец резюме, составленный в следующих выражениях:

«Организация судебная будет упрощена. Судьи будут выборные и временные. Присяжные будут высказываться по существу обвинения как в гражданских и исправительных, так и в уголовных делах. Уголовный кодекс будет пересмотрен; смертная казнь отменяется; позорящие наказания будут уничтожены. Свод уголовного судопроизводства будет переработан; индивидуальная свобода будет гарантирована от всех злоупотреблений власти; только обвиняемые в убийстве могут быть арестованы до суда, с разрешения жюри. Тюрьмы будут гигиеничны и удобны».

— Таковы были,— закончил Динар,— принципы переходной конституции, и эта конституция, заботливо изданная и хорошо известная всем, была единогласно принята народом, среди торжеств и ликований.

С таким же одушевлением конституция была проведена в жизнь путем окончательной организации всех народных коммунальных собраний, избрания провинциальных представительств и введения в должность всех новых государственных служащих.

Таким образом укрепилось республиканское демократическое правительство. Народ-

ное правительство в согласии с Икаром, президентом Национальной экзекутивы, занялось, наконец, делами народа и могло себя целиком посвятить его благосостоянию, так как теперь ему не мешали никакие гражданские раздоры и внешние угрозы.

Весь народ принял участие в обсуждении своих дел, ибо народные коммунальные собрания, составленные из всех граждан, объединенных в каждой коммуне, обсуждали коммунальные дела. Представительства провинции, составленные из депутатов, избранных гражданами каждой провинции, обсуждали провинциальные дела. И те, и другие обсуждали также более общие дела, вверенные им конституцией, а Национальное представительство, избранное всеми гражданами республики, обсуждало все национальные дела.

Чтобы справиться с огромной организационной работой, которую ему нужно было выполнить, Национальное представительство разделилось на пятнадцать главных комитетов (земледелия, пищи, одежды, жилищ, промышленности, торговли, народного просвещения и воспитания, статистики и т. д.), составленных из ста тридцати трех членов каждый и подразделенных на шестьдесят подкомиссий из тридцати трех членов. Оно даже организовало при каждом комитете комиссии, составленные из граждан-недепутатов, имевших специальные познания и дававших свое заключение. Все эти комиссии составляли необходимые анкеты и вели переписку с анало-

тичными комитетами, организованными во всех провинциальных представительствах и во всех народных коммунальных собраниях, так что весь народ был распределен по всем этим различным комитетам.

А для того, чтобы народ мог обсуждать все вопросы с полным знанием дела, каждая коммуна стала издавать коммунальную газету для жителей коммуны; каждая провинция — свою провинциальную газету для жителей провинции, а нация — национальную, или народную, газету для нации и всех граждан. Каждая газета, редактируемая государственными служащими, избранными гражданами, распределялась за счет коммун, провинций и страны (что влекло лишь незначительный расход для каждого), так что каждый глава семейства получал даром газету своей коммуны, провинции и национальную, или народную. Этот расход рассматривался как расход на народное просвещение или расход на осуществление суверенитета народа.

С этой же целью всюду были назначены специальные и постоянные служащие для организации статистики или составления инвентаря коммун провинций и республики в целом.

Каждая коммуна должна иметь свою статистику числа, состояния и назначения домов: числа, состояния и имущества семей; числа лиц, из которых состоит каждая семья, с указанием пола, возраста, профессии, числа женщин и мужчин, женатых и холостых или вдовцов; числа лиц одного года, двух, трех

лет и т. д.; числа каменщиков, плотников, сапожников и т. д.

Коммунальная статистика должна была регистрировать также число и состояние доменов и ферм; число арпанов земли с указанием культур и продуктов; число лошадей, быков и т. д.

Провинциальная статистика должна была суммировать статистику всех коммун, из которых составлялась провинция, а национальная статистика подводила итог статистике всех провинций.

Каждое из этих статистических учреждений имело свое специальное здание в главном городе каждой коммуны, в каждой провинции и в столице.

Каждое из них должно было ежегодно печатать и распределять свои труды по мере изготовления таким образом, чтобы каждый глава семьи получал статистические сводки своей коммуны, своей провинции и нации.

Правительство могло, таким образом, знать численность населения каждой коммуны, каждой провинции и всей страны, каковы его нужды и средства труда и как велика продукция земли; оно всегда находило там все необходимые сведения, чтобы устранять непорядки, использовать все ресурсы, удовлетворять необходимые нужды и улучшать административный аппарат.

Все планы реформы и улучшения могли, таким образом, исходить беспрестанно от каждой семьи, каждой коммуны, каждой про-

винции — для осведомления Национального представительства; они могли также исходить от Национального представительства — для руководства или осведомления народа, а в самых важных случаях окончательно и суверенно решал весь народ.

Один из первых вопросов, к которому Икар и Национальное представительство привлекли серьезное внимание всех граждан, был следующий: как можно, сохраняя на переходный период собственность, уничтожить нищету и прогрессивно улучшать судьбу бедных, чтобы все, по возможности скорее, могли хорошо питаться, хорошо одеваться и иметь хорошее жилище?

Судите, какой интерес вызывал в умах один только этот вопрос, подвергшийся рассмотрению всех просвещенных людей! Какой новый мир!

Сначала взялись за устранение злоупотреблений.

Бесполезно говорить вам, что они были сметены, точно ударом метлы.

А так как почти все было никуда не годно и вело только к злоупотреблениям, то изменили почти все: веса и меры, счет времени и деление страны, имена, нравы и обычаи; произведена была всеобщая и радикальная революция, полное обновление, настоящее возрождение.

Граждане даже отказывались от своих имен, чтобы выбрать себе новые. Казалось, будто новый народ занял место старого. Вся стра-

на также совершенно преобразилась, названия провинций, городов, улиц и рек были заменены другими.

Когда злоупотребления были устранены, взялись за перестройки или улучшения, и всюду установлено было следующее общее правило: сперва необходимое, потом полезное, затем приятное.

Чтобы обеспечить бедных надлежащей пищей, одеждой и жилищем, одни предложили снизить стоимость припасов, одежды и жилищ и повысить заработную плату, организуя для всех работу; другие — распределить необходимые припасы, одежду, жилища или же деньги, чтобы на них можно было все это приобрести, и с этой целью установить налог в пользу бедных; третьи — заключить займы и даже выпустить бумажные деньги, чтобы дать республике возможность помочь бедным, не слишком отягощая богатых.

Все эти средства, комбинированные вместе, вели к одной цели и предоставили в распоряжение республики колоссальный капитал, достаточный для всех ее расходов.

Земледелие было одним из главных предметов общего попечения. Были приняты все необходимые меры, чтобы земли были обработаны полностью и по возможности лучше; были посланы комиссары во все чужеземные страны для изучения их приемов обработки; для каждого рода почвы были указаны продукты, которые лучше всего произрастали на ней, были указаны продукты, которые

находились в стране в изобилии, и те, которых недоставало; поощряли улучшение зерновых хлебов, овощей, плодов, животноводства и всех предметов пропитания, чтобы все граждане могли хорошо питаться. Правительство подавало пример на национальных фермах и коммунальных землях. Кроме того, тысячи комитетов земледелия, организованные в тысяче коммун, постоянно вводили различные усовершенствования, и специальный земледельческий журнал руководил всеми земледельцами, сообщая им всякие полезные сведения.

Комитеты питания, составленные главным образом из медиков, химиков и поваров, обсуждали тысячи вопросов, касающихся числа и времени приема пищи; числа, состава, порядка приготовления и приправы блюд; хороших и плохих съестных припасов; необходимого разнообразия соответственно времени года, возрасту, полу и профессии. Они давали указания не только относительно всех недостатков старой системы питания, которых следует избегать, и всех улучшений, какие необходимо ввести, но и о лучшей системе питания для того времени, когда будет установлена система полной общности, когда все припасы будут распределяться республикой и все граждане будут питаться одинаково.

Народное представительство установило эту окончательную систему, подготовило ее применение и даже применило ее частично во всех случаях, где это было возможно, напри-

мер в больницах, в школах и в мастерских. Оно последовательно голосовало за все переходные мероприятия, какие стали осуществимы, и неустанно трудилось над улучшением питания народа.

Комитеты одежды, составленные главным образом из медиков, рисовальщиков и опытных рабочих, также обсуждали тысячи вопросов, касавшихся одежды мужчин, женщин, детей, рабочих и т. д., и указали для массы народа лучшие типы одежды, наиболее удобные и изящные.

Народное представительство определило систему, которая будет применена, когда все граждане будут одинаково одеваться, и голосовало за все переходные мероприятия, которые казались ему наиболее для этого полезными.

А так как законодатели избирались народом и пользовались полным его доверием, так как все проекты обсуждались и одобрялись самим народом и все эти законы преследовали лишь одну цель — благо народа, то законы не встречали никакой оппозиции, и каждый старался выполнять все решения и даже простые указания Национального представительства, касавшиеся пищи и одежды.

И то же самое относилось к жилищу и обстановке.

Так как все граждане должны были при режиме полной общности иметь одинаковое жилище, и по возможности лучшее, то Народное представительство постановило, что бу-

дет присуждена щедрая награда и во всех домах республики от имени народа будет помещен бюст того, кто представит план образцового дома, наиболее совершенного во всех отношениях.

Когда все эти планы были рассмотрены на публичном конкурсе, Народное представительство приняло один увенчанный премией план и постановило, чтобы отныне все дома строились сообразно этому плану.

Отсюда — и это было ясно всем — проистекало и следующее неоценимое преимущество: так как все двери, окна и т. д. были совершенно одинаковы, то можно было заранее приготовить в огромных количествах все составные части городских и деревенских домов.

А пока множество общественных зданий отдано было для размещения большого числа бедных семей и приняты были все переходные меры, оказавшиеся необходимыми для немедленного улучшения жилищных условий народа.

Удовлетворение, какое дала народу эта великая мера справедливости и человечности, до такой степени возбудило всеобщий энтузиазм, что большое число богатых, увлеченных примером Икара, предложило свои дома республике для того же назначения.

Таким же образом получены были образцовые планы для ферм, разных мастерских, больниц, школ и т. д.

Так же было поступлено по отношению к обстановке и к каждому виду мебели.

Так как все коммунальные города должны были при режиме полной общности быть одинаковы, то тому, кто представит наиболее совершенный план образцового города, были обещаны огромная награда и его статуя во всех коммунах.

Подобные же мероприятия были приняты по отношению к главным городам провинций, к столице, памятникам.

Были обследованы все плохо расположенные или плохо устроенные города. Некоторые нужно было реконструировать целиком, другие можно было подвергнуть только перестройке, причем были указаны все необходимые изменения и переходные меры, которые следовало принять немедленно.

Народное представительство предписало тотчас же реконструировать города, сожженные во время войны, и построить несколько городов, где были бы размещены раненые солдаты и бедные и где немедленно применена была бы система полной общности.

Оно постановило реконструировать почти все деревни.

Разделить территорию республики на провинции, по возможности равные по пространству.

Каждую провинцию разделить на десять почти равных коммун.

Употребить все старания, чтобы каждый главный город провинции помещался в центре своей провинции и каждый главный город коммуны — в центре своей коммуны.

Обеспечить каждую коммуну такими средствами сообщения, чтобы можно было в течение часа собрать в коммунальном городе всех ее жителей.

Каждый провинциальный город и его территория должны заключать территорию и население трех коммунальных городов и трех коммун. Столица должна заключать их шестьдесят.

Приняты были также все меры для равномерного распределения населения таким образом, чтобы в каждой общине, а следовательно в каждой провинции, было равное число населения.

Отмечены были все плохо проложенные большие дороги и необходимые на них изменения, а также изменения в каналах и реках, которые почти все следовало выравнять, углубить и сделать судоходными. Указаны были все дороги, которые надо было проложить или починить, и предписано было немедленно произвести наиболее неотложные работы.

Всюду разведывались минеральные месторождения, какие могли найтись в стране.

Так как предстояла огромная работа, то *комитет промышленности* использовал все инженерные и промышленные кадры народа и даже иностранцев, чтобы изобрести и ввести все машины и механические орудия, которые могли бы увеличить производство и заменить человека на всех опасных, тяжелых или неприятных работах.

На всех производствах, например в производстве одежды, искали форм, которые облегчали бы изготовление одежды, чтобы уменьшить число портных и использовать их труд более производительно.

Республика постепенно получила даже миллион иностранных рабочих, которые устроились и обзавелись семьями в стране. Но она допускала только красивых или талантливых людей, чтобы в одно и то же время улучшить тип населения и развить промышленность.

Народное представительство организовало и регулировало торговлю и промышленность, планируя производство товаров и размещение рабочих.

Оно даже превратилось в крупного торговца и фабриканта от имени народа, ибо оно предписало экзекутиве произвести за границей громадные закупки сырых материалов и организовать огромные республиканские мануфактуры и мастерские, чтобы производить наиболее необходимые для народа ткани, одежду, мебель и изготовлять все части — каменные, деревянные, металлические, необходимые для постройки домов.

Оно предписало построить также огромные республиканские заводы для эксплоатации копей и производства машин.

Многочисленные рабочие, занятые в этих мастерских, получали плату или, точнее, пищу, одежду и жилище от республики.

И чтобы облегчить этот огромный труд реконструкции производства, *комитет публичных работ* при содействии комиссии, составленной из ученых и промышленников, определил порядок работ и наметил те, с которых следовало начать, чтобы подготовить другие и преодолеть все трудности.

Комитет общественного здравия указал все предохранительные меры, которые необходимо принять в мастерских и на всех прочих работах. Руководство по гигиене, премированное Национальным представительством и распределенное даром в нескольких миллионах экземпляров, популяризировало правила, какие необходимо соблюдать для сохранения здоровья в различных случаях жизни. А комитет усовершенствования человека неустанно работал над улучшением человеческого рода.

Народное воспитание и просвещение были, быть может, главным предметом внимания Икара и сосредоточивали на себе внимание философов и всего народа.

Народное представительство постановило создать школы переходного времени и отвело для них наиболее красивые общественные здания.

Оно приняло все меры для немедленной подготовки необходимых учителей и профессоров.

Оно сперва занялось взрослыми от пятнадцати до тридцати лет, которых оно распорядилось обучить чтению, письму и некото-

рым другим практическим знаниям, наиболее полезным для рабочего и гражданина.

Оно декретировало для режима полной общности систему воспитания, наиболее совершенную во всех отношениях.

Оно декретировало также переходную систему, которая по возможности меньше отличалась от окончательной системы.

Все дети одного пола, богатые и бедные, от десяти до пятнадцати лет, были обязаны изучить профессию по своему выбору и были ознакомлены с новой организацией и системой общности.

Все дети моложе десяти лет бесплатно воспитывались сообща до восемнадцати лет и были вполне приучены к жизни в новой социальной обстановке.

Наконец, были составлены необходимые пособия для подготовки учителей, обучения учеников и просвещения всех граждан.

Один из проектов, наиболее нравившихся Икару, заключался в изобретении нового языка, рационального и правильного, не имеющего никаких исключений из принятых принципов и заключающего минимальное количество правил,— следовательно, наиболее простого, лаконичного и легкого для изучения.

Этот проект был принят Народным представительством, постановившим воздвигнуть статую во всех школах в честь того, кто представит лучший образец. Затем оно предписало обучение этому языку всех детей и моло-

дых людей и перевод на него лучших старых произведений, так что плохие были таким образом уничтожены.

Религия и священники также получили соответствующие указания от Икара, Народного представительства и всей нации для установления окончательной или переходной религиозной системы.

Провозглашены были уважение ко всем верованиям и веротерпимость для всех культов.

Религия была вполне отделена от государства и сведена к почитанию божества и проповеди нравственности.

Все молодые священники должны были избираться своими единоверцами и могли жениться.

Духовенство само объявило себя независимым от всякого иностранного первосвященника и признало свое подчинение закону.

И в то время как щадили привычки старых священников и старых набожных людей, основывали учебные заведения для подготовки новых священников, которые были бы так же почтенны, как и полезны, а также для воспитания религиозных чувств новых поколений и приведения религии к той чистоте и простоте, которая внушает к ней любовь и почитание.

Таким образом Икар, народные представители и сам народ организовали переходный период и трудились над подготовкой режима полной общности.

Все было так хорошо комбинировано, что смерть Икара, в 1798 г., не повлекла за собой почти никаких неурядиц.

Тысячи учеников и апостолов исповедывали его учение, и можно сказать даже, что народ разделял все его принципы.

Все было заранее разработано, и выполнение было так организовано, подготовлено и продвинуто вперед, что дело сводилось только к труду простых исполнителей.

Более того. Старые воззрения и старые навыки были в такой степени изменены воспитанием, новыми привычками, рассуждением и опытом, что богачи сами отдавали свое имущество республике, чтобы вступить в какую-нибудь начальную коммунистическую организацию.

Икар подал пример, пожертвовав все свое состояние на основание коммуны, в которой он устроил сто бедных семей, образовавших деревню.

Один из наиболее богатых сеньоров, герцог Ализор, тоже пожертвовал все свое колоссальное состояние на основание коммуны, составленной из трехсот бедных семей, которые он сам выбрал.

Другой, граф Марбель, в подражание им набрал в сиротских приютах двести мальчиков от девяти до десяти лет и двести девочек от пяти до шести, которых он воспитал и допустил в свою коммуну, после того как они выросли и переженились между собой.

Третий соединился с двадцатью другими, чтобы организовать законченную коммуну. Один почтенный священник побудил всех собственников своего небольшого городка сложить сообща все свое имущество и организовать коммуну.

Больше того. Все эти примеры вызывали такой энтузиазм, что тысячи петиций, на которых первыми стояли имена богачей, требовали, чтобы переходная эпоха была сокращена. Подготовительные работы подвигались вперед так быстро, что пятьдесят лет были последовательно сокращены до сорока, затем до тридцати, и система полной общности была целиком и окончательно установлена в 1812 г., через четырнадцать лет после смерти Икара, в тридцатый год возрождения.

Вы понимаете теперь, надеюсь, как эта счастливая общность была организована у нас? Если, впрочем, кто-либо из вас желает еще кое-каких новых объяснений (а я знаю, что некоторые желают дополнительных сведений), то я, как уже сказал вам, с великим удовольствием готов ответить на все вопросы, ибо сам горячо желаю, чтобы у вас не оставалось никаких сомнений. Посвятим нашу ближайшую беседу рассмотрению возражений.

Но прежде чем кончить, разрешите мне сказать еще два слова.

Представьте себе, если можете, эту переходную эпоху: грандиозный размах строительства и производства; развитие промышленности и торговли; деятельность мозга и

рук, массу открытий, изобретений или усовершенствований в искусствах и науках. В течение этих тридцати лет нация выполнила больше работ и продвинулась в своем развитии больше, чем в течение всей предыдущей своей истории.

Представьте себе также благосостояние и счастье, которым наслаждались наши отцы после ужасных потрясений и грандиозных событий, которых они были жертвами или свидетелями.

На другой день революции, тотчас же как только были изложены планы Икара, у народа не было иных чувств, кроме доверия, удовлетворения и надежды. Каждый день приносил новое завоевание или новое достижение, с каждым днем возрастала любовь к отечеству и ко всему человечеству. И наши отцы, более несчастные в детстве, чем мы, нашли в своих успехах и победах больше духовных и материальных наслаждений, чем нам их доставляет в настоящее время система полной общности.

Глава седьмая

ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ РАВЕНСТВА И ОБЩНОСТИ ИМУЩЕСТВА

Хотя Динар должен был только отвечать на поставленные ему вопросы, речи его доставляли слушателям такое удовольствие, что зал был так же полон, как и в предыдущие дни.

Новое обстоятельство еще удваивало любопытство. Старый испанский исследователь, по имени Антонио, известный своей эрудицией и тонким умом, заявил, что у него имеется много возражений, и его сторонники, побуждавшие его поддержать дискуссию, заранее радовались в предвкушении его будущего торжества.

— Я, кажется, слышал,— сказал Динару один из присутствовавших,— что были переустроены все фермы и все дома, все деревни и все города. Но каким образом можно было закончить все это строительство в течение только тридцати лет?

Я понимаю, насколько могущественны были различные средства выполнения, о которых

вы нам говорили, однако мое воображение все еще теряется при мысли о колоссальных размерах этого труда. Быть может, существовали еще и другие средства, мне неизвестные. Если это так, то будьте добры ознакомить нас с ними.

— Действительно, главная задача состояла в том,— ответил Динар,— чтобы приготовить все жилища к определенному времени, и не столько в постройке красивых и прочных домов, сколько в быстрой их постройке.

После того как был установлен, как я уже сказал вам, образцовый план дома и города. установили также способ строить их по возможности скорее. Были приняты все меры, чтобы достигнуть этой цели, поэтому были построены менее прочные дома, которые должны были служить, быть может, не больше тридцати или сорока лет, а затем постепенно заменяться более прочными.

В городах отложили постройку всех памятников, которые служили только для украшения, оставив свободными предназначенные для них площадки.

Точно так же поступили с мебелью и остальными вещами. В течение тридцати лет производили только необходимые вещи, оставляя производство полезных или приятных вещей до осуществления полной общности.

Я, впрочем, уже сказал вам, что были использованы все машины, известные в иностранных государствах, причем изобрели бесконечное множество новых машин. Все ум-

ственные силы страны были направлены на их изобретение. Трудящийся народ стал поразительно искусен, и огромное количество праздных или плохо использованных прежде рук выполняло теперь полезный труд. Мы получили свыше миллиона иностранных рабочих, а совокупность наших машин составила силу в двести миллионов лошадей, или три миллиарда рабочих.

Прибавьте к этому, что всюду были построены громадные мастерские и гигантские мануфактуры, что изготовлялись в огромных количествах все составные части построек (тесаный камень, кирпич, строевой лес, двери, окна и т. п.), а потому строительство подвигалось вперед почти с невероятной быстротой. Под надзором самого Икара был построен дом в один день, и при нем же построили целую улицу в пять дней, а коммунальный город — в три месяца.

Заметьте еще, что большинство городов, которые были намечены к постройке, содержали на плане больше домов, чем нужно было для начала, так что постройка целых кварталов была отсрочена и заканчивалась по мере того, как увеличивалось население.

— Я понимаю,— сказал другой из присутствовавших,— но мне труднее понять переход от временного режима к режиму полной общности. Каким образом мог этот переход совершиться одним ударом, сразу по всей стране?

— Но переход совершился не таким образом,— ответил Динар,— а частично и последовательно. Слушайте меня внимательно.

Начали с провинций, больше всего пострадавших от войны, а затем последовали провинции, находившиеся в наиболее благоприятных природных условиях. Ежегодно новый режим вводили в одной, двух, трех или четырех провинциях таким образом, что начинали организацию полной общности со второго года, а заканчивали к тридцатому году.

Вы видите, что операция была не так уж сложна и трудна. Вот каким образом она выполнялась в провинции или, вернее, в коммуне.

Я должен вам сказать, во-первых, что закон определял число и образцы всех предметов, которые должны были составить движимость каждого дома или каждой семьи, и различные предметы, составлявшие эту установленную обстановку, производились в больших количествах; поэтому каждый мог ограничить свою обстановку этими предметами и получить то, чего ему нехватало.

Во-вторых, коммунальная статистика указывала число семей и лиц, живущих в коммуне, и число необходимых им предметов всякого рода. Поэтому магазины могли быть заранее снабжены всем необходимым.

Так вот, как только новый дом был построен, сделан жилым и снабжен установленной обстановкой, его передавали бедному, а старую обстановку последнего передавали

в общественные магазины, чтобы по возможности использовать ее.

Все бедные жители коммуны получали таким образом жилище и мебель, и большинство домов было занято уже в течение шести месяцев, затем постепенно вселялись состоятельные и богатые, которые, в свою очередь, отдавали республике всю свою обстановку или сводили ее к законной норме.

Когда все семьи таким образом получали жилище и мебель, через год или два, выбирали новых должностных лиц и провозглашали в коммуне полную общность.

Сделали еще больше, и вы сейчас увидите, что работа частично началась во всех коммунах республики одновременно.

Прошу вас быть внимательными.

Как только было решено, в первом году, что провинции и коммуны, города и деревня, дома и фермы будут одинаковы и постепенно все будет изменено, составлен был план каждой новой провинции со всеми ее новыми общинами, каждой новой общины со всеми ее новыми деревнями, новыми фермами и новыми путями, и были намечены места для дорог, ферм, деревень и городов.

Решено было, какие города будут построены на новых и какие будут перестроены на старых местах. Для первых набросан был план на земельном участке со всеми площадями, кварталами и улицами; для вторых план был сделан на больших картах, были даже сделаны рельефные планы. Затем, по

образцовому плану, указывали на бумаге все изменения, какие следует произвести. Применяя эти изменения на земельном участке, вехами указывали линию расположения всех новых улиц и площадей, памятников, мест гулянья и т. д. Так как инженеры достигли поразительного искусства в этих операциях, то труд был везде закончен в четыре года.

Везде начинали с самых необходимых дорог, ферм и деревень. Почти во всех городах застроили несколько улиц и несколько кварталов, чтобы поселить там наиболее нуждающихся, и как только улица или дом были готовы, в него переводили жителей плохого дома, а этот разрушали, чтобы использовать материалы.

Вы понимаете, таким образом, что всюду бедные могли лично воспользоваться благами новой системы уже с первых лет, тогда как в некоторых пунктах целые коммуны и даже провинции могли с того же самого времени ввести режим полной общности. Вы понимаете, что теперь, в 1836 г., у нас нет провинций, в которых этому режиму не исполнилось бы менее двадцати четырех лет. Почти во всех он установлен гораздо раньше. В одних он существует уже сорок восемь лет, в других — сорок семь, в третьих — сорок шесть, и так далее из года в год.

Вы должны теперь понять, каким образом режим полной общности мог установиться последовательно или одновременно в коммунах одной провинции, затем последовательно или

одновременно в нескольких провинциях, затем, наконец, во всей республике.

Вы должны также понять, что хотя много зданий и предметов движимости было уничтожено, потеря была не так значительна, как это можно было сперва предполагать. И это потому, что можно было сохранить лучшие здания и использовать материалы других, можно было утилизировать старую мебель, видоизменяя ее или даже оставляя ее старым хозяевам, пока она окончательно не износится, что, во всяком случае, не могло длиться больше тридцати лет переходной эпохи.

Вся мебель, изготовленная со второго года, была сделана по новым образцам, и вся старая износилась или почти износилась через тридцать лет, так что не было почти никакой потери национального движимого имущества.

— Но,— заметил третий,— алмазы, драгоценности, предметы роскоши... Так как закон запрещал их, то они были совершенно обесценены, когда установился режим полной общности?

— Да, но эти предметы не имели никакой реальной стоимости. Кроме того, количество их постепенно уменьшалось либо потому, что терялась привычка к роскоши, либо потому, что производство предметов роскоши мало-помалу прекратилось.

Следовательно, вы поймете, что после тридцати лет богатые легко соглашались передать все свои предметы роскоши общест-

венным магазинам, потому что, не будучи в состоянии ими пользоваться, они не имели никакого интереса сохранять их.

— Но ведь то же самое должно было произойти и с деньгами? — сказал четвертый.

— Несомненно, так как они сделались совершенно бесполезными. К тому же привыкли не придавать им никакой цены.

— И те, кто имел ценные бумаги, потеряли не больше, чем те, кто имел золото?

— Не потеряли ни те, ни другие, потому что система общности обогатила их, дав им все, в чем они нуждались.

— А долги и обязательства были отменены?— сказал пятый.

— Несомненно, ибо должник и кредитор должны были передать свои деньги общественным магазинам.

— Но это должно было помешать ссудам и обращению капиталов в течение переходного времени? — сказал шестой.

— Прежде всего это не мешало краткосрочным ссудам. А затем, к чему капиталистам было хранить и зарывать свои капиталы в землю, раз они были вынуждены либо передать их обществу, либо держать без употребления! Капиталист-эгоист мог тратить свои деньги на удовольствия, и тогда его капиталы обращались, но благородный капиталист давал или ссужал с процентами или без них, в особенности с приближением режима полной общности. Принятие принципа полной общности производило даже тот знамена-

тельный и счастливый эффект, что уже в середине переходной эпохи и по мере ее приближения к концу все меньше стремились к роскоши, все меньше боялись бедности и все прочнее устанавливалось равенство имуществ.

— А государственная рента?

— Вы можете легко догадаться: она была погашена после тридцати лет и погашалась даже последовательно каждый год по мере того, как ее держатели входили в коммунальную общность. И в течение тридцати лет рента аккуратно выплачивалась, ее можно было даже продавать, как прежде, хотя биржевая игра была отменена.

— А биржевые маклера? Как перенесли они отмену их функций и гибель их состояния?

— Как все богатые. Режим полной общности их одним ударом разорил и обогатил, чтобы сделать более счастливыми.

— А иностранцы, которые владели недвижимостью в стране?

— Они были вынуждены продать ее икарийцам или были экспроприированы и получили вознаграждение в силу старого закона об экспроприации в интересах общественной пользы. Иностранцам было запрещено также приобретать в будущем какую-либо собственность.

— Вы, значит, изгнали таким образом иностранцев?

— Нет, мы допустили их, как и вас теперь, но они должны платить республике справед-

ливое вознагражденье за питание и другие расходы.

— А несчастные, которые не могут ничего заплатить?

— Мы желали бы иметь удовлетворение разрешить им пользоваться нашим счастьем, но вы понимаете, что для нас материально невозможно принять к себе всех несчастных, существующих на земле. Мы принимаем, во всяком случае, всех, кто нам может быть полезен своими талантами, и даже некоторых жертв иностранных тираний.

Когда Антонио, которого ждали с нетерпением, попросил наконец слова, внимание на всех скамьях удвоилось.

— Я желал бы,— сказал он, получить разрешение представить вам несколько замечаний, но, признаюсь, мое смущение весьма велико при виде чудес, которые поражают нас в Икарии.

— Говорите,— сказал ему Динар.

— Говорите! — кричали ему со всех сторон.

— Я допускаю,— сказал он,— что икарийцы действительно так счастливы, какими они кажутся и как они об этом говорят, и что счастье их так же прочно, как и полно. Я не останавливаюсь на том чуде, как выполнение в такое непродолжительное время столь многочисленных работ, потому что, если бы тридцать лет оказались в другом месте недостаточными, их можно было бы растянуть до шестидесяти, восьмидесяти, до ста. Но я осмелюсь высказать некоторые свои размыш-

ления о системе равенства и полной общности по существу, поскольку она применима к европейским странам, если, конечно, мои замечания не будут кому-либо неприятны.

— Говорите! Говорите! — повторил Динар.

— Говорите! — кричали ему его сторонники.

— Так вот. Я думаю, что социальное равенство противно природе, несправедливо, бесполезно и даже вредно и невозможно. Прибавлю, что оно отвергалось во все времена и у всех народов, и утверждаю, что это относится также к режиму полной общности. И я доказал бы это, если бы не боялся оскорбить людей, доброта которых внушает нам столько же признательности, сколько талант их вызывает у нас восхищение.

— Говорите! говорите! — кричали ему Динар и все собрание.

— Итак я воспользуюсь вашим разрешением,— начал Антонио.— Впрочем, мои замечания, относящиеся только к нашим старым европейским государствам, не будут затрагивать Икарию, достаточно счастливую, чтобы находиться в привилегированном положении и в совершенно особых условиях.

Возражения против равенства и принципа общности

— Так вот, господа, я спрашиваю вас, что мы видим на земле: естественное равенство или неравенство?

Сама природа, предшествующая обществу, создала людей, неравных по полу и цвету, по наружности и здоровью, по росту и силе, по красоте и плодовитости, по разуму и гению, по мужеству и добродетелям, точно так же, как она создала животных, неравных между собой по силе и инстинктам, и страны, неравные по плодородию и климату. И когда во всех этих бесчисленных объектах творения мы не находим двух существ, двух людей, двух животных, даже двух листьев и двух песчинок, которые были бы в полной мере равны между собой во всем, то как можем мы утверждать, что провидение, всемогущество, бесконечная премудрость, не хотело неравенства? Пытаться заменить его творение равенством не значит ли восставать против самого бога? [Отдельные возгласы: «Браво!»].

Естественно, неравные по силе, способностям, активности, предусмотрительности, потребностям и умеренности, люди должны, следовательно, быть неравными по влиянию, авторитету, власти, имуществу и уважению. Следовательно, социальное и политическое равенство было бы, очевидно, величайшей несправедливостью.

Далеко не будучи полезно для слабых и неспособных, это равенство было бы вредно всем, потому что задержало бы и задушило соревнование, активность, усилия, развитие гения и изобретательности.

Если бы общество даже совершило такое безумие, как уничтожение естественного не-

равенства, чтобы установить равенство имущества и владения, это равенство не могло бы быть прочным. Усидчивость одних в труде, их ловкость, благоразумие, воздержанность, экономия и тысяча других обстоятельств должны были обогатить их, тогда как леность или болезни других, тупость или невежество, несчастные случаи или неумеренность и тысяча других причин должны были сделать их бедными и обречь на нищету. Одним словом, естественное неравенство способностей, добродетелей или пороков должно было неизбежно, в свою очередь, разрушить дело общества и привести снова к естественному неравенству имущества и власти. [Браво, браво!].

Итак, вы видите теперь, что сделала мудрость наших отцов, когда они основали общества во времена первобытной невинности, справедливости и добродетели, в золотом веке человечества. На всей земле, во всех странах, во всем человеческом роде, у всех народов, великих или малых, во все века, начиная от сотворения и до настоящего времени — видите ли вы что-нибудь иное, кроме неравенства имущества и власти?

А мнение, я не говорю — невежественных масс, но тех классов, которые приближаются к божеству своим просвещением и разумом, а мнение историков, ученых, философов, законодателей, правительств, святых истолкователей небесной воли и даже сект и светских обществ, наиболее смелых в революции и ре-

форме? Разве неравенство не есть их общий призывный клич?

То же самое я скажу о собственности и общности имущества.

Если провидение создало для человеческого рода все, что находится на земле, то разве не правда, что оно никому ничего не давало в виде исключения, но предоставило каждому способность присваивать себе животных, плоды и поля, которые были ему необходимы? Разве не правда, что каждый имел возможность достать себе при помощи труда все, в чем он нуждался?

Разве не сама природа дала человеку предвидение будущего, дух экономии, умение обрабатывать землю, любовь к собственности, желание накоплять богатства, чтобы наслаждаться ими и дать возможность наслаждаться ими и своим детям? Не следует ли из этого, что сам бог установил собственность?

Разве не справедливо, чтобы каждый был собственником и хозяином животных, которых он захватил на охоте (преследуя их и сражаясь с ними с опасностью для своей жизни), плодов, которые он разыскал и собрал, хижины и земельных участков, которые он построил и возделал благодаря своему искусству и труду?

Не было ли бы, напротив, безусловно несправедливо, чтобы все было общим между трудолюбивым и ленивым, между умным и тупым, между трезвым и невоздержанным, между бережливым и расточительным и чтобы

первый работал для второго и делился с ним, тогда как второй ел бы и спал, ничего не делая для первого?

И если из двух людей один обладал всеми достоинствами и добродетелями, а другой — всеми недостатками и пороками, если у одного было много детей, которых он хорошо воспитал, много слуг, которыми он хорошо руководил, и много рабов, которых он умел использовать, тогда как другой был одинок и обречен на малозначительность, если обе семьи продолжали таким образом жить в течение нескольких поколений, то не было ли естественно и справедливо, что один из этих людей увеличил свою собственность, а другой потерял свою, уступив ее, что одна из этих семей стала богатой и могущественной, а другая оказалась бедной, слабой и подчиненной?

Не естественно ли, одним словом, что собственность, сперва равная вследствие первого раздела между первыми народами и первыми гражданами, превратилась скоро благодаря добродетели одних и пороку других в собственность неравную?

Таким образом везде и всегда, у всех народов и во все времена, собственность и неравенство имущества служили основой общества, в то время как равенство имущества и система полной общности не могли нигде и никогда установиться.

Позвольте мне напомнить вам выгоды этого учреждения, продиктованного природой и принятого человечеством, сравнив с

ним все невыгоды общности имущества. Позвольте мне очертить вам некоторые из бесчисленных благодеяний собственности и богатства не только для собственников и богачей, но и для каждой нации в целом и, в частности, для бедных и неимущих.

Кто может отрицать, что богатство есть источник наслажденья и счастья, что любовь к собственности и любовь к детям (которая побуждает отца стремиться к богатству для них так же, как и для самого себя) представляют вместе с любовью к власти три самых сильных страсти, которые природа вложила в сердце человека?

Кто может отрицать, что именно эти пылкие страсти побудили человека совершить столько усилий и попыток и пренебречь столькими опасностями, чтобы открыть, создать и произвести столько богатств, которых не сумели бы извлечь из ничего вялость и равнодушие, связанные с общностью имущества?

Кто может, наконец, отрицать, что собственность и богатство были необходимы, чтобы доставить досуг, спокойствие души, просвещение, воспитание, привычку размышлять и обдумывать, одним словом — ту способность, в которой имеют настоятельную нужду законодатели, администраторы и ученые?

Без собственности и имущества человек вынужден был бы удовлетворять только свои физические и материальные потреб-

ности, был бы лишен более тонких и более благородных наслаждений ума и сердца, которые доставляют учтивость, благородство, благотворительность и милосердие. Он просто не знал бы этих возвышенных добродетелей, составляющих славу человечества.

И что было бы с бедными без милосердия богатых? Что сталось бы с рабочими без труда и заработной платы, которые дают им собственники? В каком положении были бы земледелие, промышленность и торговля без содействия крупных капиталистов? Куда делись бы культурность, любезность, вежливость, мягкость и утонченность нравов и все блага и развлечения общества, если не было изобилия? Что сталось бы, наконец, с науками, изящной литературой и изящными искусствами без импульса роскоши?

Да, прогресс во всех областях, чудеса и сокровища наук и искусств в Китае, Индии, Персии и Египте, в Греции и Сицилии, в Карфагене и Риме, в Италии и Франции, в Англии и Америке, величие и пышность Людовика XIV и Наполеона, гигантские предприятия и героические добродетели, одним словом — все, что составляет могущество, счастье и славу человечества, есть плод неограниченной собственности.

Что касается *общности* имущества, то что могла она создать и что создала на земле? Какой народ осмелился рискнуть произвести с ней опыт?

В наших старых и богатых европейских обществах (я все время оставляю в стороне Икарию) она могла бы только заменить смертоносными вялостью и равнодушием счастливое соревнование, плодотворное состязание науки и гения, благородное честолюбие, которые все оживляют и создают общественное благо из частного блага?

И в эту Европу, идолом которой теперь является свобода, не внесла ли бы общность имущества несноснейших помех для этой неоценимой свободы — первой потребности наиболее благородного из созданий природы?

При общности имущества нет ни собственности, ни имущества, нет наследования и дарения, нельзя ничего приобрести даже ценой самых прекрасных открытий и самого богатого дарования. Нельзя ничем располагать: ни своей личностью, ни своими детьми, ни плодами своего труда и таланта. Нельзя ни отдохнуть, ни работать, ни путешествовать, ни охотиться, ни заставить себя обслуживать как хотелось бы. Нельзя иметь ни слуг, ни собак, ни лошадей, ни экипажей, ни замков, ни парков, и нужно работать по принуждению. Нельзя пользоваться свободой ни в выборе пищи и одежды, жилища и обстановки, ни в развлечениях и наслаждениях, ни в бодрствовании и сне, ни в жизни и смерти. Это самый ненавистный деспотизм, самая унизительная тирания, самое невыносимое рабство!

Человек, наиболее выдающийся и наиболее полезный своими знаниями и способностями, своими открытиями и заслугами, при этой системе нисколько не отличался бы от других. Неблагодарность и несправедливость служили бы принципом, регулирующим этот новый совершенный социальный и политический порядок.

Вот почему все разумные и рассудительные люди, настоящие и искренние друзья народа и человечества всегда единодушно восставали против несправедливой, неблагодарной и гибельной общности имущества. Только Платон и Томас Мор осмелились ее проповедывать. Но разве оба они, чьи благородные намерения я нисколько не склонен оспаривать, не рассматривались ученым и рассудительным миром, как фантазеры, мономаны и безумцы? Разве общность имущества греческого мечтателя не была признана химерой и слова *платоническая химера* не стали ли синонимами мечтательности, сумасбродства и безумия, как утопия английского мечтателя стала синонимом невозможности и почти нелепости?

И кто когда-либо пытался осуществить их туманные и пустые теории? Какой монарх, какой первосвященник, какой сенат, какой законодатель, какая нация пожелали тратить свое время на такой опыт? Сам Платон не мог найти государя или народ, который согласился бы пойти навстречу его желанию, и когда ученик его Плотин [10] рискнул обра-

титься к римскому императору, просьбы его были презрительно отвергнуты императорской мудростью.

Никогда не удавалось осуществить даже аграрный закон или раздел земель и равенство собственности, и не только сенаторы и богачи этому энергично сопротивлялись, но и сами мелкие собственники, быть может еще сильнее привязанные к своему скромному участку, чем крупные к своим обширным имениям. И чем объясняется это сопротивление? Тем, что всегда было сильно убеждение: этот раздел и равенство будут только эфемерными; тем, что это дробление до бесконечности национального богатства между всеми гражданами могло дать каждому только совершенно ничтожную часть и создать равенство нищеты, непрестанно увеличивая бесплодие почвы и населения. Самые ярые сторонники аграрных законов требовали раздела лишь для того, чтобы захватить все, не оставив ничего другим, и сказать прежним собственникам (употребляя тривиальное выражение): «Убирайся отсюда, чтобы я мог сесть на твое место!»

И кто те, которые требовали или требуют теперь в Европе общности имущества или аграрного закона? Разве это не главным образом революционеры и анархисты, все, кому нечего терять и кто может только выиграть в революции, все, кто не отступает перед покушениями и восстаниями, перед пожарами или убийствами, перед грабежом

и разбоем, тогда как консерваторы проповедуют только порядок и мир, труд и спокойствие, уважение к религии и законам, счастье народа и прогресс человечества.

Благодетельная для Икарии, общность имущества была бы для Европы только бичом!

Едва только он произнес эти слова, как сторонники Антонио, которые уже часто поддерживали его своими одобрениями, попытались воздействовать на своих противников пылкостью своего энтузиазма и аплодисментами, тогда как остальная часть собрания, сохраняя глубокое молчание, казалось, была потрясена и заколебалась.

Динар хотел ответить сейчас же, но обе стороны, втайне одушевленные различными мотивами, потребовали, чтобы дискуссия была отложена, и мы ожидали — Евгений и я — завтрашнего собрания с нетерпением и не без некоторого беспокойства.

Глава восьмая

ОТВЕТ НА ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ РАВЕНСТВА И ОБЩНОСТИ ИМУЩЕСТВА

На всех лицах видно было живейшее любопытство, когда Динар взял слово.

— Ученый и почтенный оратор, которому я буду отвечать,— сказал он,— несомненно, как и я, одушевлен только любовью к истине и человечеству, и точно так же, как и он, я отверг бы общность имущества для Европы, если бы думал, что только собственность и неравенство могут составить ее счастье.

Но как бы ни были многочисленны возражения, выдвинутые с такой силой, и какими бы основательными ни казались эти возражения некоторым умам, я желал бы, чтобы к ним прибавили еще другие, ибо я уверен, что не оставлю ни одного без убедительного опровержения и докажу, что только общность имущества может составить счастье всех европейских стран, как она составляет счастье Икарии. Поэтому я с полной уверенностью отвечаю уважаемому Антонио. [Внимание усиливается].

Вы считаете, Антонио, что природа создала людей неравными во всем, что, следовательно, общество должно сохранить их неравными и социальное и политическое неравенство должно быть подтверждением и освящением естественного неравенства. Я, наоборот, поддерживаю противоположное положение, я утверждаю, что природа не разделила людей на классы или виды: один — высших, которые должны повелевать и владеть всем, другой — низших, которые должны повиноваться, трудиться и прозябать.

И чтобы оправдать свое мнение, я отличаю различие от неравенства, силу от права, и говорю:

Да, люди различны по росту, цвету, физической силе и так далее, но люди вовсе не неравны.

Два человека могут быть частично неравны в некоторых отношениях, по физической силе, например, или силе интеллектуальной; сильный и тупой человек может победить интеллигентного и слабого человека, точно так же как он может быть сам побежден слабым, но ловким и вооруженным человеком. Но полная сила человека по отношению к силе другого человека представляет вопрос или вещь бесконечно сложную. Она состоит из множества различных элементов (роста, силы, ловкости, хитрости, сноровки, образования, опыта, оружия, богатства, числа детей или помощников, тысячи случаев и случайностей), все в различных и постоянно

изменяющихся пропорциях; сложность эта такова, что невозможно установить, кто более силен, до тех пор, пока этого не покажет победа. И больше — если два человека сражаются, не убивая друг друга, каждый из них может быть поочередно победителем и побежденным.

Но разум, если и неравный у всех людей, то по крайней мере в общем достаточный у каждого, советует более слабым объединиться против сильного, чтобы при помощи численности восстановить равенство сил. А так как разум есть главное оружие, которое природа дала человеку в качестве руководителя и защитника, то можно с полным основанием сказать, что в самом общем смысле природа сделала людей равными по силе.

Она их сделала даже равными по уму, ибо различие, замечаемое в этом отношении между двумя людьми, происходит от различия множества обстоятельств, в которых каждый находился со времени своего рождения. Органы их были одинаковы при рождении и имели одно и то же назначение; оба были одинаково невежественны, оба одинаково нуждались в просвещении и воспитании. И если бы оба были поставлены в одинаковые условия, то их ум и просвещение оказались бы одинаковыми или, по крайней мере, достаточно близкими, чтобы установить между ними настоящее равенство.

Следовательно, не природа, а общество делает людей неравными по уму и просве-

щению. И если бы даже было верно, что некоторые лица оказались бы от природы более способными в умственном отношении, то не менее верно, что природа не разделила человеческий род на виды или классы, одаренные природным или наследственным умом, который создал бы народ ангелов или гениев среди других народов и отличал бы их от остального человечества, как человек отличается от других животных.

Одним словом, если существуют некоторые умы, высшие по природе своей, то это редкие исключения, которые мы не встречаем в одном классе чаще, чем в другом, но встречаем во всей массе, во всех семьях и даже среди слабых и бедных чаще, чем среди сильных и богатых. И кто на земле осмелился бы сказать: «Я принадлежу к более умной расе, чем ваша»? Кто, в особенности, осмелился бы сказать своей нации: «Я самый умный среди вас и больше всех способен управлять вами»?

Скажем поэтому, напротив, беря это выражение в его самом общем и распространенном смысле: все люди по природе вообще равны или почти равны по силе физической и интеллектуальной, а потому по природе равны в правах.

[Здесь нескончаемые аплодисменты покрыли заключительные слова Динара.]

Но предположим, что люди по природе неравны по силе. Были бы они, в силу одного этого, неравны в правах?

Неужели одни созданы, чтобы командовать, а другие — повиноваться, одни — быть праздными, а другие — работать на них и служить им, одни — быть богатыми и счастливыми, другие — быть бедными и несчастными, как будто между обоими классами существует такое же различие, как между человеком и животным, как будто первые являются полубогами, предназначенными для наслаждения, а вторые — скотами, осужденными на страдания и прозябание?

Какое же это было бы оскорбление для божества! Как? Вы чтите бога как бесконечную доброту, как высшую справедливость, соединенную со всемогуществом. Вы называете его отцом человеческого рода, вы говорите, что все люди — его дети, одного рода, одной расы, одной семьи, все братья.

И вы утверждаете, что этот бесконечно благий и справедливый отец, вместо того чтобы объединить всех своих детей в своей любви, равномерно распределить между всеми ними свои благодеяния, одарить всех их одинаковым умом, одинаковыми желаниями, одинаковыми страстями, одинаковыми средствами для их удовлетворения и одинаковыми правами на этом земном шаре, который благость его сотворила для них,— вместо всего этого разделил бы их на категории и касты хозяев и рабов, деспотов и подданных, аристократов и париев, собственников и пролетариев, богатых и бедных, потреби-

телей и производителей, счастливых и несчастных.

Как смотрели бы мы на отца многочисленной семьи, который вместо того, чтобы относиться к своим детям одинаково, распределял бы между ними свою отеческую привязанность в соответствии с их ростом, фигурой и цветом их волос, портил бы своими ласками самых красивых и самых способных и гнал бы самых слабых и самых некрасивых, отдал бы все свое имущество здоровым и ничего не оставил бы больным, благословлял бы великих и проклинал бы малых?

И еще: в первый период существования человеческого рода все люди были дикарями и блуждали голые, пожирая траву или жолуди и раздирая зубами сырое мясо; теперь они живут в дворцах и хижинах, одеваются в пурпур и лохмотья, воспитываются в золоченой колыбели или на соломе в хлеву. Но каким образом, при помощи какого божественного признака различали и различают еще благословенных и проклятых, избранных и осужденных?

Нет, нет, это была бы хула на провидение, если бы мы ему приписывали такую несправедливость. Оно создало людей различными между собою, но равными по силе и, в особенности, в правах, оно сделало их всех выше остальных существ, но оно дало всем им одинаковые потребности и одинаковые желания, оно возложило на них одно и то

же обязательство удовлетворять эти желания и одни и те же обязанности, оно дало им одни и те же инстинкты, одни и те же средства, одни и те же права пользоваться всеми своими чувствами, всеми своими органами и всеми окружающими их внешними предметами.

Если природа внушила некоторым людям желание нападать и управлять, то она дала его одинаково всем, как внушила одинаково всем желание защищаться.

Если она дает одним эгоизм, самолюбие, любовь к командованию, гордость и тщеславие, она их дает одинаково всем, как она дает всем ненависть к рабству и подчинению, любовь к независимости и равенству.

И в первую очередь она всем дает разум. Разум! Почему провидение сделало всех людей не только равными, но и схожими во всем: в росте, в красках, в цвете, в физической силе, в уме? Почему? Разве не дало оно им разума? И разве недостаточно разума, чтобы указать человеку средство осуществить свои права, обеспечить свое счастье и установить равенство?

Разве недостаточно разума, чтобы хорошо организовать общество, чтобы создать равенство воспитания, а следовательно и способностей, равенство труда и имущества, равенство социальных и политических прав? Да, разум — это второе провидение, которое может создать равенство во всем, а так как

этот разум есть благодеяние природы или божества, то равенство оказывается, как я уже сказал, косвенным делом самой природы или самого бога. [Гром аплодисментов.]

Все признают, что человек был на первых порах дикарем: таким мы находим его на всем почти пространстве и Америки, и Африки, и на всех островах, открытых в последние три или четыре столетия. Он сначала походил на животных, был гол, как они, не имел крова, блуждал в лесах. Подобно им, лишенный всяких знаний и руководимый лишь инстинктом, не имея никакого представления о стыде, пороках и добродетелях, без промысла, без искусства, без науки, он жил скорее стадом, чем обществом, без собственности, без каких бы то ни было имущественных, сословных и правовых отличий. В это время разум его был еще только бесполезным орудием, или рулем, или, точнее, зародышем, которому предстояло медленно развиваться и совершенствоваться.

Этот животный и растительный образ жизни, это последовательное развитие длилось долго, тысячи и, быть может, миллионы лет, ибо воображение не может определить срока, необходимого для того, чтобы изобрести языки, а особенно письмо, и сделать миллиарды открытий, сопровождающих существование человеческого рода от его начала до настоящего дня.

Что значат эти миллионы лет от начальной стадии существования человечества

в сравнении с миллионами лет, которые должны, вероятно, последовать за ними, в сравнении с вечностью вселенной до и после создания этого бедного маленького человеческого рода? В продолжение детства человечества только животная и грубая сила царила на земле; охота на людей и животных долго составляла единственное или главное средство существования; война и воровство долго были единственными или главными промыслами; победа и завоевание были самыми могущественными средствами приобретения и обогащения; сильные и ловкие промышляли лишь убийством, грабили, пожирали или уводили людей в рабство. Так всюду основаны были правительства и аристократия, неравенство имуществ и власти.

Так как каждый народ считал себя самым сильным, то война и восстания были постоянным явлением на земле: после бесчисленных сражений и ужасных массовых убийств, после колоссальных завоеваний, жертвой которых являлись многочисленные мелкие пастушеские или земледельческие племена,— завоеватели, победители и воинствующие герои были, в свою очередь, побеждены и покорены. Земля покрылась костями и руинами. Развалины Вавилона, Фив, Карфагена, Тира, Иерусалима, Афин и Рима, как и могила на острове св. Елены,[11] свидетельствуют о хрупкости силы. И несмотря на это, до сих пор еще все нации обуревает дух завоеваний, неизбежным

следствием которого является неравенство. То же самое происходило во всех странах среди граждан и партий. И там сила и завоевание учреждали так называемое общество, власть, законы, собственность и неравенство, и так как каждая партия считала себя наиболее сильной, то гражданская война и восстания, так же как убийства и казни, почти не прекращались. Всюду сила оставалась госпожей на поле сражения и устанавливала неравенство.

Несмотря, однако, на свою молодость, человечество с течением времени все же становилось более зрелым. Чувство справедливости развивалось при угнетении; позднее мудрость зародилась из опыта, разум созревал в несчастье, а в настоящее время... Оставим, в самом деле, прошлое и займемся настоящим, оставим неизвестное и неопределенное прошедших веков и рассмотрим положительное настоящее; забудем исчезнувшие в небытии поколения и спросим совета у живущих.

Разве теперь, как и во время оно, нет природы и человечества? И нужно ли, подражая тем, кого Сократ упрекал, что они смотрят на небо и пренебрегают землей, останавливать наши думы на мертвых, пренебрегая живыми?

Разделена ли была земля между народами, а затем между людьми добровольно или нет, были ли общества и неравенство признаны формально или нет,— какое это имеет

значение для тех, кто страдает теперь? Лишь человеческий род, ныне живущий, а не тот род человеческий, которого уже нет, интересует нас теперь; его чувства и мнения, права и волю нам нужно теперь установить и исследовать, поскольку мы в настоящее время обладаем разумом более совершенным, чем когда-либо.

Так вот, позвольте мне сделать одно предположение, быть может странное, но не безрассудное. Предположим, что после чумы или какого-нибудь другого бедствия на земном шаре остались только беременные женщины и старцы, предположим также, что эти старцы собрались обсудить вопрос о правах человеческого рода, находящегося еще в материнском чреве. Я спрашиваю вас, нашелся ли бы в этом незаинтересованном сенате хоть один голос, который утверждал бы, что эти еще наполовину рожденные дети не должны быть равны в правах по самой природе своей и что они не должны быть равны в отношении воспитания, имуществ, социальных и политических прав?

Предположим еще, что человеческий род собрался для обсуждения вопроса о равенстве. Думаете ли вы, что ничтожное меньшинство аристократов и богачей осмелилось бы отрицать равное право всех на счастье и существование? И если бы часть этого меньшинства была бы настолько безумна, чтобы сделать это, прибегнув к силе и войне, если бы общество было всюду распу-

щено и заменено естественным состоянием, то разве это меньшинство не лишилось бы тотчас же своей собственности и власти? Допустим даже, что оно могло бы, благодаря своей ловкости, поддержать и продлить борьбу,— не привело ли бы это к войне и всеобщему истреблению? А разум, вмешавшись как посредник, не сказал бы всем, что общий интерес человечества заключается в признании равенства прав и в создании, наконец, общества на этой отныне непоколебимой основе?

Да, разум, или природа, или бог продиктовал бы, а человеческий род принял бы социальное и политическое равенство. [Бурные аплодисменты].

Даже гениальность не давала бы никаких прав на власть, господство или командование другими, так как только путем избрания народом гений достигает признания и только лишь по полномочию народа он может получить некоторый авторитет в его делах.

Равенство не знало бы поэтому никакого другого исключения, кроме обязанностей и почестей, присужденных народом.

Но вернемся назад, чтобы ответить на некоторые детальные возражения, хотя то, что было сказано, косвенно уже отвечает на них.

Вы утверждаете, Антонио, что первые люди были более невинны и более добродетельны, более мудры и более совершенны, вы говорите о золотом веке, вы взываете к старости, опытности и авторитету древности.

Но разве это утверждение не является пристрастным, неосновательным, слабым и нелепым? Разве не бесспорно, что в период рождения человечества состояние его было младенческим, тогда как чем больше мы приближаемся к нашей эпохе, тем оно кажется более зрелым. Именно в древности, во времена детства человечества, оно было невежественно, не умело еще говорить, пытаясь только лепетать и ходить, и только в настоящее время оно имеет зрелость и опыт.

Сколько невежества, сколько ошибок, пороков, мерзостей, гнусностей, сколько несправедливостей и жестокостей ознаменовало его детство!

Разве мы не знаем теперь все, что знала древность? А между тем, она не знала огромного количества вещей, которые мы недавно открыли.

Нет, никогда не ссылайтесь на ее авторитет! Не говорите в особенности, что она допускала неравенство, ибо я вам отвечу, что она допускала также рабство, людоедство, пытки, костры и тысячи других ужасов!

Вы допускаете, что существовало формальное соглашение, договор, согласие людей соединиться в общество или установить неравенство имущества и власти. А между тем очевидно, что это двойное неравенство всюду явилось следствием насилия и завоевания.

Вы приписываете богатству аристократии почти небесное и божественное происхождение, считаете причиной его труд, талант,

бережливость, все достоинства и добродетели, а для нищеты, бедных пролетариев вы находите почти адскую причину, лень, тупость, обжорство и все пороки. Если верить вам, все богатые стали богатыми потому, что были трудолюбивы и имели все хорошие качества, а бедные стали бедными только потому, что были ленивы и порочны. По вашему мнению, бедность есть наказание за пороки, а богатство — награда за добродетель.

Если бы это было так, я сказал бы: так как бедные бедны только по собственной вине, то тем хуже для них. Но нет, это утверждение столь же несправедливо, как и бесчеловечно. Я их скорее жалел бы, потому что они наши братья, потому что они имели бы те же самые качества, что и богатые, если бы они получили такое воспитание, потому что все их пороки являются следствием ошибок и преступлений общества.

Впрочем, вы признаете тем самым, что если бы у всех людей были одни и те же качества, они имели бы одинаковые права на богатство и должны были бы все быть одинаково богатыми или бедными (ибо богатство относительно), и я принимаю к сведению ваше признание.

Но хорошо ли вы это продумали? Таково ли действительно происхождение богатства и бедности, какое вы приписываете им? Точен ли и верен ли этот факт? Не является ли истиной прямо противоположный факт?

Есть ли на земле и в истории более очевидная и более ясная истина, чем то, что народы земледельческие и промышленные изобрели и произвели все и что народы пастушеские, охотничьи или воинственные завоевали их, покорили, ограбили, обратили в рабство и принудили работать на себя? Разве не бесспорно, что в течение всей древности до рождества Христова труд всюду был заклеймен, объявлен позорным и возлагался только на рабов, только война и разбойничество считались почетными занятиями, и даже в Греции и Риме свободный рабочий считался общественным рабом, не достойным звания гражданина, и был исключен из народных собраний? Разве даже в новые времена промышленность и торговля не считались недопустимыми для дворян занятиями?

Можете ли вы отрицать, что богатство римской аристократии было только плодом завоевания и гнусным скоплением добычи, награбленной во всем мире, а великое вторжение, начавшееся в III в., обогащало варваров за счет цивилизованного мира; что завоевание Англии норманнами в XI в. обогатило завоевателей за счет англичан, а вторжение испанцев в Америку в XV в. обогатило убийц добычей, полученной с двенадцати миллионов американцев, перебитых ими?

Хотите вы, чтобы я перечислил вам приобретения церкви — монахов, духовенства

и пап, обогатившихся при помощи обмана, мошенничества и вымогательства, и приобретения придворного дворянства, обогатившегося при помощи грабежей, конфискаций и щедрот государей в награду за низость, проституцию, доносы, предательства и убийства?

Разве наиболее невинным происхождением богатства современной аристократии не считается случай рождения и наследственная передача старинных наследств, загрязненных кровью и преступлениями?

И если некоторые крупные состояния составились на законном основании благодаря действительным заслугам перед страной или промышленностью и торговлей, то сколько же из них свободно от примеси обмана, несправедливости, страданий и слез населения?

Будете ли вы отрицать, что общество — эта несправедливая и бесчеловечная мачеха — дает богатым, своим избалованным детям, возможность быть всегда богатыми, тогда как оно плохо воспитывает бедных или, скорее, лишает их всего просвещения и осуждает их на вечное прозябание в нищете?

Таким образом с первых шагов развития человеческого рода можно различать два класса, правда перемешанных и неопределенных: один — состоящий из хороших, деятельных, прилежных, трезвых и т. д., другой — из ленивых, невоздержанных, жесто-

ких и т. д. Первые обрабатывали землю, положили начало искусствам и наукам и создали собственность и богатство, тогда как вторые занимались только охотой и войнами, воровством и разбойничеством, потребляли, не производя, не знали иного подхода, кроме силы, иного права, кроме победы, иных добродетелей, кроме жестокости, убийства и угнетения.

Таким образом ленивый и дурной грабил мирного рабочего, обжора, расточитель и порочный грабил трезвого, бережливого и добродетельного, бедный был опутан, бессилен и обречен на вечное несчастье до такой степени, что вряд ли нашелся бы среди бедных хоть один на тысячу, который мог бы улучшить свое положение при помощи труда. А общество организовано так дурно, что при известных условиях человек заслуженный, способный и добродетельный, брошенный в ваш Париж или Лондон, попал бы в очень затруднительное положение, если бы пожелал там найти работу, чтобы заработать на кусок хлеба.

Не старайтесь поэтому оправдать неравенство имущества его происхождением.

Но вы хотите оправдать это неравенство его назначением и его последствиями? Посмотрим!

Вы утверждаете, что неравенство имущества необходимо для счастья человеческого рода — для бедных так же, как и для богатых, и оно подсказывается разумом в инте-

ресах общего блага. Вы полагаете, что неравенство имеет бесчисленные преимущества и незначительные недостатки, а богатство дает богатым досуг и средства просвещаться, чтобы быть более полезными бедным, тогда как бедность ставит народ в счастливую необходимость трудиться и мирно повиноваться законам. Вы говорите, что богатые употребляют свое состояние на то, чтобы приобретать образование, а затем свое образование, свои богатства, свой досуг посвящают тому, чтобы помогать бедным, занимаясь общественными делами, доставляя работу рабочим, кормя их, строя для них школы, мастерские и больницы. Вы утверждаете, что крупные капиталы необходимы для развития промышленности и для того, чтобы ни один участок земли не оставался заброшенным и непроизводительным. Одаряя государей и аристократов, священников и богатых величием души и добротой сердца, вы превращаете их в ангелов. И из этого вы заключаете, что при неравенстве и вследствие неравенства человеческий род счастлив или, по крайней мере, так счастлив, как это допускает природа. Вы прибавляете даже, что историки и философы признали это в своих сочинениях, а народы — своим молчанием.

О, если бы эта картина была так же верна, как блестяща, как я благословлял бы вместе с вами неравенство! Я благословлял бы даже аристократию, даже деспотизм, даже суеверие! Ибо я не знаю другой страсти,

кроме счастья человеческого рода, и я готов принять с восторгом все средства, каковы бы они ни были, чтобы обеспечить его благоденствие!

Но скажите чистосердечно, есть ли что-нибудь более призрачное и фантасмагоричное, чем эта картина? Можно ли придумать, простите мою резкость, более горькую насмешку? Признаюсь вам даже, я слишком взволнован, слишком удручен нищетой и страданиями бедных, слишком возмущен бесчеловечностью богатых, слишком раздражен пороками и жестокой наглостью аристократов, чтобы решиться выразить все свои чувства и свое мнение об этих лицемерных притеснителях народа, достаточно наглых, чтобы ссылаться в оправдание на его интересы и счастье. Позвольте мне поэтому ответить только по некоторым пунктам.

Богатые, говорите вы, милосердны и благотворительны. Допускаю это, по крайней мере для некоторых. Но если богатым доставляет удовольствие давать милостыню, то не является ли для бедных унижением необходимость ее получать? Если это благо и добродетель, то не потому ли, что бедность есть зло, излечение которого является актом благородства? Согласились ли бы богатые поменяться ролями? То, чего требует рабочий,— это равенство, право, труд и благосостояние в труде, а не милостыня и госпиталь, в который он, впрочем, часто даже не может попасть, чтобы умереть в унижении.

Просвещение, прибавляете вы, воспитание, добродетели и досуг являются благотворными следствиями богатства. Что ж, разделите национальное богатство между всеми, и они будут иметь досуг, просвещение, воспитание и добродетели. Тогда уже не будет богатых, а будут только бедные и равенство нищеты,— говорите вы. Да, если вы все прочее оставите так, как оно есть сегодня; но этого не будет, если вы примените подходящие средства, указываемые разумом, например те, которые применяются в Икарии. И все эти так называемые ученые, которые арифметически делят доход государства между всеми его жителями, чтобы с торжеством сделать вывод, что каждый имел бы в год не больше ста или ста пятидесяти франков и умер бы с голоду,— эти так называемые ученые, говорю я, только бесстыдные шарлатаны.

Изящные искусства будут в пренебрежении? — Ну, так что же? Изящные искусства, которые существуют только для удовольствия богатых и совершенно не существуют для огромного большинства бедных, изящные искусства не безусловно нужны для счастья человечества, тогда как, с другой стороны, более совершенная социальная организация развила бы их так же и еще лучше для удовольствия всего народа.

Мир имеет столько чудес только потому, что существовало неравенство имущества? — Нет, не говорите *потому что*, а говорите *несмотря на то*...

Крупные капиталы необходимы? — Как будто национальный капитал будет уничтожен, потому что будет находиться в руках всех вместо того, чтобы быть в сундуках некоторых. Как будто капиталы, доставляемые добровольными и многочисленными ассоциациями (которые всегда можно иметь для полезных предприятий), были менее производительны, чем те же капиталы, доставленные монополией нескольких аристократов.

Если бы в силу какого-нибудь аграрного закона, говорите вы еще, земли были разделены поровну, многие из них остались бы необработанными и бесплодными и были бы потеряны для их владельцев и для общества. Как будто маленькие поля бедных не обрабатывались более тщательно, чем обширные имения богатых! Как будто аристократы не отводили для своих удовольствий огромные парки и сады! Если бы какой-нибудь лентяй небрежно обрабатывал свой участок, это было бы тем хуже для него самого; он не мог бы ни на кого жаловаться и не был бы, впрочем, более беден, чем в настоящее время, так как общество не потеряло бы больше, чем оно теряет теперь благодаря замкам. И если бы это равенство имело бы даже и другие неудобства, оно все же имело бы их меньше, чем неравенство, богатство и нищета.

Но какое химеричное предположение! Как можно допустить, чтобы могла найтись хоть одна семья, которая, не имея других источ-

ников существования, кроме своего поля, оставила бы его необработанным посреди других, прекрасно обработанных полей? Не очевидно ли, напротив, что при хорошем социальном и политическом строе и, в особенности, при хорошем воспитании все земли будут обрабатываться, прекрасно обрабатываться, лучше обрабатываться, чем в настоящее время, и что равный раздел повлек бы за собой равенство богатства и счастья?

Равенство было бы тотчас же нарушено вследствие отчуждений и увеличения числа членов в одних семействах и уменьшения в других,— утверждаете вы. Нет, ибо общество могло бы издать все аграрные законы и законы против роскоши, которые нужны были бы, чтобы поддержать равенство; оно могло бы объявить собственность неотчуждаемой, как это было в Иудее и Спарте, оно могло бы совершить поголовный раздел, как в древнем Перу, и чаще возобновлять его, чтобы повысить долю разросшихся семей и снизить долю семей уменьшившихся.

Все народы разделили земли при организации общества не поровну? — Прекрасное доказательство, как я уже сказал, справедливости и премудрости неравенства. Верен ли к тому же этот факт? Разве, напротив, философы не предполагают, даже с целью оправдать собственность богатых, что первый раздел был умышленно произведен поровну между всеми тогдашними людьми? Разве

избранный богом народ, евреи, поселившись в обетованной земле, не разделили землю, по приказу Моисея, ссылавшегося на повеление божественного промысла, на равные части, как это сделали позже Ромул и его товарищи в местности, которая стала территорией Рима и центром Римской империи, и как это сделало, быть может, множество других народов, ибо все воинственные народы делили поровну добычу и снятые с побежденных вещи. Да, впрочем, как можно знать то, что происходило в эти первые времена невежества и варварства, когда еще не было письменности, не было летописца?

Ни один народ не допустил аграрного закона после того, как уже создал неравенство? — Да, так поступили спартанцы, но разве другие народы не желали его всегда и даже требовали, как это было в Риме? И если аристократы всегда противились ему, чтобы сохранить свои чрезмерные богатства, то это вовсе не довод против равенства, а скорее решающий довод в его пользу.

Бедняки и мелкие собственники не желают аграрного закона? — Я отрицаю это: соберите их, спросите их, и вы увидите. Если некоторые мелкие собственники не желали его, то только потому, что сознание их еще не было достаточно просвещено. Но общественный разум постоянно крепнет, сознание просвещается, и раньше или позже, очень скоро быть может, масса бедняков и мелких собственников, т. е. огромное большинство

народа, будет единодушно требовать равенства. Я не буду останавливаться на опровержении клеветы, будто только смутьяны, анархисты, воры и разбойники требуют равенства, чтобы обогатиться, разорив других,— клеветы, повторяемой некоторыми добросовестными людьми, но коварно придуманной самими аристократами, которые никогда не останавливались ни перед каким насилием и грабежом, чтобы захватить все богатства и укрепить свое несправедливое господство. И действительно, можно ли не возмущаться и не негодовать против римских патрициев, которые обвиняли в жадности сторонников аграрного закона, сами будучи наиболее ненасытными и наиболее кровожадными из всех захватчиков и воров?

Народы одобрили неравенство своим молчанием,— утверждаете вы. Как будто не аристократы сами запретили народам говорить, жаловаться и требовать! Как будто молчание, которое царило в тюрьмах и преисподней, служило доказательством одобрения и довольства! И как будто своими бунтами и восстаниями народы не протестовали беспрестанно против угнетения и неравенства!

И историки одобряли неравенство? — Но в те времена, когда только богатые и их приспешники обладали образованием, досугом и историческими документами, необходимыми для писания истории, все эти апологеты аристократии и неравенства были их подкупленными придворными или слугами.

Философы отвергали равенство? — Мы сейчас увидим, верно ли это, а пока я ограничусь тем, что противопоставлю им Иисуса Христа.

Потребность в обогащении, желание иметь состояние, надежда на приобретение, конкуренция, соревнование и даже честолюбие являются душой производства? — Нет, нет, ибо все в Икарии производится без этого, но гнусный эгоизм, бесчеловечная жадность, ненасытная и роковая жажда золота (quid non mortalia pectora cogis, auri sacra fames!),* роскошь и ее неразлучный спутник — нищета, толкающая на преступление (malesuada fames),** являются неистощимым источником того моря зла, которое грозит потопить человечество. И чем больше я размышляю об этом, тем более убеждаюсь, что только равенство может спасти людей от гибели.

Резюмируя сказанное мной по вопросу о равенстве, я заключаю, что если бы даже природа не сделала людей равными, разум советовал бы обществу установить равенство, и что сама природа, мать разума и общества, хочет, чтобы человек искал и нашел счастье в равенстве.

Однако не аграрный закон и равный раздел собственности кажутся мне совершенством. Не останавливаясь на пути, я делаю

---

* К чему не склонишь ты смертные души, проклятая страсть к злату!

** Голод — дурной советчик.

шаг вперед и прихожу к последней грани, к общности имущества.

Ответ на возражения против общности

Я предпочитаю систему общности системе аграрного закона и индивидуальной собственности, потому что она не имеет их невыгод и потому что она имеет столько же или еще больше выгод.

Общность имущества не имеет неудобств собственности, так как она устраняет частный интерес, чтобы потопить его в общественном,— эгоизм, чтобы заменить его братством,— скупость, чтобы заменить ее щедростью,— обособленность, индивидуализм и дробление, чтобы уступить место ассоциации или социализму, преданности и единству.

Она имеет все действительные выгоды собственности, ибо главная выгода собственника заключается в разумном пользовании своей фермой или своим домом и садом, и общность имущества дает это пользование так же, как и собственность, отнимая только неразумное право злоупотреблять ею и удовлетворять капризы, вредные для общества.

Но общность имеет много больше выгод, ибо позволяет гораздо лучше установить во всем реальное и совершенное равенство, предупреждая даже неравенство, которое могли бы породить несчастные случаи и происшествия.

С другой стороны, являясь хозяином всего, централизуя, сосредоточивая, сводя все к единству, обдумывая, комбинируя, направляя все, она может лучше — и она одна только может — дать неоценимую и несоизмеримую выгоду: позволить избегать всяких излишних затрат труда, осуществлять целиком экономию производительных сил, использовать всю мощь человеческого ума, увеличивать до бесконечности могущество промышленности, умножать продукты и богатство, беспрестанно совершенствуя человека и расширяя постоянно пределы его счастья, расширять и пределы его совершенства.

Однако Антонио нападает на систему общности и предпочитает ей систему собственности. Он заявляет, что если бы он даже мог допустить равенство имущества, он все же отверг бы систему общности, как особенно несправедливую, вредную, неосуществимую и отвергнутую всеобщим мнением. Он рассматривает собственность как божественное учреждение, а общность — как дело человеческого безумия. Приходится ему ответить и по этому вопросу.

Но защитив уже — и, полагаю, успешно — равенство имущества и равный раздел собственности, я уж без особого труда могу защитить общность имущества.

Вы говорите, что собственность есть божественное учреждение и что поэтому сам бог отвергает общность. Но что такое общность? Есть ли это вещь столь же отличная от

собственности, как небо от земли? Разве это не есть просто видоизмененная собственность, нераздельная и общая собственность как между наследниками, которые не разделили еще наследства, как между братьями, которые пользуются отцовским наследством, не желая делить его, обрабатывая его сообща и потребляя все его плоды сообща или разделяя их поровну, и как между жителями деревни, пользующимися сообща их общими пастбищами вместо того, чтобы делить их и пользоваться ими порознь? Общность имущества есть, следовательно, не что иное, как собственность, принадлежащая нескольким или многим лицам, семье, или деревне, или городу, или народу, не разделенная между собственниками. Эта собственность эксплоатируется и используется братски сообща, обеспечивая всем одинаково пищу и одежду, существование и счастье, вместо того чтобы быть использованной индивидуально и служить источником неравного счастья. Заключается ли в этом незначительном различии достаточный мотив, чтобы называть божественной собственность разделенную и дьявольской общность или собственность неразделенную; божественным — раздельность, дьявольским — нераздельность!

Не будем смешивать понятие собственности с вещами, которые являются ее объектом. Правда, что вещи эти божественны, ибо все, что находится на земном шаре, есть творение природы или божества. Но природа, которая

предлагает человечеству пользоваться созданными ею предметами, не предписывает ему пользоваться ими одним способом, а не другим, по принципу собственности, а не по принципу общности. Собственность является не более божественным учреждением, чем общность, а общность не является более человеческим учреждением, чем собственность.

Поэтому (и это есть доказательство, на которое нет возражения, доказательство весьма и весьма убедительное, ибо нет более очевидной и бесспорной истины) каждый народ и каждая эпоха его жизни имеют различные законы о собственности, так что существуют тысячи различных законодательств о собственности у тысячи различных народов, которые составляют человеческий род, и тысячи законодательств у каждого народа в течение тысячи лет его существования, т. е. миллионы законов о собственности.

Ни одна история не имеет больше революций, чем история собственности.

Более того. Я убежден, что если одна из обеих систем — собственности и общности — есть учреждение естественное или божественное, то это есть именно общность.

Разве природа в действительности не сделала человека общительным, нуждающимся в обществе и ищущим общества? Разве он не был создан ею и не рождался с самого начала в обществе и в общности, как муравьи и пчелы?

Разве природа всюду и всегда не взывала

больше к единению, чем к разделению, к ассоциации больше, чем к обособлению, к сплочению больше, чем к расчленению, к объединению и единству больше, чем к раздроблению, к сотрудничеству больше, чем к противодействию, антагонизму и соперничеству?

Посмотрите на творение — на вселенную, на огромные массы предметов пропитания, данные природой человеку, на великие источники жизни, воздух и электричество, свет и теплоту, воды небесные и море,— разве все это может стать индивидуальной и исключительной собственностью, если не считать части, поглощаемой каждым существом, усваиваемой им и ассимилируемой его телом? Разве природа не хотела, чтобы все эти элементы принадлежали человеческому роду сообща и составляли его общую собственность? Разве она не установила общность воздуха и света? Разве солнце не светит для всего мира? Разве разум не указывает, что то же следует сделать с землей, продукты которой так же необходимы для жизни, как воздух и вода? Разве все философы не признают существования естественной, первобытной всеобщей общности (все для всех), которая длилась века, до первого раздела и установления собственности? Разве они не признают, что действие и право этой первобытной общности существуют и теперь еще в известных отношениях, что раздел мог быть совершен только под молчаливым условием, что он никому

не помешает существовать и что в том состоянии, которое они называют случаем крайней необходимости, никакой человеческий закон не мог бы помешать человеку взять из собственности другого плоды, необходимые для того, чтобы избавить себя от голодной смерти?

Посмотрите также, что происходило на земле в течение тысяч лет, которые предшествовали земледелию и организации земледельческих народов, в течение еще более продолжительного времени у охотничьих или пастушеских народов и до наших дней у диких народов Америки, Африки, Азии и всех неизведанных стран! Разве у всех этих народов в течение тысячелетий земля не была общей собственностью и не использовалась сообща для охоты, пастбищ, жилища и плодосеяния? Разве у всех этих народов, т. е. на всем земном шаре, и в течение всего этого времени, т. е. в течение наиболее длительного периода существования человеческого рода, не существовала общность земли подобно общности воздуха? Разве в течение всего этого времени не было все общим: поселения и переходы на другие места, поле, сражение и добыча, даже женщины до установления брака?

Оглянитесь на путь, пройденный от первых шагов земледельческих народов, от так называемого раздела, о котором говорят философы, от установления собственности и до настоящего времени. Сколько вещей остались общими! Обширные национальные земли в каждой стране; обширные коммунальные зе-

мельные участки в каждой коммуне, большие дороги, пути и проходы; реки и каналы; бухты и гавани, все общественные места и здания, площади, места гуляния, фонтаны, укрепления, храмы, театры, школы, больницы, бани. Разве все города, все деревни не являются общностями, называемыми на этом основании коммунами? Разве сами королевства не называются общностями? Разве все семьи не представляют столько же маленьких общностей? А что говорить о бесчисленных монастырях, называемых религиозными общностями, и о бесчисленных промышленных ассоциациях, которые в действительности представляют не что иное, как общности? Говорить ли мне о всех учреждениях, обслуживающих народ (дилижансы, омнибусы, почта, рынки, лавки, магазины, мельницы, печи, пресса, празднества, общественные игры и развлечения), основанных на началах общности? Разве принцип общности не является душой всех легальных сервитутов, установленных для собственности, например общего владения стенами и проходами? Не является ли он также душой множества законодательных установлений, которые предписывают, чтобы все было общим при кораблекрушении, наводнении или пожаре?

Признаем же, что один из главнейших импульсов природы, более могущественный, чем эгоистические страсти, есть именно тот, который влечет человека к ассоциации, обществу и общности.

И заметьте, что я не говорю вам об Иисусе Христе, проповедующем и устанавливающем общность, ни о его церкви, образующей огромный коллектив, или общность.

И не возражайте мне, что все народы в конце концов приняли собственность и ни один не предпочел общности, ибо я, с одной стороны, назову вам несколько народов, которые предпочли общность и были счастливы, как народы Спарты, Перу и Парагвая, а с другой — отвечу, что другие народы приняли собственность, как они приняли рабство, в силу невежества и варварства, и они не имели при этом никакого представления об общности, как не имели никакого представления о книгопечатании и о паре.

Я пойду еще дальше. Человечество должно сожалеть о том, что оно не приняло принципа общности, как приходится жалеть о том, что оно не знало раньше об оспопрививании. Не удивляюсь медленности его прогресса. Я думаю, что общность легче осуществима у цивилизованных народов, чем у диких народов, в больших государствах легче, чем в маленьких, во Франции, Англии или Америке легче, чем у других народов, и теперь легче, чем прежде, как она будет еще легче осуществима через двадцать лет, чем в настоящее время.

Но Антонио обвиняет систему общности в неблагодарности и несправедливости, потому что она не дает гениальному человеку, сделавшему важное открытие, большую часть

в продуктах, чем обыкновенным рабочим. Это слишком серьезное обвинение, чтобы оставить его без опровержения.

Так вот, я утверждаю, что система общности имеет основание поступать таким образом, я утверждаю, что гений, его открытия и его заслуги являются созданием общества, а поэтому общество должно пользоваться ими безвозмездно. И действительно, для чего пригодилось бы вашему Фультону [12] открытое им применение пара, если бы не было общества, которое могло бы использовать его? Более того, как мог бы он развить свой гений и сделать это открытие, которое должно изменить лицо мира, если бы со дня его рождения общество не заботилось о нем, не просветило его и не дало ему возможности развить свои интеллектуальные способности, если бы из чрева своей матери он был перенесен на пустынный остров, чтобы там в одиночестве прозябать, состариться и умереть!

Да, человек есть только то, что делает из него всемогущее общество или всемогущее воспитание, беря это слово в самом широком его смысле,— не только воспитание, которое дают нам учитель, школа и книги, но и влияние на нас вещей и лиц, обстоятельств и событий, воспитание, которое с самой колыбели не оставляет дитя ни на одно мгновение. Идеи, привычки, нравы, язык, религия, профессия, знания — разве все это не зависит от воспитания, которое укрепляет и формирует способности ребенка? Двадцать совершенно

различных детей, если они рождены и воспитаны в двадцати различных странах, будут сходны друг с другом, если они будут воспитаны вместе, не покидая друг друга никогда, как мы уже видели это в Икарии. Двадцать детей одной страны и одного возраста будут, как мы уже убедились, почти одинаковы или совершенно различны, смотря по тому, будут ли они воспитаны одинаково или различно. Так что один человек мог бы проявиться в двадцати различных личностях, соответственно двадцати различным видам воспитания, которые он получил бы. Сколько людей, кажущихся дураками, могли бы быть гениями, если бы они получили соответствующее воспитание! Сколько гениев были бы дураками, если бы они были поставлены в другие условия!

Обязанный своим гением обществу, каждый гражданин обязан, в вознаграждение за воспитание, полученное от него, передать ему плоды своего гения. Когда он предоставляет обществу выгоды какого-нибудь полезного изобретения, он только уплачивает свой долг. Когда он получает от общества все, что ему необходимо, он не может жаловаться, что не имеет более крупного состояния, чем его сограждане. И если общество, которое не должно ему больше ничего, предоставляет ему какую-нибудь награду, то это должно быть только в интересах общества, чтобы возбудить соревнование, а не в личных интересах вознаграждаемого.

Думаете ли вы, что чисто почетная награда недостаточна, чтобы достичь цели, и общество должно было бы, в своих собственных интересах, для повышения активности, вознаграждать материально за открытия и заслуги? Но это уже другой вопрос. И я опять отвечаю, согласно нашему и вашему прежнему опыту, что денежные награды влекут за собой большие и многочисленные опасности, между тем как наш недавний опыт показывает, что патриотизм, честь и слава имеют огромную силу, когда всемогущее воспитание подготовляет в этом направлении сознание людей, когда богатство равно для всех и достаточно, чтобы обеспечить материальное благосостояние. Изучение, опыты, наука и открытия имеют столько привлекательного, что их любят только ради них самих, жертвуя всеми другими интересами, пренебрегая всеми опасностями и несчастьями, нищетой и преследованиями, тюрьмой и смертью. Судите поэтому, какое наслаждение, какое удовольствие доставляет наука людям, хорошо воспитанным и образованным, беззаботным и счастливым. Посмотрите на нас. Наука — наше величайшее удовольствие, самый обильный источник наших наслаждений. Для чего нам послужило бы более крупное состояние, чем у других? Разве любовь к труду, отечеству и человечеству не является для человека достаточным стимулом к соревнованию? И разве вы не видите у нас во сто раз большего напряжения интеллекта и большего

числа открытий, чем во всех других странах, вместе взятых?

Я перехожу, наконец, к наиболее тяжкому из всех обвинений, выдвинутых Антонио против общности, а именно: что она несовместима со свободой. Но это обвинение пугает меня так же мало, как и другие. И вот мой ответ.

Несомненно, общность налагает стеснения и узы, ибо ее главная миссия — создавать богатства и счастье. Чтобы она могла избежать ненужных затрат труда, сделать более экономной и удесятерить производительность земледелия и промышленности, совершенно нобходимо, чтобы общество сосредоточило в своих руках, располагало и управляло всем; нужно, чтобы оно подчинило все воли и все действия своим правилам, своему порядку и своей дисциплине.

Но сравните сами свободу в обеих системах — в системах собственности и общности— и судите, какая представляет больше свободы и более действительной свободы.

Прежде всего столкуемся насчет смысла слова *свобода,*— слова, бесконечно сложного, слишком неясного и слишком неопределенного. Что такое свобода? Есть ли это право поступать согласно собственному капризу, даже делать то, что может повредить другому, например красть или убивать? Нет, закон запрещает это. Есть ли это право ничего не делать, если угодно, не платить налогов, не быть солдатом? Нет, закон запрещает это.

Есть ли это право ходить голым, когда жарко? Нет, нравы не дозволяют этого. Есть ли это право быть неблагодарным? Нет, общественное мнение клеймит неблагодарность. Есть ли это право безнаказанно объедаться или вовсе не есть? Нет, природа не терпит этого.

Человек всюду находится в зависимости от природы и ее стихий (воздуха и ветра, дождя и бури, тепла и холода), как гражданин всюду зависит от общества, его законов, нравов, обычаев и общественного мнения, которые также являются законами.

Свобода, следовательно, есть только право делать все, что не запрещено природой, разумом и обществом, и воздерживаться от всего, что не предписывается ими; она подчинена бесчисленным законам природы, разума и общества.

Однако верно, что свобода есть ныне страсть всеобщая, пылкая, не мирящаяся со стеснениями и доходящая почти до разнузданности, но не есть ли это крайность, ошибка, предрассудок, причину которого можно установить и который можно исправить и излечить? Посмотрим.

Да, слепая страсть к свободе есть ошибка, порок, тяжкое зло, порожденное могучей ненавистью, внушаемой деспотизмом и рабством. Именно чрезмерная тирания вызывает чрезмерную любовь к независимости; это противодействие, впадающее в противоположную крайность.

Человек по своей натуре воспринимает настоящее зло гораздо сильнее, чем будущее зло, даже более могучее, и настоящее зло слишком поглощает его, чтобы оставить ему способность думать об отдаленном зле или представлять себе все его значение. Страдание часто мутит его разум до такой степени, что он пускает в ход самые опасные средства, чтобы избавиться от него какой бы то ни было ценой.

Так несчастный, который тонет, хватается за все и готов схватить даже раскаленное железо; так путешественник, умирающий от жажды, пьет из болота; так человек, над головой которого занесена сабля, хватается за клинок с риском отрезать себе пальцы; так, чтобы избежать ярости врага, ищут убежища у другого врага, который убивает.

По этой же причине в войне против тирании народы выступают с требованием: «Свобода! Свобода во что бы то ни стало!» — свобода печати против угнетения мысли; свобода преподавания против обскурантизма невежественных монахов; свобода промышленности против цехов, контроля, принудительных корпораций и фиска; свобода торговли против привилегий монополий и адских таможен; свобода собственности против произвольных конфискаций и претензий деспотов быть единственными собственниками; наконец, свобода слова и деятельности против полиции, которая хочет всему мешать или все предписывать в интересах деспотизма.

Но разум учит народы, наиболее ревностно добивающиеся свободы, что свобода не есть ни разнузданность, ни анархия, ни беспорядочность, что она должна быть ограничена во всех случаях, когда этого требует интерес общества, установленный народным суждением.

Сравним теперь свободу при двух системах — при системе собственности и при системе общности.

Общность имеет много законов,— говорите вы.— А собственность, защищаемая монархией, не имеет их?

Общность стесняет свободу. — А монархия? Разрешает ли она вам делать все, что вам угодно? Оставляет ли она вам свободу вашей личности, вашего жилища, ваших детей, вашего имущества, ваших действий, даже ваших мыслей и ваших верований, ваших чувств и ваших надежд? Разве нищета оставляет массе несчастных свободу иметь необходимое и полезное? Разве королевская полиция дает вам свободу оставаться на спектакле сколько вам угодно, танцовать или обедать как вам угодно, носить букет из фиалок или красную ленту или палку, доставляющие вам удовольствие? Нет такого запрещения, установленного общностью, которое не было бы установлено собственностью, и даже в более тяжкой, капризной, вздорной, придирчивой, деспотической форме.

При режиме общности все общество, весь народ создает свои законы, даже свои нравы, обычаи, свое общественное мнение, и он это

делает согласно природе и разуму, всегда в своих интересах, всегда с общего согласия, после обсуждения, выясняющего все выгоды предложенного проекта; и эти законы, на которые дано было согласие, всегда выполняются с удовольствием и даже с чувством гордости.

А при системе собственности, под господством аристократии или монархии?

Нет, нет, только общность и демократия, совершенное равенство и счастье, порядок и мир составляют свободу! Собственность, неравенство, нищета могут порождать только угнетение и рабство!

И все друзья свободы должны желать общности.

И я не отвечал бы даже по этому пункту почтенному Антонио, если бы не считал его искренним другом свободы, потому что я не хотел бы защищать ее против ее врагов, скрывающихся под маской друзей, против вероломных аристократов и лицемерных деспотов, ссылающихся на свободу для того, чтобы осквернить ее, и всячески расписывающих свою любовь к ней и ревность лишь для того, чтобы предать ее, удушить и заковать в цепи.

И я, надеюсь, доказал вам, что лозунгом человеческого рода должно быть: «Равенство! Общность!» [Продолжительные аплодисменты].

— Как был бы я счастлив,— прибавил Динар,— если бы я мог передать всем вам

глубокое убеждение, что общность может установиться в ваших отечествах, ибо я считал бы себя способным на самую бессмысленную гордость, если бы думал, что Англия, Франция и Америка, например, не могут совершить то, что сделала Икария.

Я хочу поэтому, чтобы у вас не осталось никакого сомнения, я хочу довести доказательство до очевидности, я хочу, чтобы ваши души были преисполнены, как и моя, утешительным сознанием, что человечество создано для счастья и держит это счастье в своих руках. Послушайте меня еще немного.

Считают, что равенство невозможно. Так вот, если вы хотите меня выслушать, я разверну перед вами процесс развития и поразительного процесса равенства и демократии со времен рождения человечества.

Опасаются, что равенство ведет к бесплодности. Так вот, если вы хотите, я разверну перед вами картину открытий наук и искусств и чудеса современной промышленности.

Ссылаются на мнения философов против равенства и общности. И вот, если вы хотите, я перед вами произведу смотр всем философам, древним и новым, являющимся светочами и маяками человеческого рода.

Говорят о невозможности. И вот, если вы хотите, я представлю вам картину осуществленной «невозможности». Мы рассмотрим, каким может быть будущее человечества. И вы сможете увидеть, наконец, что его перспективы должны быть так же безграничны,

как и его способность совершенствования, и что общность есть в одно и то же время его стремление, его цель и его назначение. Хотите вы этого?

— Да, да, да!— кричали со всех сторон с энтузиазмом.

— Так до завтра!

И когда Динар, произнесший свои последние слова с большим воодушевлением, поднялся, чтобы выйти, возгласы «браво» и аплодисменты были до такой степени бурны, что, казалось, свод здания готов был обрушиться на нас.

И мне нет нужды говорить, кому доставляли самое большое удовольствие эти аплодисменты, которыми приветствовали брата моей Динаизы...

Глава девятая

ПРОГРЕСС ДЕМОКРАТИИ И РАВЕНСТВА

Любопытство, казалось, было еще более напряженно, чем накануне.

— Сомневаются,— воскликнул Динар,— в возможности равенства и в торжестве демократии! Посмотрим же, каков был исходный пункт развития человечества, путь, который оно прошло, его прогресс, и пункт, до которого оно дошло. Мы увидим, как равенство, созданное природой, почти задушенное силой, снова оживает, как феникс, возрождающийся из своего пепла, растет и блистает и делает чудеса, чтобы снова пасть под гнетом деспотизма, почти потухает и исчезает в ночи варварства, затем снова восходит подобно солнцу, которое сперва едва пробивается через облака, чтобы затем появиться во всем своем сиянии посреди неба и залить мир светом и теплом.

Следуйте же за мной. Бросим вместе беглый взгляд на историю человечества.

В течение тысячелетий первого периода, когда человек больше походил на животное,

чем на человека, жил везде скорее стадами, чем обществами, мы нигде не находим ни королей, ни первосвященников, ни аристократов и священников, ни маркизов и баронов, ни корон и скипетров, ни гербов и вышитых платьев. Тогда, конечно, существовало равенство.

В течение тысячелетий второго периода, когда тысячи народностей покрывают поверхность земного шара, когда самые великие, самые сильные, самые храбрые, самые опытные и самые искусные люди или люди, сделавшие какое-нибудь открытие, избираются своими равными для защиты их интересов и замещаются более способными, как только этого требуют общие интересы, когда все члены каждой народности собираются для обсуждения вопросов двигаться ли дальше или остаться на месте, об охоте или войне, когда избранный начальник есть только военачальник или судья,— где были тогда короли со своим божественным правом и наследственное дворянство? Разве это, скажите мне, не равенство и демократия?

Но некоторые народности, осевшие на островах, или среди болот и гор, или в хорошем климате и на плодородной почве, становятся земледельцами, промышленниками, тогда как другие остаются охотниками и номадами, воинами и кочевниками, становятся завоевателями, покоряют и последовательно объединяют большое число других земледельческих народностей и образуют большие народы,

большие нации, обширные империи, Китай и Японию, Индию и Халдею, Ассирию и Персию, Финикию и Египет. Тогда путем завоевания и захвата устанавливаются монархия и деспотизм, аристократия и теократия, разделение на касты, система, предусматривающая невежество народа, изолированность от других народов, неподвижность, одним словом — рабство или почти рабство, организованное на таких основаниях, чтобы пребыть вечным. Для народа во всех этих цивилизованных странах устанавливается лишь равенство угнетения и огрубения.

Но, с одной стороны, рабство, заменяющее истребление на войне, является относительным прогрессом, с другой стороны — эти большие цивилизованные нации (в особенности индусы, ассирийцы, персы, финикияне и египтяне) часто смешиваются в результате войн и завоеваний и делают большие открытия в науках и искусствах. Египетские жрецы собрали более тридцати тысяч сочинений, которые они приписывали Меркурию, тогда как остальная часть человеческого рода продолжала оставаться в состоянии варварства и сохранять равенство.

И когда после огромной длительности этих первых трех эпох (тридцать тысяч лет до рождества Христова — согласно финикиянам и египтянам: сто тысяч лет — согласно персам; семьсот тысяч — согласно вавилонянам; два миллиона — согласно китайцам и японцам; четыре миллиона — согласно индусам, и

всего четыре тысячи пятьсот лет — согласно Библии) мы подходим к двухтысячному году до рождества Христова, вы видите, как равенство возрождается, растет и торжествует в центре мира.

Вы видите, как за две тысячи — тысячу шестьсот лет до рождества Христова восточные народы начинают основывать колонии на Западе, точно так же как на три тысячи или три тысячи пятьсот лет позже (около тысячи пятисот лет после рождества Христова) начинается эмиграция в Америку и основание там европейских колоний.

Множество небольших колоний снимается из Египта, Финикии, с островов и берегов Малой Азии (под именем пелазгов) и оседает в Иудее, Греции, Сицилии, Италии и северной Африке, где они воздвигают множество городов (Иерусалим, Афины, Спарта, Фивы, Коринф, Карфаген и т. д.), основывают множество мелких государств, истребляют или присоединяют к себе и цивилизуют диких жителей этих стран.

Составленные из недовольных, оппозиционеров, изгнанников, авантюристов, одним словом — из людей более всего жадных к свободе, все эти колонии приносят в свое новое отечество любовь к независимости и равенству.

Не будем останавливаться на евреях, хотя этот народ бежит из Египта только из ненависти к рабству, и Моисей признает уже суверенитет народа, давая на его рассмотре-

ние конституцию, хотя эта конституция, будто бы написанная и продиктованная самим богом, устанавливает уже республику, демократию и равенство, в особенности равенство имущества и голосования; хотя мы могли бы видеть, что каждое из двенадцати колен собирались раз в месяц поочереди и что у евреев существовали народные собрания в пятьдесят тысяч человек; хотя мы могли бы найти у них пророков, обращающихся с речами к гражданам, и даже ассоциацию из четырех тысяч человек, осуществившую общность имуществ! Оставим в стороне эту Иудейскую республику, которая, однако, существовала около четырехсот лет и, после приблизительно шестисот лет царской власти и плена, опять возрождается и существует еще несколько веков, чтобы уступить место монархии до рассеяния евреев в 134 г. после рождества Христова. Но бросим взгляд на Грецию.

Что касается греков, то хотя их многочисленные народности избирают царями начальников, которые руководили ими, все эти царьки только военачальники и судьи, исполнители установленных законов и решений, принятых собравшимся народом.

Но так как эти цари становились узурпаторами и деспотами, народ уничтожил царскую власть, и в скором времени республика стала господствовать в Греции, Малой Азии, Иудее, Финикии, в Карфагене и северной Африке, на восточных островах Средиземно-

го моря, в Сицилии, в южной Италии и в Италии центральной или Этрурии, многочисленные города которой составляли федерацию уже с 2050 г. до рождества Христова.

Некоторые из этих республик, например Лакедемония, сохраняют царя, подчиненного народу и сенату, но почти все управляются без царя общим собранием, состоящим из всех граждан, и многочисленным сенатом.

В одних, как в Афинах, господствует демократия, а в других, как в Спарте и Карфагене, аристократия, но даже в последних демократия заставляет себя уважать и неустанно борется за политическое равенство.

Эти республики еще достаточно невежественны и признают законность рабства. Самые аристократические из них даже презирают обыкновенные ремесла и отказывают в правах гражданства рабочим, продающим свой труд, и мелким торговцам. Но демократия обращается лучше с рабочими и рабами, и всюду масса народа страстно стремится к равенству и свободе.

Почти повсюду упрочилось неравенство имущества, разделяющее граждан всех этих республик на богатых и бедных, и именно это является источником всех раздоров. Но Минос [13] устанавливает общность имущества на Крите; Ликург (855 лет до рождества Христова) устанавливает ее в Спарте, добившись от богатых отказа от их богатств и согласия

на равный раздел земли; Солон отменяет долги в Афинах, и всюду народ неустанно борется за равенство состояний.

Даже аристократы хотят равенства для себя и между собой, и это стремление к равенству до такой степени всеобще и настойчиво, что всюду сопротивление узурпации, восстание против узурпаторов и тираноубийство провозглашаются правами народа, обеспечивающими его свободу.

Грек уже больше не грубое животное, как азиат и египтянин. Это человек, сознающий свое человеческое достоинство, и в греческих или соседних с Грецией республиках насчитывается больше граждан, чем в обширном Египте и необозримой Азии, населенных рабами.

Вскоре после того как Афины прогнали тиранов, а восточный деспотизм начинает угрожать греческой свободе иностранным вторжением и реставрацией, любовь к отечеству и независимости порождает чудеса. Леонид и его триста спартанцев идут на верную смерть, чтобы задержать на несколько дней персов в Фермопильском ущелье; афиняне покидают и сжигают свой город, и тридцать тысяч республиканцев, отразив два миллиона персов на земле и море, при Марафоне, Платее и Саламине, за 490 лет до рождества Христова, спасают Европу от азиатского деспотизма.

Освобожденная тогда от своих тиранов, избавленная от страха перед восточным игом,

демократия разливается широким потоком. Во всех городах можно видеть, как народ, занятый государственными или общественными делами, почти ежедневно собирается на своих совещательных собраниях из пяти, десяти, пятнадцати или тридцати тысяч граждан; сенаты из трехсот или пятисот или тысячи ежегодно избираемых сенаторов; трибуналы из пятисот или тысячи заседателей; ежегодные выборы, на которых граждане выбирают всех должностных лиц и выслушивают их отчеты; должности, поручаемые по жребию всем без различия, как, например, должности судей или даже сенаторов; театры, вмещающие двадцать и тридцать тысяч зрителей; бедные, получающие плату для того, чтобы они имели возможность посещать народные собрания и зрелища; общественные площади, портики, места для гуляния, где обычно собираются граждане, чтобы побеседовать об общественных делах и поучиться; общественные даровые бани, храмы, национальные, религиозные празднества и всенародные игры, на которые население собирается со всех сторон.

Все эти учреждения, борьба обнаженных атлетов, состязания, награды, венки, статуи, ассоциации из трехсот или пятисот братьев или друзей — все это дышит равенством.

Более того. Освободившись от каст, от египетской и азиатской теократии и от всех препятствий, воздвигаемых против общения народов и прогресса, признавая тысячи раз-

личных богов, посещая Персию, Индию, Финикию, Египет, в особенности с тех пор, как один из египетских царей (Псамметих) призывает греческую армию на помощь против своего соперника (670 г. до рождества Христова), воспринимая всюду знания, приобретенные человечеством, свободные в деле преподавания и воспитания, как и в мысли, обсуждая все на публичных собраниях, греческие республиканцы гигантскими шагами продвигались вперед в области наук и искусств, в особенности в морали, философии и политике.

У них нет еще ни книгопечатания, ни общих и даровых школ, но они желают распространения просвещения и отвергают его ненавистную монополию. У них есть бесчисленные переписчики. Республика впервые дает человечеству публичные библиотеки (в Афинах, в 524 г. до рождества Христова), школы, гимназии, институты, академии, лицеи и музеи, в то время как Спарта показывает ему всемогущество воспитания. Впервые народ пользуется общим языком для всех, и этот великолепный гармоничный язык распространяет всюду (со времен Орфея и Гомера, за 1300 и 1000 лет до рождества Христова) посредством чарующей поэзии познания всякого рода, тогда как, опять-таки впервые, мудрецы и философы выступают перед согражданами, публично обсуждают права и интересы человеческого рода и придумывают всевозможные формы управления, даже лиги

и федерации, даже представительные собрания и конгрессы.

Республика или равенство доводит до совершенства изящные искусства, поэзию и трагедию, архитектуру, скульптуру и живопись.

И эта республика до такой степени увеличивает свое население, что Греция, в свою очередь, покрывает республиканскими колониями Малую Азию, Сицилию и половину Италии, удостоившуюся названия Великой Греции; Римская республика может быть рассматриваема как дочь Греции, получившая свое просвещение от матери. Византия, или Константинополь, и Марсель являются тоже двумя греческими республиканскими колониями.

Не будем поэтому останавливаться на этих азиатских, сицилийских и итальянских республиках, детищах Греции и похожих на нее в большей или меньшей степени. Мы бросим сейчас только беглый взгляд на Римскую республику.

Мы не остановимся даже на торговом и воинственном Карфагене, который основал вокруг себя триста городов, или африканских республик, и кончил тем, что подпал под римское господство.

Заметим только, что с появлением Александра Аристотель смог собрать двести пятьдесят республиканских конституций и насчитывает еще гораздо больше республик в Греции и вокруг Греции, тогда как Египет и

южная Азия все еще остаются странами рабства, а остальная часть земли пребывает еще в диком или почти диком состоянии, пользуясь естественным равенством.

Но, быть может, скажут, что подобно армии, которая останавливается или возвращается назад, чтобы подождать отставших или соединиться с ними и более уверенно следовать вместе вперед, так и Греция останавливается и идет назад, чтобы соединиться с другими народами, оставшимися позади, возобновить затем свое движение вперед и увлечь их за собой.

Пока же рассмотрим вкратце четыре великих события, следовавших друг за другом в течение короткого промежутка в семь или восемь столетий: завоевания Александра, превращение Римской республики во всемирную Римскую империю, христианство и великое нашествие варваров.

Просмотрим бегло завоевания македонца Александра, который покоряет Грецию (около 340 г. до рождества Христова) и с небольшой армией греков покоряет и присоединяет Малую Азию, Иудею, Финикию, Персию, часть Индии и Египта, основывает Александрию и распространяет в своей обширной империи язык и знания греков, смешивая вместе старую и новую цивилизации.

Александрия скоро собирает в своей библиотеке семьсот тысяч томов, т. е. все познания человечества, и становится новыми

Афинами цивилизованного мира, расположившимися между Африкой, Европой и Азией.

Греция выигрывает мало и теряет много от этого контакта и смешения цивилизаций, но другие соединенные народы выигрывают больше, чем теряют. Так кипящая вода теряет часть своей теплоты, смешиваясь с холодной водой, тогда как последняя получает потерянную теплоту, и обе, нагреваясь, могут кипеть вместе.

Но Римская республика, поглотив Грецию и завоевания Александра, смешала вместе два моря горячей и холодной воды. Вернемся поэтому к Риму и проследим его историю со дня его рождения.

С первых дней своих Рим, основанный колонией из Альбы под предводительством Ромула (753 г. до рождества Христова), делит свои земли поровну и хочет равенства. Ромул — царь, но избранный и ограниченный в своей власти. Сенат кладет начало аристократии, которая кончит тем, что захватит все, но все граждане имеют вначале право голоса, и народ образует могущественную демократию.

Вскоре Рим разделяется на богатых и бедных, кредиторов и должников.

Затем цари стремятся угнетать аристократов и народ, но аристократия призывает народ к сопротивлению. После семи выборных царей и двухсот сорока лет народной монархии царскую власть свергают, внешнее наше-

ствие, несущее с собой реставрацию, побеждено, и республика торжествует.

Отсюда высокие республиканские добродетели, сознание человеческого достоинства, любовь к отечеству и слава, рост демократии, общественная жизнь, сборища на форуме и Марсовом поле, комиции, или народные собрания, состоящие иногда из двухсот тысяч граждан, ежегодные выборы, публичные дискуссии, приговоры, выносимые народом, посылка комиссаров для изучения законов и обычаев Греции и других стран, триумфы, празднества, игры, колоссальные театры, огромные цирки, обширные арены и все, что дышит равенством и общностью.

Но с первых дней республики аристократия, уже богатая и могущественная, стремится занять место королевской власти и остается одна лицом к лицу с демократией — неимущей, буйной и вооруженной, которая тщетно требует отмены долгов и издания аграрного закона или раздела завоеванных земель.

Отсюда постоянные распри, бесконечные раздоры, смуты, бунты, гражданская война, проскрипции, тираноубийства и, наконец, императорский деспотизм и тирания меча.

Однако воинственный и победоносный, часто под угрозой покорения и разрушения, Рим завоевывает всю Италию и Сицилию, Карфаген, северную Африку, Испанию, всю Галлию до Рейна, даже Великобританию,

наконец Грецию (146 г. до рождества Христова), Малую Азию, Египет и наибольшую часть империи Александра.

Рим непрерывно распространяет свои завоевания и скоро будет управлять на юге Африкой до Нигера, на западе и севере Европой до океана, до Ирландии, до Дуная, от его истоков до устья, и на востоке — Азией до Евфрата.

Огромная, колоссальная, гигантская, почти всемирная республика!

Рим присваивает все и расширяется по всем направлениям. Он захватывает земли Карфагена, Сиракуз, Коринфа, Афин, Спарты, Эфеса, Иерусалима, Александрии.

Он берет у Греции ее науки и искусства, ее статуи и библиотеки (если только война не уничтожает их, как библиотеку Карфагена и Александрии), ее законы и философию, у Малой Азии — ее природные богатства, промышленную продукцию и ее роскошь,— он всюду берет, что можно.

Он обогащается и украшается за счет всего мира. И его цивилизация становится сводкой всех тогдашних цивилизаций.

Но Рим, в свою очередь, цивилизует Северную Италию, Испанию, Галлию и Великобританию.

Он строит дороги, укрепленные лагери, водопроводы, храмы, бани и арены, он перевозит на запад животных и плоды Востока.

Он основывает академии в Отене, Лионе, Тулузе.

Он организует коммуны, или муниципалитеты, которые представляют собою столько же маленьких республик.

Он посылает повсюду свои легионы и смешивает все народы в своих армиях, он ставит всюду своих чиновников и вызывает новых сенаторов и новых граждан, посланников и представителей из всех стран. Из Рима отправляются во все стороны, и в Рим съезжаются со всех сторон.

Это фокус, где сходятся лучи, исходящие из всех пунктов обширной окружности. Это солнце, лучи которого освещают и согревают все окружающее.

И, хотя в нем есть еще рабство, тысячи несовершенств и тысячи пороков — неизбежное следствие детского возраста человечества — он всюду распространяет дух равенства, стремится к единству и уравнению, создает могучую демократию, борющуюся против аристократии.

Но скоро к потокам тепла, разливаемым республикой, прибавляются охлаждающие потоки, изливаемые империей.

Империя — это торжество аристократии, аристократии новой, военной, вооруженной, глава которой выступает то господином, чтобы подавлять свободу, то орудием, служащим для этой же цели.

Это царство грубой силы.

Чудовища с человеческими лицами, Тиберии и Калигулы, Нероны и Гелиогабалы, сопровождаемые их сенаторами, патрициями,

герцогами, маркизами и графами, преторианцами и евнухами, заставляют поклоняться себе как богам.

Философы изгнаны, науки и прогресс умолкают среди треска оружия и под мечом деспотизма.

Искусство управлять и администрировать становится только искусством подавлять; порядок вырождается всюду только в организованное рабство.

И в течение четырехсот лет вы увидите только бунты, гражданские и внешние войны, массовые убийства и убийства тиранов.

И однако всюду опять равенство. Для народа это равенство огрубения и нищеты, но все подданные становятся гражданами: варвары (готы, франки, парфяне и т. д.) допускаются в армию, ко двору, ко всем должностям; последний из солдат, даже варваров, может мечтать об императорской власти; последний из рабов, вольноотпущенников и евнухов может быть министром императора и царствовать его именем; и трупы деспотов, пронзенные кинжалом тираноубийцы или мечом преторианца, падают один на другой, подобно трупам их жертв.

Некоторые либеральные императоры (Веспасиан, Тит, Адриан, Нерва, Антонин) покровительствуют наукам и искусствам и основывают Атеней в Капитолии и школы повсюду; Рим, Милан, Марсель, Бордо, Тулуза, Нарбонна, даже Карфаген становятся

убежищем наук; Нерва и Траян предоставляют свободу мыслить и писать, которая дает потомству Тацита, двух Плиниев и Плутарха.

Но равенство получает еще более значительный импульс. Горячим потоком разливается христианство, воспламеняя человечество. Поспешим поэтому вернуться к Иисусу Христу и не будем останавливаться больше на империи. Ограничимся только замечанием, что Константинополь, поставленный во главе Греции (в центре мира, между Европой, Азией и Африкой), единственная столица всей империи, становится отныне очагом всей греческой и римской цивилизации, и именно там мы найдем ученых, сочинения, даже те знаменитые своды римских законов, составленные по распоряжению Юстиниана, которые позже станут источником просвещения и основой правовой науки Европы.

Однако остановим свое внимание и на определении верований человечества в ту эпоху.

Греческая цивилизация, а вслед за ней и цивилизация римская, составляет продукт религиозных идей древних пелазгов, идей, смешанных с наукой, пришедшей из Египта и Азии. Согласно первым, на земле распространена вера в то, что существуют смертные боги, т. е. люди, рожденные от богов и одаренные бессмертной душой, и люди без души, объекты собственности, подобно зве-

рям, земле, домам и т. д. Республика существует только для смертных богов; остальные люди так же мало идут в счет, как и животные. Согласно науке Египта и Индии, люди — бывшие ангелы, по происхождению равные, но павшие в наказание за грехи, совершенные на небе, и осужденные на то, чтобы остаться на земле и страдать на ней, пока их грехи не будут искуплены и прощены. Пока не совершено это очищение, виновная душа подчинена метемпсихозу, т. е. постоянному переходу из одного мертвого тела в другое. Души делятся, в соответствии с тяжестью их грехов, на шесть или семь каст, начиная со священника и до раба и скотины.

Отсюда — превосходство каждой касты над всеми низшими, которые считаются более виновными и более опустившимися. Кроме того, души остаются всегда в одной и той же касте, отсюда неподвижность каст и невозможность для какой-нибудь из них смешиваться с другими.

И хотя философы не разделяют всех этих представлений, можно сказать, что таковы взгляды человечества в тогдашнюю эпоху.

Отсюда — не только касты, деспоты, аристократы и рабство, но и право жизни и смерти, принадлежащее мужу над женой и отцу над детьми.

Отсюда — всеобщее народное верование, что бог придет искупить все грехи и освободить всех людей.

Таково было социальное, религиозное и политическое положение человечества в начале Римской империи.

И вот из одной наименее просвещенной провинции этой империи, между Европой, Азией и Африкой, раздается голос, возвещающий пришествие Мессии или возвещенного и ожидаемого бога, искупление первородного греха, освобождение человеческого рода, великую реформу или великую революцию.

«Истинно говорю вам,— восклицает Иисус,— все вы дети одного и того же отца, который есть бог; вы все — братья, все равны; на небе не будет ни малых, ни великих, ни богатых, ни бедных, ни мужчин, ни женщин; будут только ангелы господни... Тот, кто захочет быть первым среди всех, будет слугой всех остальных. Любите поэтому ближнего, как самого себя, и господа превыше всего».

И он проповедует даже общность имущества.

И он умирает на кресте, говорит св. Матвей, чтобы искупить одной жертвой все несправедливости всех людей, чтобы снять с них тяжесть первородного греха, положить конец их наказанию и восстановить между ними первобытное равенство, уничтожив причину их случайного неравенства.

И этот голос повторен был с высоты маяка в Александрии, бывшей тогда центром философии, чтобы его услышала вся земля.

Одни говорят, что это голос философа, мудреца, великого человека, но масса думает, что это голос бога.

И божественность Иисуса Христа становится основой новой религии.

И мораль этой новой религии — равенство, братство, милосердие и любовь к ближнему, общность, преданность правителей интересам народа, преданность народа человечеству, миру и свободе.

И Иисус Христос завещает своим ученикам проповедывать по всей земле объединение всего человеческого рода в один народ и в одну семью.

Вскоре апостолы нового бога начинают проповедывать эту новую религию в Риме и во всей Римской империи и приобретают бесчисленных прозелитов.

Вскоре христиане образуют тысячи общин и обширную республику, рассеянную по всей империи, и осуществляют на практике равенство, братство и общность имущества.

Ни преследования, ни казни не могут остановить их пропаганду; тайные общества и мученичество приносят им торжество (320 г. после рождества Христова); церковь и крест вытесняют языческие храмы; Иисус Христос занимает место Юпитера (кто счел бы это возможным?); христианство сменяет язычество. А затем съезды и соборы, представляющие христианскую республику, религиозная конституция, всеобщее голосование для христиан, выборы, на кото-

рых оцениваются достоинства людей всех положений для назначения пастырей или священников и отцов или епископов, публичные проповеди, особые школы, богадельни для бедных и странников, наконец энергичная и страстная пропаганда распространяют всюду на востоке и на западе, вплоть до варварских народов, дух равенства и братства.

Но какой ледяной ветер, дующий с севера, какой знойный ветер, дующий с юга, вдруг затемняют и леденят или зажигают атмосферу человечества!

С севера Европы и из Азии (называющейся *фабрикой рода человеческого*) вырываются сотни диких и варварских народов (готы, остготы, вестготы, франки, саксы, англы, алеманы, кимвры, тевтоны, лангобарды, герулы, гепиды, аланы, свевы, гунны, авары, болгары, скифы, татары и т. д.), которые устремляются на Римскую империю сверху, словно буря или поток, тогда как Магомет и его арабы (сарацины, мавры, мусульмане, оттоманы, турки) поднимаются снизу, точно всепожирающий пожар.

Мужчины и женщины, дети и старцы, полуголые и страшные, питающиеся сырым и сочащимся кровью мясом, наступают со всех сторон со своими палатками и стадами, одни пешком или на повозках, другие на лошадях или верблюдах.

Одни прибывают в Рим через Малую Азию, Грецию и Италию, другие через Галлию и Испанию, откуда они перейдут в

Сицилию и Италию, а позднее страшные дети Магомета покорят всех этих первых завоевателей и обойдут всю империю, с юга, запада и севера, если их не остановит у Пуатье Карл Мартелл, и затем с севера и востока, если их не остановят у Вены поляки.

Рим взят, отвоеван, снова взят, ограблен, сожжен, разрушен, и его аристократия идет умирать на развалинах Карфагена или запирается в стенах Константинополя.

Вся империя наводнена, покорена, завоевана, полна варваров, и один только Константинополь остается невредимым, окруженный и блокированный, сохраняя в своих стенах небольшой очаг культуры Греции, Рима и всего мира.

И какое опустошение после этого ужасного землетрясения и многочисленных сотрясений, которые ему предшествовали и следовали за ним в течение почти четырехсот лет! А затем следует опустошение, которое произвели *христианские иконоборцы* во исполнение предписания Моисея относительно идолов, разрушив на Востоке все церкви, все статуи и уничтожив все картины.

Земля всюду покрыта пеплом, окровавленными руинами и трупами. Города разрушены, половина населения погибла, а остальное население становится рабами и вынуждено обрабатывать поля для варваров, завладевших теперь всем: людьми и землями, движимостью и стадами.

И все эти варварские народы, прежде сво-

бодные и равные между собою, имевшие демократические правительства и общие собрания, на которых вся нация составляла законы и решала свои дела, меняют все свои обычаи после завоевания: рассеянные по всей стране, они объединяются только против своих жертв и, разрозненные друг с другом, кончают тем, что остаются без собраний и предоставляют своим военачальникам полномочие выбирать королей. Эти короли, сперва выборные и почти безвластные, становятся наследственными, стремятся стать деспотами, как римские императоры, и, как они, заставляют называть себя богами или королями в силу божественного права или королями божьей милостью. Все остальные превращаются в аристократию, принцев, герцогов и пэров или равных королю — маркизов, баронов, графов, виконтов и сеньоров, составляющих лестницу рангов, подобно офицерам армии. Или, вернее, все эти жестокие и гнусные аристократы создают самую ужасную анархию, желая быть независимыми и хозяевами у себя, желая предписывать законы своим подданным, судить, чеканить монету и вести войну, запираясь в своих укрепленных замках, занимаясь только междоусобными войнами и грабежом и предоставив своим крепостным или рабам лишь трудиться и умирать в сражениях за них.

Науки и искусства исчезли. Почти все памятники Востока, Греции и Италии были

снесены или разрушены. Все ученые погибли, не оставив ни одного ученика; школы и библиотеки были уничтожены; в течение долгого времени франки для варки пищи жгут библиотеки Реймса и Галлии, а монахи употребляют их на обертки; в течение шести месяцев магометане топят свои бани новой Александрийской библиотекой; все греческие произведения погибли на Западе, даже пандекты Юстиниана; [14] некоторые сочинения Цицерона не существуют больше, как и многие другие произведения римских писателей; лишь немногим удается избежать гибели, но они долго остаются неизвестными * и бесполезными в пыли какой-нибудь церкви или монастыря, так как никто уже не понимает ни латинского, ни греческого, и только с трудом можно найти среди священников и монахов,— которые одни сохраняют искру знания,—епископа, способного читать что-нибудь кроме «Отче наш».

Науки и искусства, философия и религия, история и политика — все исчезло. Нет, быть может, никого на Западе, кто знает, что существовали Греция и Рим, республика и христианство, проповедывавшие равенство и братство.

Невежество и тупое легковерие, грубая сила и варварство, аристократия и крепостничество — вот что характеризует это вре-

* «О республике» Цицерона оставалась погребенной в Ватиканской библиотеке и была вновь найдена только в 1819 г.

мя. Для человечества и для равенства это холод, ночь и почти смерть.

Не казалось ли тогда восстановление равенства невозможным?

Но не отчаивайтесь! Следуйте за мной. И вы мне скажете затем, что провидение все же решило, что равенство должно восторжествовать.

Но я нахожусь в большом затруднении, потому, что многие из вас так же хорошо знают, как и я, то, что я хочу вам бегло изложить, тогда как многие не знают ничего, потому что не могли ознакомиться с этим. Каким же образом могу я сказать достаточно для одних, не говоря слишком много для других? И с чего начать? Однако, если вы будете терпеливы, я осмелюсь развернуть пред вами большое и великолепное зрелище. Попытаемся.

Посмотрите на Рим, освобожденный Константинополем, восстановленный, вновь населенный, затем восставший против своего освободителя, признанный независимым и свободным со своей маленькой территорией, называемой Церковным государством, или Патримонием [15] св. Петра, и республикански управляемой своим выборным епископом, в одно и то же время и светским и духовным государем. Разве это уже не есть начало возрождающегося равенства?

Посмотрите на этого римского епископа, избранного новым римским народом, который добивается того, что его называют

папой, преемником св. Петра, председателем апостолов Иисуса Христа, признают председателем и главой всех епископов, всех священников, всех монахов, всех церквей, всех христиан Запада, который упрочивается среди феодальной анархии, как выборный президент колоссальной религиозной республики, имеющей свои выборы, своих представителей, свои соборы, или съезды, свое правительство и свой совет.

Единственный просвещенный правитель, единственный человек, имеющий возможность постепенно просвещаться, лелеемый, ласкаемый, обогащаемый всеми королями за его влияние на побежденных и даже на победителей, единственный владетель немногих книг, избежавших уничтожения, знающий латинский язык и пользующийся неизмеримой выгодой пребывать в Риме, имеющий в своем совете больше образованных людей и правительственных традиций, чем все короли вместе взятые, отличающийся большей хитростью и даже коварством, большей стройностью, последовательностью и настойчивостью своей политики, чем любой из них,— он скоро предстанет перед вами как всемирный монарх, наподобие одного из первых римских императоров, как суверен и господин королей и народов.

И заметьте тут же, что в то время как все новые королевства и новые аристократии располагают в общем почти одними наследственными бездарностями и ничтоже-

ствами, христианская республика всюду выдвигает своих правителей по их достоинствам путем выборов, и вы знаете сами, что последний крестьянин, если он только учен, может стать епископом и папой. Поэтому мне нет надобности зачитывать перед вами весь длинный список людей из народа, достигших папства.

Разве это не является обширным источником равенства? Посмотрите на Востоке на истребителей Александрийской библиотеки, свирепых арабов, которые не хотели признавать никакой другой книги на земле, кроме смехотворного Корана. Став хозяевами Египта, Иудеи, или Палестины, Персии, части Индии и старых греческих республик Малой Азии, они воспринимают цивилизацию побежденных ими народов: они изучают язык, искусства и науки Греции, превращают Багдад в новые Афины, куда призваны ученые из Константинополя, переводят Аристотеля, распространяют арабский алфавит и арабские или, вернее, индийские цифры, которые будут приняты всем миром, распространяют также свои сочинения, переводы, свою архитектуру, рыцарство, свою галантность и турниры в Африке, Италии, Испании, откуда позже они передают их Франции и всему Западу. Разве это не поступательное движение к равенству?

Вот Карл Великий. Он восстанавливает Западную империю, заставляет папу короновать его императором в Риме, объединяет

и связывает вместе Францию, часть Испании, Италию и всю Германию, принуждает последнюю присоединиться к жизни и цивилизации Европы, распространяет христианство на Севере, восстанавливает народные собрания, призывает ученых, основывает школы и покровительствует наукам и искусствам, в то время как в Англии уже основывается Кембриджский университет и несколько позже великий Альфред покровительствует свободе, научным занятиям и философии. Разве это опять-таки не шаг к равенству?

Но вот Западная империя переходит под власть одного из германских государей, охватывая уже лишь Германию и Италию, перестает быть деспотией и становится конфедерацией государей или аристократических республик, которая составит свою писанную конституцию.

Вот Кресценций изгоняет папу из Рима и на время восстанавливает республику (998). Коммуны Италии добиваются независимости от германского императора (1050), и главные из них — Пиза, Лукка, Парма, Пьяченца, Флоренция, Венеция, Генуя, Милан — превращаются в республики.

Вот коммуны, которые освобождаются, с оружием в руках, с 951 г. или покупают свое освобождение во Франции (при Людовике Толстом в 1112 г.), Англии, Германии и позже в Испании.

Разве это освобождение коммун Европы

не является огромным шагом в направлении равенства?

Вот папа Григорий VII, сын тосканского плотника, провозглашает себя викарием Иисуса Христа, всемирным монархом, императором всего христианства, судьей и господином всех королей, всех народов и всех стран на земле, отнимает и дарит короны, империи и нации. Он могущественнее любого римского императора, и нет крестьянина, который не мог бы, подобно ему, стать королем королей.

Несомненно, папы будут злоупотреблять этой колоссальной концентрацией всех народов при всей ее пользе для человечества, но, принимая во внимание, что человечество еще слишком молодо для того, чтобы выйти из варварства, нельзя не признать, что это все же революция против идей неравенства в пользу равенства.

Вот потомки Вильгельма Завоевателя (Генрих I в 1101 г., Иоанн Безземельный в 1215 г.) дают Великую хартию английской аристократии, подготовляя таким образом допущение депутатов общин в британский парламент (в 1265 г. графом Лейстером, узурпатором, для получения от народа поддержки его узурпации), как освобождение общин в Испании подготовляет Великую испанскую хартию и допущение депутатов народа в кортесы в 1283 г., как освобождение коммун во Франции подготовляет учреждение Генеральных штатов и допущение депу-

татов третьего сословия (1301), когда Филипп Красивый нуждается в них, чтобы получить деньги на борьбу с папской властью.

Вот Крестовые походы (1095—1262), увлекающие в Палестину, или Иудею миллионы людей — аристократов и королей всех стран Европы, разоряющие и обессиливающие аристократию, развивающие промышленность и торговлю Италии с Востоком, смешивающие вместе все народы, ведущие их во взятый штурмом Константинополь (1204) и оставляющие их там на несколько лет, создающие даже французские королевства в Иерусалиме, Антиохии, на Кипре, переносящие искусства и науки от арабов и греков и множество их книг, в особенности Аристотеля. Они всюду несут веяние духа свободы и равенства.

Открытие экземпляра пандект Юстиниана, вновь найденного в 1135 г. в Амальфи, в Неаполитанском королевстве, порождает множество переводов, комментариев, школ, профессоров, писаний против папских узурпаций и класс легистов,[16] которые скоро пойдут как равные рядом с дворянством шпаги.

С 1143 г. Арнольд Брешианский начинает проповедывать реформу в Риме и на время устанавливает там республику. Казнь Арнольда не мешает его доктрине развиваться и восторжествовать впоследствии.

Изумительный гений, английский монах Рожер Бекон, восстанавливает с 1294 г.

царство, нападает на ошибки и предрассудки, указывает пути познания, изобретает порох, увеличительное и зажигательные стекла, суда и средства перевозки, приводимые в движение механической силой, тогда как другой Бекон, канцлер, начертит позже таблицу всех человеческих познаний, предложит ассоциацию или республику ученых всего мира и откроет новую дорогу разуму и прогрессу человечества.

Чтобы ослабить аристократию, Людовик X освободил крепостных своих доменов (1314) и принудил сеньоров разрешить своим крестьянам внести определенную плату за свое освобождение, признав тем самым, что, согласно естественному праву, каждый должен быть волен и свободен.

Изобретение пороха, начатое монахом Беконом и завершенное монахом Шварцом в Кельне (1340), и артиллерия, которой мавры начали пользоваться при осаде Алжезираса (1342) и англичане при Креси (1346), производят революцию в военном искусстве, сберегают кровь людей, которую они, казалось, должны были бы более щедро проливать, уничтожают неравенство физической силы, лишают феодальную аристократию рыцарского вооружения, которое ее отличало, делают укрепленные замки почти бесполезными и восстанавливают в этом отношении равенство как между городами, так и между армиями.

Три швейцарских кантона вступают в

1307 г. в федерацию, чтобы сбросить иго Австрии, и вся Швейцария, разделенная впоследствии (1514) на тринадцать кантонов, завоевывает вновь свою независимость и образует федеративную республику, объединяющую тринадцать маленьких республик, более или менее демократических, в большинстве которых царит более совершенное равенство, чем в былые времена в Греции и Риме.

Риенци может восстановить республику в Риме и во всей Италии только на время (1342), точно так же как венецианский дож — демократию в Венеции (1354), но эти попытки не потеряны для дела равенства.

И посмотрите, какое движение возникает во Франции! Генеральные штаты там отказывают в налогах (1355), провозглашают национальный суверенитет, диктуют закон королевской власти и почти устанавливают республику. Парижская буржуазия восстает под руководством Марселя, старшины купцов, который хочет организовать французскую республику. Вспомните гражданскую войну Жакерию, восстание крестьян против аристократии и пожары замков. Вспомните также восстание майотенов,[17] или парижских буржуа, против налогов.

Королевская власть и аристократия побеждают, потому что они более искусны и более дисциплинированы, но равенство все же гигантский шаг вперед.

Вскоре гражданская война вспыхивает во Франции; арманьяки и бургиньоны оспари-

вают друг у друга власть; первые призывают англичан в Париж, и герцог Бургундский, который хочет защищать столицу, подвергшуюся нападению предателей и иностранцев, организует банду убийц под названием кабошьены, [18] арестовывает и избивает в тюрьмах и всюду свыше трех с половиной тысяч противников, которых он обвиняет в заговоре и измене.

Англия также имеет свою Жакерию: налог на всех старше пятнадцати лет вызывает восстание (1381); пылкий священник проповедует народу равенство; [19] сто тысяч крестьян захватывают Лондон, убивают министра и сжигают его дворец. Аристократия скоро, при помощи сорока тысяч человек, сокрушает армию без дисциплины и без начальства, но идея равенства зародилась во всех умах.

Вскоре после этого (1399) оксфордский доктор Виклеф проповедует реформу церкви, учение Иисуса Христа и равенство; его многочисленных сторонников, называемых лоллардами, преследуют и сжигают, но энтузиазм мучеников распространяет любовь к равенству.

Обратите внимание на другое движение, тоже весьма обширное, хотя и другого рода, на Констанцский собор, созванный в 1414 г. чтобы реформировать христианство.

На нем собрались огромное число кардиналов, прелатов и докторов, свыше ста суверенных государей Германии с императором

во главе; двадцать семь королевских посланников; бесчисленные депутаты из почти всех религиозных обществ Европы.

Этот конгресс, эта европейская Конституанта, объявляет себя суверенной, низлагает трех пап, выбирает нового папу и расходится только после того, как получает от него обещание, что он приготовит проект конституции и созовет через пять лет новый собор, чтобы представить ему свой проект, и затем будет регулярно созывать собор через каждые десять лет.

Папы были настолько вероломны, что нарушили это обещание, но всё же все продолжали думать о реформе.

Собор осуждает на сожжение как еретиков двух реформаторов: Яна Гуса, ректора пражского университета, и Иоанна Пражского, его ученика. Гуситы истребляются после двадцати лет войны, но их героическое самоотвержение продолжает еще возбуждать умы.

Базельский собор (1430) приносит только три реформы, после чего он низлагает как клятвопреступника и еретика папу (Евгения IV), который, в свою очередь, отлучает членов собора как глупцов, сумасшедших, бешеных, диких животных и нового папу (Филиппа V) — как Цербера, золотого тельца, Магомета, антихриста. Но все эти оскорбления, все эти клятвопреступления, все эти отлучения и низложения обеспечивают торжество реформы и равенства.

Быстро следуют одно за другим события,

подготовляющие это торжество: изобретение книгопечатания в Страсбурге (1437), взятие Константинополя (1453), царствование Людовика XI (1464), открытие мыса Доброй Надежды (1486), открытие Америки (1492) и Реформация (1517).

Книгопечатание, которое вскоре повлечет за собой замену латинского языка французским и появление газет, вызвало опубликование для всех народов и почти всех людей литературных произведений Греции и Рима в области наук и искусств, истории и политики, морали и права, философии и религии. Даже Библия, неизвестная народу, была наконец напечатана, переведена и стала всем доступна. Это было равносильно созданию миллиона учителей и миллиона школ. Это было рождение литературной республики, более обширной, чем все другие республики или монархии, охватывающей и объединяющей всех ученых земли. Это был как бы голос, слышный всему миру. Это было создание впервые общественного мнения, народного, всеобщего. Какое орудие для разума и истины, которая всегда рано или поздно кончает тем, что торжествует!

Константинополь был взят турками, или магометанами. Все греческие ученые спасаются в Италию. Они приносят туда все, еще неизвестные, греческие и латинские произведения историков, философов и политиков, Пифагора, Платона, Аристотеля. Книгопечатание размножит эти книги на греческом,

латинском и всех современных языках. Перекочевавшие ученые открывают школы и преподают древние языки. Возрождается Греция или, вернее, душа ее появляется вместо нее, чтобы просвещать и толкать вперед Запад и весь мир.

Все с большим удивлением узнают, что божественное право аристократии есть не больше как недавно придуманная ложь, что Аристотель мог собрать двести пятьдесят республиканских конституций и наибольшая часть человечества в древние времена была республиканской и демократической.

Взвесьте, если можете, все доводы в пользу равенства.

Скажу вам только несколько слов о Людовике XI. Он сразил аристократию и феодализм, покровительствовал торговле и промышленности, основал почту, учредил орден св. Михаила, чтобы награждать за гражданские заслуги, т. е. плебеев (ибо аристократы признают только военное дело, презирают учение и остаются невежественными, как и варвары), возвысив таким образом простолюдинов до уровня дворян, между тем как Генеральные штаты во время несовершеннолетия Карла VIII снова провозглашают принцип национального суверенитета, а Людовик XII получает прозвище короля простолюдинов и отца народа.

Говорить ли вам о компасе, изобретенном в 1200 г. или принесенном из Китая и усовершенствованном в 1301 г., компасе, который

сделал возможным длительные и далекие морские путешествия и подготовил важнейшие события, а именно открытие морского пути в Индию, мимо мыса Доброй Надежды?

Вы предвидите, конечно, все результаты открытия этого морского пути, который приведет европейцев в Индию, Японию и Китай, ознакомит с древней и новой азиатской цивилизацией, смешает колонии португальские, испанские, итальянские, французские, английские и голландские и даст судоходству, промышленности, торговле, наукам, искусствам, философии и политике новый толчок, который продвинет человечество к равенству.

И, однако, это еще почти ничто в сравнении с открытием Нового мира — Америки, где находят древнюю и обширную империю (Перу), четыреста лет назад установившую у себя общность имущества. Английские пуритане, квакеры и моравские братья установят ее в Пенсильвании, а иезуиты в Парагвае. Зародыши свободы и равенства, попав туда из Европы, будут развиваться там на просторе и возвратят старому миру великую и мощную демократию.

И все это очень мало в сравнении с Реформацией.

Поэтому, несмотря на все огромное значение, которое имела федерация свободных городов или небольших республик Швабии,[20] я обхожу их молчанием, потому что самые

блестящие звезды исчезают, затмеваемые солнцем Реформации.

Реформация! Какое великое дело! Прекращение всех злоупотреблений, закравшихся в церковь, и жестокостей духовенства и папства. Реформа в великой христианской республике, ставшей универсальной монархией. Разбор прав христианского народа и авторитета первосвященника, выдающего себя за наместника Иисуса Христа и суверена королей.

И эту реформу, которую тщетно требовали уже народы, духовенство и соборы, вновь требует неизвестный монах Лютер, и к нему скоро приходит на помощь другой священник Цвингли, в Швейцарии, и третий, Кальвин, в Женеве. Именно эти три карлика нападают на папский колосс, на короля королей, на полубога и наместника бога.

Но книгопечатание разносит их голоса по всей Европе, но разум уже значительно окреп и может понять истину, но пигмеи атакуют гиганта, опираясь на Библию, на слова и учение самого Иисуса Христа, взывая к правам человека и христианина, к равенству и братству. Они нападают на него перед судом всей Европы в интересах религии, народов и королей.

Хотя и сильно заинтересованные в свержении папского ига, короли и аристократы понимают, однако, очень ясно, что религиозная реформа неизбежно влечет за собою политическую реформу и что равенство одинаково

угрожает папству, королевской власти и аристократии. Они отвергают реформу, чтобы сохранить свои короны, и предпочитают иго пап свободе народов, надеясь, впрочем, впоследствии сами освободиться от ига пап. И все христианство делится на две партии, или на два лагеря: один, включающий папу и прелатов, императора и почти всех королей, другой — низшее духовенство, мелких государей, несколько благородных сеньоров и много народов; один, включающий протестантов, или реформистов, революционеров, республиканцев, или демократию, другой — католиков, или папистов, консерваторов, монархистов, или аристократов.

Это борьба демократии против аристократии, республики и равенства — против монархии и деспотизма.

И процесс ведется во всех странах Европы. Он ведется в проповедях, памфлетах, на соборах, конгрессах и на полях сражения.

Это величайший процесс, величайший суд, величайший спор из всех, какие когда-либо наблюдались.

Это новое явление Иисуса Христа на более обширном театре, с его учением о братстве и равенстве, и с более значительными средствами для ведения пропаганды.

Поводом служат деньги, продажа папой разрешений совершать преступления и особый папский налог.

И после ста пятидесяти лет споров, переговоров и кровавых боев в Германии и

Франции, после ужасных казней и героических мученичеств, Реформация кончит победой.

Ибо хотя Генрих VIII стремится занять место папы, хотя он пытается остановить Реформацию, он все же служит ей и одушевляет ее, закрывая все монастыри, захватывая их имущество, разоблачая все плутовство и безнравственность монахов, созывая собор духовенства, который составляет религиозный устав и постановляет перевести и напечатать Библию. Позже Англия принимает полулиберальный полупротестантизм, который она распространяет в своих колониях, т. е. во всей Северной Америке и в большей части земного шара, тогда как во Франции Нантский эдикт, изданный Генрихом IV, гарантирует протестантам свободу совести и вероисповедания, а в Германии знаменитый Вестфальский мир устанавливает и гарантирует религиозную веротерпимость и равенство религий. Половина Германии и Швейцарии, Бельгия и Голландия, почти весь Север, несколько миллионов французов, одним словом — большая часть человечества присоединяется к реформе.

И реформа, распространяющая на все вопросы и все учреждения дух исследования, усовершенствования и обновления, независимости и свободы, равенства и республики, подготовляет реформу философскую и политическую, универсальную и радикальную и торжество равенства.

Взгляните теперь на события, которые, следуя одно за другим, ведут к осуществлению равенства.

1517. — Лютер начинает атаку; Цвингли его поддерживает, Кальвин также.

1519. — Карл V, избранный германским императором, атакует также папу, подвергает Рим разграблению и, таким образом, против своей воли благоприятствует Реформации, между тем как в Женеве устанавливается республика.

1523. — Швабские и франконские крестьяне поднимаются на призыв Лютера и Мюнцера.

1526. — Другие крестьяне следуют за ними под предводительством Иоанна Лейденского, который проповедует равенство имущества, принятое также анабаптистами и моравскими братьями. Вся Германия восстает за дело реформы.

1529.— Сейм в Спире осуждает реформу.

1530. — Так как реформисты протестовали (отсюда название протестантов) и представили свое исповедание веры, то Аугсбургский сейм разрешает им исповедывать свою веру.

1531. — Сервет, идя дальше Лютера и всех других, отрицает божественность Иисуса Христа и подвергает исследованию истинный характер всех религий.

1532. — Франциск I борется против реформы, но он невольно служит ей, основывая в Париже институт для публичных лекций

(Collége de France) и королевскую типографию, предписывая употребление французского языка в официальных актах и покровительствуя ученым. Эти заслуги дают право называть его возродителем литературы.

1552. — Мирный договор в Пассау гарантирует реформу.

1540. — Иезуиты основывают общества для защиты папства против реформы, но они невольно служат ей, организуя республику, которая будет проповедывать доктрину тираноубийства и неустанно стремиться унизить королей и аристократию.

1559. — Огненная палата,[21] созданная с целью подавления реформы во Франции, постановляет повесить и сжечь как протестанта президента парламента (Анн Дюбур). Преследуемые таким образом, французские протестанты, состоящие главным образом из дворян и буржуа, устраивают заговор с целью схватить короля и его двор в Амбуазе. Тысяча двести человек перебиты или казнены, тысячи повсюду перерезаны, но движение к демократии началось, и протестанты, которые долго защищают свои права с оружием в руках, получают наконец свободу совести.

В то же самое время католический король Испании притесняет Фландрию и Голландию, но сами сеньоры организуют заговор и соединяются под народным названием гезов, и семь провинций, объявивших себя независимыми, образуют федеративную республику.

1572. — Сто тысяч протестантов подвергаются избиению во Франции в день св. Варфоломея по приказу Карла IX, в согласии с испанским королем. Папа предписывает организовать процессию в Риме, парламент устраивает процессию в Париже. Но это избиение вызывает ужас Европы. и протестанты, мужественно защищающиеся в Ла Рошели, готовятся провозгласить там республику и добиваются нового эдикта умиротворения.

1588. — Католическая лига, в свою очередь, восстает против Генриха III, которого она считает недостаточно нетерпимым, возводит баррикады, изгоняет его из Парижа, проповедует, что Библия разрешает тираноубийства, и организует убийство его в Сен-Клу.

1600. — Генрих IV в Нантском эдикте провозглашает религиозную свободу и наносит сокрушительный удар аристократии, организующей заговор с целью установить аристократическую республику. Он также падает под ударом кинжала агента иезуитов, а в том же году английские аристократы-католики и те же иезуиты организуют пороховой заговор против протестантского короля Якова I.

1610. — Сорбонна осуждает доктрину цареубийства, исповедуемую и осуществляемую иезуитами, но генерал иезуитов публично протестует против этого постановления.

Немного спустя иезуиты захватывают монополию преподавания, внушают своим учени-

кам восхищение греческими и римскими республиканцами, Муциями Сцеволами и Брутами и публично исповедуют доктрину цареубийства, которую они снова применят против Людовика XV.

1624. — Ришелье заканчивает сокрушение аристократии и основывает Французскую академию.

1647. — Фронда восстает против Мазарини, снова воздвигает баррикады, изгоняет молодого Людовика XIV и его министра, говорит опять много о республике и распространяет во Франции дух критики и оппозиции. А неаполитанцы в это время восстают и заменяют своего короля рыбаком Мазаньелло.

И в то же самое время (1648) Вестфальский мир провозглашает окончательное торжество реформы, признает республики Швейцарскую и Батавскую и окончательно превращает Германию в федерацию свободных городов и государей, избирающих своего главу.

И смотрите, как события последуют одно за другим и ускорят прогресс демократии!

1649. — Вот один из могущественных королей, Карл I, который сложил свою голову на эшафоте. Вот Англия, дающая миру пример великой современной нации, торжественно судит и осуждает своего короля, отменяет звание короля, провозглашает республику и достигает благодаря этому в десять лет высшей ступени могущества.

В Англии создаются секты не только пуритан, которые хотят учредить республику на основе морали Иисуса Христа во всей ее чистоте, но также и многочисленная секта уравнителей (левеллеров), которые требуют абсолютного равенства в имуществе и во всем. Какое несчастье, что Кромвель не был Икаром или Вашингтоном!

1660. — Вот другая страна, Дания, дающая своему королю абсолютную власть с тем, чтобы он сокрушил аристократию,— столь ненавистны ей аристократы и столь велика ее страсть к равенству.

1661. — Посмотрите, как деспот Людовик XIV служит против своей воли делу равенства. Его честолюбие заставляет королей Европы, ополчившихся против него, чтобы помешать его честолюбивым войнам, требовать как условия мира восстановления и регулярного созыва Генеральных штатов, упраздненных с 1614 г. Его гордость благоприятствует расцвету литературы и республики ученых (возникшей вместе с реформой при Франциске I и расширенной кардиналом Ришелье), в которой простолюдины идут рядом с аристократами или обгоняют их. Отмена Нантского эдикта, вследствие которой свыше миллиона протестантов покидают Францию и распространяют по всей Европе свою промышленность и республиканский дух, способствует также прогрессу европейской демократии. А Кольбер дает ему мощный толчок, развивая торговлю и промышленность, ожив-

ляя науки и искусства, прокладывая дороги и каналы, учреждая мануфактуры и школы, основывая обсерватории, военную школу в Метце, военные школы в Бресте и Тулоне, школу живописи в Риме, кафедру государственного права, множество памятников и Академию наук, которая будет служить центром для всех ученых и образцом для таких же академий почти во всех европейских странах.

1688. — Вспомните еще изгнанного короля, католика и притеснителя Якова II! Припомните также английскую аристократию, объединившуюся в национальном конвенте и действующую от имени народа, дающую снова пример великой нации, наказывающей короля, который посягнул на права нации. Во имя этих-то прав аристократы свергают короля, но тем самым они учат народ, как свергнуть аристократию, и поощряют его, назвав эту революцию славной.

1695. — Вскоре Англия провозглашает также свободу печати, и Франция, следуя ее примеру, требует и добивается ее.

Правда, во Франции Людовик XIV, последовавшее за ним регентство, Людовик XV, аристократия и католическое духовенство еще отличаются нетерпимостью, жестокостью, распущенностью, развратом и деспотизмом, но сопротивление, оппозиция, критика и революционный дух замечаются всюду, и крики ужаса раздаются со всех сторон, когда молодой дворянин де-Лабарр, обвиненный в оскорблении креста на Аббевильском мосту и

осужденный на смерть, подвергается жестокой казни: пять палачей отрубают ему кисть, вырывают у него щипцами язык, пытают его всяческими пытками и в заключение сжигают на медленном огне.

И общее желание политической реформы уже до такой степени настойчиво (1774), что Людовик XVI, руководимый Тюрго и Мальзербом, сознает необходимость уступить ему и начинает с отмены барщины. Но одна за другой разражаются две революции, которые потрясли мир и поставили вопрос о равенстве.

Какие события! Какое зрелище!

Но вернемся немного назад.

Со времени изобретения книгопечатания, взятия Константинополя, открытия Америки и Реформации, философия и ее сестра политика сделали огромные успехи. В Англии Франции, Италии, Германии, Бельгии, Голландии философы все исследовали, все обсудили. Руководимая древней философией Греции и Рима новая философия скоро догнала и перегнала свою предшественницу. Она признала, установила, провозгласила права нации и человека, независимость и равенство, и тысячи сочинений, в первую очередь Энциклопедия (опубликованная в 1759 г.) и республиканский театр Корнеля, Кребильона и Вольтера популяризировали эту философию.

Но хотя и обсуждавшиеся и признававшиеся иногда в аристократических парламентах Англии и Франции права человека были все еще только теорией. И вот два из главных

народов мира собираются осуществить их на практике и показать пример другим народам.

Удвойте поэтому ваше внимание.

Вот английская аристократия, так ревниво относившаяся к своим королям, начинает притеснять свои американские колонии и обращается с их населением, как с рабами, требуя от них налогов, на которые они не дали согласия. Но одна из них оказывает сопротивление, и двенадцать других солидаризируются с ней и встают на защиту своих общих прав.

Вскоре представители тринадцати колоний обсуждают, решают и провозглашают, что каждая из них равна по своим правам Англии.

И тринадцать колоний повторяют это.

И посланник их Франклин повторяет это торжественно перед британским парламентом.

И среди аристократии несколько благородных представителей ее повторяют это.

И пресса Европы, со вниманием прислушивающаяся к происходящему, повторяет это.

И когда притеснители упорно продолжают свою политику, тринадцать колоний провозглашают свою независимость, защищают свои права в манифесте (составленном Франклином, Джефферсоном и Адамсом), с которым они обращаются ко всему человечеству, организуются в союзные и федеративные республики и показывают миру столь же величественное, сколь и новое зрелище тринадца-

ти больших республик, почти таких же обширных в совокупности, как и вся Европа. Каждая из них имеет конституцию, основанную на правах человека, на демократии и равенстве.

И когда английская аристократия обращается к силе оружия, европейские народы выражают одобрение Америке и воодушевляют ее своими пожеланиями, короли Франции и Испании, точно увлекаемые роком, поддерживают революцию и демократию. [22]

И демократия торжествует.

И, к счастью, Вашингтон не был ни Кромвелем, ни Наполеоном, а почти Икаром.

И английская аристократия вынуждена признать революцию, независимость и республику.

И все короли Европы признают равенство между народами, равенство между гражданами, между людьми.

И вскоре равенство принесет этим тринадцати республикам беспримерное процветание.

И вскоре одиннадцать других подобных республик присоединятся к конфедерации.

И вскоре за ними все испанские и португальские колонии объявят себя независимыми.

И вся Америка станет республиканской, образуя более обширную республику, чем все греческие, карфагенские и римские республики, вместе взятые.

И республика Соединенных Штатов будет становиться все более демократической,

И защищаемая двумя тысячами лье океана с его бурями американская демократия может не бояться всех королей и всех аристократий Европы, применить у себя все открытия и изобретения, пароходы и железные дороги, производить всякие опыты и провести все улучшения и реформы, чтобы затем передать их всему миру.

Противники равенства и общности имущества, обдумайте, взвесьте все возможности для равенства в Европе и скажите мне, разве не верно, что демократия хлынула потоком.

И что скажете вы, когда увидите, как французская революция уничтожила королевскую власть и дворянство, как она сражалась против всех европейских аристократий, создавших против нее коалицию, как она победила их и водрузила среди Европы знамя торжествующей демократии.

Но я должен немного передохнуть, чтобы последовать за ней в ее беге: поэтому — до завтра!

И вы не можете представить себе то глубокое впечатление, какое эта картина стольких поразительных событий произвела на удивленных и возбужденных слушателей.

Глава десятая

ПРОГРЕСС ДЕМОКРАТИИ И РАВЕНСТВА

(Продолжение)

Вчера я дал вам обзор сотни революций, Реформации, английских революций 1649 и 1688 гг. и американской революции.

Я не говорю вам о нашей икарийской революции 1782 г., дочери этой прекрасной американской революции; без хвастовства, я могу назвать ее еще более прекрасной, чем ее мать. Какое влияние могла бы она оказать на остальной мир, если бы наша Икария находилась в центре Европы!

Но представьте себе, в каком состоянии волнения и возбуждения должна была находиться Франция после американской революции, которую она вдохновила, разожгла и почти совершила.

И разве Людовик XVI не был увлечен каким-то роком, когда безрассудно подражал английской аристократии, против которой он боролся, и когда говорил точно султан, требуя новых налогов. Разве дворянство, нотабли и парламент [23] не были увлечены тем же

роком, когда они первые отказали ему в финансовой помощи, в то время как парламентская аристократия выступила против королевского и министерского деспотизма, ссылаясь на суверенитет нации, и требовала созыва Генеральных штатов, упраздненных сто семьдесят пять лет назад.

Королевская власть вынуждена уступить. И так как революция у всех на уме, то можно сказать, что революция свершилась.

Созваны избиратели: шесть миллионов! Составлены наказы: они требуют реформ, конституции и равенства.

Избраны депутаты: тысяча двести, из которых триста от дворянства, триста от духовенства, шестьсот от третьего сословия, лучшие представители страны.

Национальное представительство — можно сказать, вся нация — собралось.

Тотчас же вспыхивает борьба между аристократией, которая требует разделения на три палаты и голосования по сословиям, и демократией, требующей соединения в одно собрание и поголовного голосования, или равенства голосования.

Я не буду рассказывать вам о страхе, испытанном королевской властью, о ее приказе разойтись, о закрытии зала, где собрались народные депутаты, об их мужественном сопротивлении, их торжественной присяге исполнить поручение народа, о применении вооруженной силы против народных представителей, переходе солдат на их сторону, о

достопамятном взятии Бастилии и капитуляции королевской власти. Я быстро перехожу к собранию, признанному единым, национальным, суверенным, к Учредительному собранию.

Европа все видит, все слышит, все знает! Смотрите теперь, смотрите!

В одну ночь (4 августа) Учредительное собрание, возбужденное и вдохновленное просветительной философией XVIII в., заканчивая дело Реформации, провозглашает права человека, т. е. всех людей, всех народов, всего человечества, и главное из этих прав — равенство. Оно отменяет все, что осталось от феодализма, дворянскую и духовную аристократию, все привилегии и все монополии.

И сила разума и справедливости настолько неотразима, что бóльшая часть аристократии приносит сама, с энтузиазмом, в жертву свои интересы на алтарь равенства.

Затем в продолжение трех лет Учредительное собрание (и, заметьте хорошенько, это не только несколько философов в их уединении, а собрание тысячи двухсот лучших людей, представляющих страну) исследует и торжественно обсуждает все злоупотребления, которые должны быть исправлены, и все улучшения, которые следует ввести, т. е. почти все вопросы нравственности, философии, религии, общественного и политического строя.

Две партии ведут там борьбу: аристократия, которая собирается в клубе, или обществе фельянов, последователей английской

школы, требующей неравенства, двух палат, сильной королевской власти и минимума изменений, и демократия, которая собирается в клубе кордельеров, или орлеанистов, вскоре вливающемся в клуб якобинцев, называемых анархистами, потому что они следуют за французской школой, или философами, и требуют нововведений, единой законодательной палаты, ограниченной королевской власти и политического равенства.

Демократия побеждает огромным большинством. Она низвергает, разрушает, выметает, затем восстанавливает, перестраивает и составляет конституцию 1791 г.

Она формально не устанавливает республики, но королевская власть, которую она организует, с одной только палатой, есть республиканская и демократическая королевская власть, есть подлинная республика.

Она не уничтожает собственности и не вводит ни общности имущества, ни аграрного закона, ни равенства состояний, она создает лишь равенство в наследовании и равенство воспитания, источник всех равенств, и все эти учреждения ведут к уменьшению неравенства состояний, как и всех других неравенств.

Она делит территорию на восемьдесят три почти равных департамента.

Она провозглашает веротерпимость, свободу и равенство религий и культов и дает евреям права человека и права гражданина.

Я не буду доискиваться, могло ли бы собрание, насчитывавшее столько старых аристо-

кратов, имея пред собой поколение, воспитанное при старом режиме, сделать больше, все сразу, внезапно и без постепенных переходов. Я только констатирую поразительный факт, что оно совершает неизмеримо много, гораздо больше, чем Англия в 1688 г., больше, чем Америка в 1776 г., бесконечно больше, чем это считали возможным за несколько лет перед тем самые революционные философы. Я в особенности констатирую, что оно провозглашает и безвозвратно завоевывает для человечества принцип абсолютного равенства прав, принцип в высшей степени плодотворный, из которого будущие собрания и поколения сумеют сделать все выводы.

И, повторяю, Европа все видит, все слышит, все знает!

И эта конституция послужит образцом для многочисленных новых конституций, принятых другими народами.

Это крепость, из которой демократия и человечество смогут совершить новые завоевания, но из которой аристократия уже никогда не сможет вытеснить их окончательно.

Но французская аристократия (какое преступление и какое несчастье!) прибегает к насилию, эмигрирует, вербует военные отряды на границе, призывает на помощь все аристократии и всех королей Европы, поносит, оскорбляет и грозит раздавить революцию.

И все аристократии Европы, с английской аристократией во главе, составляют коалицию и решают объявить войну Франции, войну

новую, войну неравенства против равенства, застоя против прогресса, силы против разума и справедливости, интересов немногих против интересов всего человечества.

Прежде чем объявить войну, коалиция истощает весь арсенал Маккиавели, клевету и ложные слухи, раздоры и коррупцию, интриги и заговоры, гражданскую войну и предательство.

Но опасность, воодушевляя народ и Законодательное собрание (которое заняло место Учредительного), толкает их еще больше на сторону республики, демократии, равенства.

Какое прекрасное зрелище представляет Франция, или Национальное представительство, когда перед лицом войны и всех королей Европы она дает звание французских граждан Шиллеру и всем иностранным философам, защитникам свободы и равенства, когда она обсуждает план общественного воспитания, который должен дать ближайшему поколению радикальное равенство, когда она провозглашает, что нация никогда не будет вести завоевательных войн.

И дух демократии настолько всеобъемлющ и повелителен, что принц, домогающийся народного расположения,[24] в поисках популярности, не находит ничего лучшего, как назвать себя «Равенство», считая, что он приносит честь своей матери, называя себя сыном ее кучера, как Александр думал почтить свою мать, называя себя сыном Юпитера.

Я не буду рассказывать вам о вторжении иностранцев, злосчастных предательствах королевской власти, об опасности, надвинувшейся на революцию, о народном восстании, штурме дворца (10 августа), об аресте короля, избиении заговорщиков до отправления в поход (как в старое время герцог Бургундский распорядился перебить арманьяков,[25] прежде чем направиться против англичан, угрожавших Парижу), о бегстве наступавшей коалиции и новых выборах, которые послали в качестве представителей наиболее популярных людей и поручили им судить Людовика XVI, спасти революцию и восстановить равенство, дав ему новую силу.

Вот Конвент, облеченный новыми полномочиями народа и его суверенитетом.

И события от 1789 до 1792 г., открыв для народа обширный практический курс демократии, настолько ускорили его политическое воспитание, что республика, едва названная в 1789 г. и расстрелянная в 1791 г., единогласно провозглашается Конвентом уже с первого заседания, 21 сентября 1792 г.

Я не хочу сейчас судить о справедливости или несправедливости его действий, ибо мог ли Конвент не делать ошибок, когда он состоял из людей, развращенных, подобно королям и аристократии, ненавистным общественным строем, который он хотел реформировать. Я хочу только констатировать факты, постепенное и быстрое развитие демократии и равенства. Я продолжаю.

Французская демократия принимает войну против коалиции всех европейских аристократий, и дух равенства настолько свойственен человеку и настолько распространен в мире философией XVIII в., что Франция считает возможным рассчитывать на симпатии народов.

Она провозглашает равенство и братство народов, призывает их к борьбе за свободу, находит всюду отклик и друзей, разделяет, одной только силой своего голоса, каждую страну на два лагеря — демократов и аристократов — и начинает свою войну пропаганды, войну не на жизнь, а на смерть, против королей и аристократов, швырнув им голову своего короля, торжественно судимого и объявленного клятвопреступником и изменником и осуждение которого утверждает семь восьмых всего населения.

Не буду останавливаться, чтобы выразить сожаление по поводу судьбы несчастного Людовика XVI, который мог бы быть так счастлив, составляя счастье Франции, если бы он следовал советам Тюрго. Его постигла судьба Карла I, после того как, подобно Карлу I, он навлек ужасные бедствия на свое отечество. Оба они жертвы, как и их народы, ужасных пороков общественного строя их стран.

Но присмотритесь к гигантскому росту общественного сознания. Каждый год с тех пор годовщина этой ужасной жертвы будет праздноваться как день торжества всеми должностными лицами, армиями и гражданами, ко-

торые будут клясться в ненависти к королевской власти.

Не обвиняйте целую нацию в жестокости и кровожадности. Признайте скорее, что без гнева против человека, почти равнодушная к судьбе одного виновного, когда столько катастроф угрожают двадцати пяти миллионам невиновных, считая уже мертвым короля, лишенного трона, и полагая себя вынужденной лишить его трона, чтобы не погибнуть самой, эта нация хочет послать проклятие прошлому, гибельный строй которого осуждает ее на такие бедствия.

Можно ли сомневаться еще, что равенство пустило прочные корни в душе французского народа?

Вскоре после этого Конвент вырабатывает новую конституцию, свою конституцию 1793 г., более демократическую, чем древняя конституция Афин или какая-либо другая конституция на земле, за исключением конституции Икарии.

Но Конвент приостанавливает ее введение до заключения мира, в интересах самой же демократии, и временно заменяет соответствующий ей образ правления диктаторским и революционным правительством с Комитетом общественного спасения во главе, одно название которого указывает на всю серьезность опасности, грозящей существованию отечества.

В продолжение этой страшной диктатуры или, скорее, этой войны, самой опасной из

всех войн, Конвент, который может спасти Францию только преданностью народа, доводит демократию до последних пределов возбуждения и энтузиазма.

Конвент не отменяет собственности, чтобы заменить ее общностью, и не издает даже аграрного закона. Но посмотрите, как он приближается к нему! Конвент объявляет национальными беспредельные земельные владения духовенства. Он конфискует все имущество эмигрантов и заговорщиков. Он отменяет все феодальные оброки и все сеньориальные повинности крестьян, возвращает коммунам все земли, захваченные сеньорами. Он устанавливает право незаконных детей разделить отцовское и материнское наследство с законными детьми, продает национальные имущества и дробит их, чтобы увеличить число покупателей и собственников; он обещает миллиард защитникам отечества; он хочет, одним словом, уничтожить богатство и нищету.

С одной стороны, народ — избиратель, судья, член национальной гвардии и носитель оружия; он ежедневно собирается на своих народных собраниях; он заполняет все судебные и гражданские должности, все профессии.

А с другой стороны, все граждане — солдаты и выбирают своих офицеров; все классы, прежде разрозненные, сливаются в армии, могут добиваться всех степеней в зависимости от своих способностей и своего му-

жества. Мы увидим барабанщика, ставшего генералом, и в течение этой долгой войны свыше ста тысяч простолюдинов, заменивших графов, маркизов и герцогов, станут офицерами всех рангов и генералами.

Наконец, Конвент, толкаемый событиями гораздо дальше, чем Учредительное и Законодательное собрания, которые, впрочем, уже хорошо расчистили ему путь, заканчивает дело разрушения и свержения старого режима, изменяет и революционизирует все, уравнивает и нивелирует все, централизует и приводит все к единству, обновляет все, даже общество, даже религию, и основывает равенство воспитания, чтобы приблизиться к действительному равенству.

Он вводит курс моральных и политических наук в Национальном институте, чтобы неустанно подготовлять новые демократические улучшения. Он устанавливает единство мер и весов, новый календарь, телеграф, основывает политехническую школу, бюро по определению географических долгот, консерваторию, школу восточных языков и т. д.

Никогда еще ни у одного народа не видели большего энтузиазма, большей патриотической преданности и большего желания осуществить все идеи справедливости, братства и создать лучший общественный строй. И если бы богатые были согласны с другими или если бы Конвент был единодушен

в требовании равенства, он установил бы общность!

К несчастью, известная часть аристократов и богатых вступает в коалицию королей против революции, многие родственники или друзья эмигрантов мешают спасению отечества, посылая им помощь, гражданская война удесятеряет опасность внешней войны, и Конвент приходит к ужасной необходимости принять для самозащиты систему террора против контрреволюционеров, эмигрантов, их родственников и друзей, заговорщиков и инсургентов.

И, опять-таки к несчастью, в то время как народ хочет равенства, многие богатые хотят сохранить свои богатства, буржуа и бедные хотят использовать революцию, чтобы обогатиться, и сам Конвент делится на три партии: на народную демократию (или монтаньяров), которая хочет прогресса и действительного равенства; буржуазную демократию (или жирондистов), которая хочет сопротивляться, останавливается на полуравенстве и соединяется с аристократией, становясь ее послушным орудием; аристократию, которая, хотя она и немногочисленна, все же надеется произвести контрреволюцию при помощи своих богатств, раздоров и при содействии иностранцев.

Как бы ни были плачевны эти раздоры, мы не можем удивляться, что старый общественный строй породил честолюбивых, скупых и жадных людей. Как бы ни был пла-

чевен этот факт, но одна часть Конвента безусловно отвергает действительное равенство, тогда как другая часть безусловно стремится установить его.

Это, следовательно, социальная война, со всеми ее случайностями и риском.

Жирондисты, или буржуазные демократы, были первые раздавлены монтаньярами, или народной демократией, затем часть последних (эбертисты и дантонисты) — другой фракцией (робеспьеристами); эти, в свою очередь, были разгромлены (9 термидора второго года, или 27 июля 1794 г.) их объединившимися противниками, буржуазной демократией и аристократией, которые стараются заклеймить их память и заменяют террор против роялистов новым террором, не менее кровавым, против демократии.

И во время этой ужасной реакции английская аристократия, с Питтом во главе в палате лордов и Борком в палате общин, с воплями требуют разгрома революции и французской демократии.

Не думайте, что я одобряю один террор больше, чем другой. Чуждый всем этим насилиям, отделенный от них сорока годами, почти двумя тысячами лье, свободный от всякой ненависти и пристрастия, оценивая Французскую революцию так же, как Римскую революцию, смотря на нее с высоты истории и философии, воспитанный в школе Икара, считавшего славою и счастьем осуществление своей радикальной реформы без

кровопролития, приученный нашим воспитанием любить всех людей, я жалел Людовика XVI, аристократов, эмигрантов и контрреволюционеров, жертв демократии, как я жалею демократов и народ, жертв аристократии; я жалел их и оплакиваю их бедствия, потому что все они — жертвы пороков общественного и политического строя, одинаково их угнетающего со дня их рождения. Я отвергаю месть, даже оправдываемую обстоятельствами, как поступок безрассудный, часто несправедливый и гибельный, почти всегда вредный и всегда недостойный человека. Я отвергаю ее даже в интересах народа и демократии. Я отвергаю насилие как преступление, когда оно не является необходимостью, и опасаюсь его как несчастья для того, кто к нему прибегает, даже в случае самой настоятельной необходимости. Я отвергаю слепых и безумных друзей, компрометирующих дело, и чувствую омерзение к жестоким и вероломным, позорящим его своими насилиями, если только эксцессы нескольких индивидов могут позорить народ и самое справедливое дело.

Но вы не ждете также, что я стану осуждать отдельных лиц и разбирать мелкие факты или буду осуждать целиком демократию, Конвент и его страшную диктатуру. Как бы ни были мы уже далеки от сцены, если мы все же еще слишком близки к ней, чтобы правильно судить о ней, перенесемся на сто лет вперед или перенесем сцену на сто

лет назад; поднимемся на вершину истории и вооружимся беспристрастием философии. Будем оценивать события как взрослые люди, а не как дети, как незаинтересованные зрители, а не как озлобленные женщины или старцы, которые всегда видят позади себя призраки ужасов; будем судить мужественно и добросовестно, а не как трусливые друзья, боящиеся сказать неприятную правду, или как коварные враги, готовые клеветать.

Так вот, скажите, разве эпоха от 1792 до 1795 г. не есть эпоха войны, и самой опасной из войн, эпоха бурь и самых страшных бурь? Разве история повествует еще о каком-нибудь народе, окруженном таким множеством внешних и внутренних врагов, о подобной опасности, о более страшном стечении обстоятельств? Обманываемая, предаваемая, встречающая всюду опасность, могла ли демократия не страшиться, не впадать в ярость и почти в отчаяние? Разве в схватке всегда наносят только правильный удар? Не принимают ли в ней часто друга за врага и делают ли только то, что хотят, во время кораблекрушения или пожара? Разве ни один иностранный агент макиавелизма не проник в лагерь, чтобы убивать аристократов и некоторых демократов с целью обвинить в этом демократию? Разве победители не всегда клеветали на побежденных, особенно на мертвых? Разве вчерашние герои не являются всегда завтрашними разбойни-

ками? Разве не победа определяет преступление и добродетель? Разве самые безжалостные обвинители этой эпохи не являются сами отступниками, ренегатами, предателями, разве эти Фуше, побуждавшие к насилию и купавшиеся в крови, не продались затем врагу?

И затем, есть ли среди тысяч королевств и аристократий, господствовавших на земле, хотя бы одно — да, только одно,— которое для защиты своего несправедливого господства не совершило бы столько же и даже гораздо больше насилий, обвиняя в них демократию, защищавшую свои права и свое существование?

Разве аристократия не сделала своим министром цареубийцу, душегуба Фуше? [26]

И затем, разве не сами короли, аристократия и коалиция провоцировали демократию, разве не они поставили ее в необходимость защищаться, объявив ей войну не на жизнь, а на смерть?

Одним словом, не являются ли века притеснения, Варфоломеевская ночь, драгонады, [27] предательство королей, клеветнические выдумки эмиграции, ужасающие угрозы коалиции и опасность вторжения главной, действительной причиной насилия демократии?

Я, быть может, мог бы не вдаваться в эти размышления. Поэтому я не буду останавливаться на том, не совершили ли демократы в вопросе внутренней реорганизации ошибку, забежав слишком вперед и взявшись сразу

за слишком многое, не были ли предрассудки и привычки еще слишком сильны, чтобы можно было установить равенство состояний, сделали ли они все, что нужно было, чтобы расположить для этого умы, и обладали ли вожди достаточным влиянием, властью и способностями, чтобы направлять общественное мнение?

Не буду также разбирать, не должен ли народ извлечь драгоценный урок из того поразительного факта, что после того, как он был господином и всемогущим, он был разбит за отсутствием вождей, дисциплины, солидарности, благоразумия и основательного образования.

Ограничимся замечанием, что Конвент организует победу для настоящего и будущего, что он спасает революцию и страну. Заметим в особенности и то, что в течение двух лет он достаточно глубоко внедряет во Франции демократию, чтобы она укоренилась в ней прочно.

Однако, начиная с 9 термидора, демократия идет к упадку. Население парижских предместий обезоружено; клубы его закрыты. Аристократия становится настолько могущественной и наглой, что осмеливается напасть на Конвент вооруженной силой, и конституция 1793 г. отменяется. Она уступает место конституции третьего года, гораздо менее демократической, сохраняющей собственность и богатство. Какое отступление!

Но эта новая конституция, устанавливающая демократическую республику, оказывается все еще наиболее демократической из всех существующих конституций, и даже отступив назад, демократия все еще находится несравненно дальше от исходного пункта революции, чем при Учредительном и Законодательном собраниях.

Поддерживаемые буржуазными демократами, аристократы в первый период Директории становятся снова агрессивными, между тем как народные демократы реорганизуются и замышляют большой заговор с целью установить равенство состояний и общность имущества.

Я опять-таки не буду разбирать, была ли эта попытка преждевременна, могла ли она увенчаться успехом при помощи силы и был ли этот план причиной всех злосчастий, обрушившихся затем на народ. Я спрашиваю вас только, не доказывает ли этот заговор огромный прогресс демократии с 1789 г. в пользу общности?

Но Директория, подавив аристократов, сокрушает демократов, отклоняет свободу печати и предает казни, несмотря на кассацию, или, вернее убивает двадцать демократов, осужденных военным судом, приговор которого кассируется после приведения его в исполнение.

И однако все это не мешает демократии немного времени спустя почерпнуть новые силы среди народа, среди избирателей и их представителей.

И после одиннадцати лет революции демократия готова восторжествовать снова в Народном представительстве, когда наступает 18 брюмера восьмого года (9 ноября 1799 г.).

Проследите теперь развитие европейской и американской демократии от 1789 до 1800 г.

Константинопольский султан приказывает перевести на турецкий язык французскую Энциклопедию.

Негритянские рабы на Сан-Доминго восстают [28] и вновь завоевывают себе звание человека и свои права, к несчастью при зареве пожаров и путем избиения своих владельцев, а шведское дворянство убивает своего короля. [29]

Храбрая Польша восстает по призыву Костюшко. Хотя счастье не увенчивает успехом ее мужества, но ее могучий призыв к борьбе со своими притеснителями находит отклик во всей Европе.

Бельгия и Голландия принимают как освободителей французских солдат и опять становятся республиками.

Вся Италия, также освобожденная французской демократией, руководимой Бонапартом, покрывается республиками: Лигурийская в Генуе, Римская в Риме (где пять консулов занимают место папы, четырнадцать кардиналов благословляют революцию и епископ Имолы [30] проповедует в Италии республиканские идеи), Цизальпинская в Милане, Партенопейская в Неаполе, тогда

как демократия торжествует в Венецианской республике и Швейцария демократизуется под названием Гельветической республики.

Ирландия хочет восстать, английский флот устраивает бунты в Спитхеде и Портсмуте. Американская демократия продолжает свое поступательное движение, в то время как французская армия, предводимая Бонапартом и сопровождаемая учеными, несет в Египет республиканские идеи и подготовляет освобождение этой древней колыбели цивилизации.

Скажите, пожалуйста, противники равенства, разве демократия не распространяется всюду вместе с Французской республикой, когда 18 брюмера Бонапарт становится диктатором?

Какое несчастье для человечества, что этот достославный Бонапарт не был Икаром, не был даже Вашингтоном!

Но он становится во главе буржуазной демократии и объявляет войну народной демократии, продолжая льстить народу, чтобы обмануть его. Он обвиняет, чернит, преследует демократию и стремится раздавить ее; он заменяет конституцию Директории конституцией консульства, в которой мы не находим больше ни деклараций прав человека, ни суверенитета народа, ни равенства; он в действительности отменяет избирательное право, право союзов, свободу печати, республиканское воспитание и курс моральных и

политических наук в Национальном институте; он стремится принудить к молчанию даже мысль, идеологию, и немного спустя реставрирует монархию в свою пользу, восстанавливает дворянство и священников, провозглашает себя императором, императором божьей милостью, и восстанавливает деспотизм, тогда как за пределами своей страны он уничтожает республики и заменяет их королевствами.

Я не исследую здесь вопроса, не есть ли 18 брюмера самое великое из преступлений против Национального представительства и не является ли отмена республиканского воспитания и преследование моральных и политических наук и идеологии преступлением против человечества. Я не удивляюсь, но сожалею о том, что Наполеон, подобно многим другим — прекрасный плод, испорченный зловредным влиянием рокового общественного строя, пропитанного эгоизмом, честолюбием и жадностью. Я хочу только констатировать факт восстановления деспотизма и аристократии.

Какое новое отступление!

И все же не кажется ли сам Наполеон, против своей воли, орудием равенства? Так сильно обаяние революции!

Послушайте, как он провозглашает, что французы могут обойтись без свободы, но что их господствующая страсть — это равенство. Посмотрите, как он льстит толпе и делает вид, что отдает на ее одобрение свое

консульство и империю. Посмотрите, как он вынужден окружать себя простолюдинами, демократами, революционерами, цареубийцами и сделать из них посланников, министров, сенаторов, депутатов, трибунов, кавалеров Почетного легиона,[31] маршалов Франции, крупных сановников империи и главных придворных, префектов и т. д. Сам простолюдин, он хочет быть для народа и армии маленьким капралом, в маленькой шляпе и сером сюртуке, сыном и представителем революции, республики и демократии. Он расстреливает герцога Энгиенского, как простого солдата, и кончает тем, что сенат смещает его самого, как простого стражника, плохо исполняющего свои обязанности.

В его собственной армии под него подкапывается тайное республиканское общество филадельфов,[32] его политика осуждается всей идеологией его времени, он скорее покинут демократией, чем побежден иностранцами, и, низложенный сенатом по обвинению в предательстве революции и свободы, он своим падением опять-таки доказывает могущество демократических идей.

А в других странах! Если он разрушает республики, порожденные Французской республикой, то он дает тем же народам конституции, в которых выражено признание народного суверенитета. Если он насилует суверенитет наций и торжественную декларацию Конвента — *никаких завоеваний*, замышляя завоевание мира и всемирную мо-

нархию для себя и завоевывая королевства и княжества для своих братьев и генералов, то он, по крайней мере, как сам уверяет, собирается провозгласить в Англии республику и демократию. Своих королей и князей он делает из простолюдинов: в Испании — простолюдин Иосиф, в Голландии — Луи, в Вестфалии — Жером, в Тоскане — Элиза, в Италии — Евгений, в Неаполе — Мюрат, в то время как простолюдин Бернадотт избирается Швецией. Он переносит французское законодательство в Бельгию, Голландию, в Германию до Гамбурга, в Вестфалию, в Баварию, в Польшу, в Иллирию, в Италию до Рима и в Испанию почти до Мадрида, всюду освобождая крестьян и крепостных.

Его бесчисленные победы со времени консульства — Маренго, Аустерлиц, Иена, Эйлау, Фридланд, Экмюль, Эсслинг, Ваграм, Смоленск, Москва [33] и т. д. вынуждают коалицию признать себя побежденной, самораспуститься, признать республику, империю и революцию.

О, почему он не Икар! Почему он не устанавливает всюду республику и демократию! Он мог бы установить даже общность, если бы только захотел!

Он, по крайней мере, подкапывается (какой, в самом деле, сапер!), он подкапывается под аристократию и феодализм на Севере, разъединяя германскую конфедерацию и германскую империю, организуя швейцарскую и рейнскую конфедерации, создавая королев-

ства Вестфальское, Баварское, Вюртембергское, Саксонское, воздвигая Великое герцогство Варшавское, объявляя Данциг независимым и вольным городом, защищая мелких государей против крупных. Он унижает все старые королевские династии и все старые аристократии, даже папу, которого он арестует, лишает всего и уводит пленником в Париж; он вводит почти во все столицы Европы торжествующую демократию, всюду распространяет Марсельезу, смешивает все народы и все армии и всюду прививает революцию, либо объезжая все народы в качестве победителя, либо приглашая Европу прибыть в Париж, чтобы подивиться величию, блеску и могуществу революционной и демократической Франции.

Если он захватывает Испанию и Португалию, то он, по крайней мере, уничтожает там инквизицию; если он оскорбляет испанцев, то оскорбление, которое он им наносит, пробуждает мужественный народ, воодушевляет, в свою очередь, южную демократию и побуждает ее завоевать себе независимость, дать народам новые примеры чудес, порождаемых преданностью отечеству, и показать Европе новую демократическую и почти республиканскую конституцию, которая снова провозглашает равенство народов и людей, между тем как испанские колонии Америки, узнав о вступлении завоевателя-узурпатора в Испанию, объявляют себя последовательно независимыми и становятся республиками.

Посмотрите, какое другое чудо порождает его деспотизм в пользу равенства. Чтобы освободиться от его господства, короли и аристократии Европы вынуждены сделаться пропагандистами свободы и проповедниками демократии. Они вынуждены говорить о независимости и отечестве, ссылаться на права народов, призывать на помощь философов, профессоров и писателей, чтобы возбудить народный энтузиазм и в особенности чтобы воспламенить молодежь, организовать всюду тайные общества, и вынуждены твердо обещать ввести конституции, гарантирующие свободу и равенство.

Даже самое падение Наполеона полезно для демократии, ибо оно приводит во Францию, в Париж, все армии Европы, которые, сделавшись свидетелями чудес, произведенных Французской революцией, уносят обратно, вплоть до самых глубин России, семена революции и равенства.

О, да! Если он сильно охладил Францию, то потом он сильно разогрел Европу и мир.

И посмотрите, сверх того, какое движение вызвано революцией в других странах.

Сербия, Валахия и другие провинции восстают против турецкого султана; вся Турция вслед за тем восстает против турок; египетский паша также подготовляет свою независимость, и не кто иной, как русский император, поддерживает восстание. [34]

Две революции вспыхивают в Константинополе, два султана низложены, и опять-таки

суверены Англии, России и Франции поочередно раздувают мятеж.

Ирландия восстает, требуя религиозной свободы, тридцать тысяч ирландцев погибают в сражениях или на эшафоте, но восстание завоевывает свободу католицизма.

Негры на Сан-Доминго (слушайте внимательно!), освобожденные рабы, провозглашают республику Гаити, и им помогает английская аристократия. В то же самое время подвластный этой аристократии народ Лондона устраивает против нее бунт в защиту Френсиса Бердетта, которого эта аристократия арестовала за его требование парламентской реформы.

Одним словом, несмотря на деспотизм Наполеона, демократия всюду идет вперед, но в 1814 г. Франция подвергается нашествию.

Коалиция победила благодаря демократическому напору народов Европы и в особенности немецкой молодежи. Нашествие приводит за собой реставрацию и эмиграцию. Королевская власть реставрируется европейскими королями, французская аристократия — феодальной аристократией. Октроированная хартия заменяет конституцию; палата пэров заменяет сенат; старое дворянство восстанавливается, а новое сохраняется; учреждены новые ордена; мы видим только принцев и герцогов, маркизов и графов, виконтов и баронов, старых и новых кавалеров так называемых почетных крестов, кресты и ленты лилии.[35] Раздаются угрозы контрреволюции

ограбить всех бывших покупателей национальных имуществ и уничтожить все, что было создано в двадцать пять лет революции.

Коалиция иностранных государств разрушает все, что создала революция в Италии, Испании, Швейцарии, Бельгии, Голландии, Германии. Производя таким образом европейскую реставрацию, отказывая народам в обещанных конституциях, отменяя все уже действующие конституции и нарушая одним ударом свои обещания и права народов, крупные державы захватывают мелкие государства, которые они грабят и делят между собой. Россия захватывает Польшу; Пруссия захватывает Саксонию и заключает в тюрьму ее короля, чтобы вынудить его отречься; Австрия захватывает Италию; прежний голландский король — Бельгию; Англия, которая протестует, тем не менее захватывает Ионические острова; Фердинанд отменяет в Испании конституцию кортесов и восстанавливает инквизицию; папа восстанавливает иезуитов; гамбургский сенат лишает евреев прав гражданства, а Людовик XVIII ставит снова Францию под покровительство святой девы.

Снова, какое отступление!

Однако не пугайтесь и продолжайте следовать за мной.

Демократия все еще так сильна и страшна, что аристократия и эмиграция, Бурбоны и коалиция вынуждены щадить ее, ласкать ее и уступать ей, чтобы затем ее обмануть.

Только рассыпая обещания, восклицая: «Никаких войн и никаких обременительных налогов», обещая признать национальный суверенитет и принять конституцию, граф Артуа и герцог Ангулемский [36] осмеливаются перейти границу. Только после того, как они признали и гарантировали права народа и равенство пред законом, Людовик XVIII и коалиция осмелились вступить в Париж. Они вынуждены делать вид, что призваны народом, возложившим на них миссию оградить свободу от деспотизма. Если, вступив в Париж, они вероломно нарушают свои обещания и отвергают конституцию, то они, по крайней мере, принуждены дать хартию, и эта хартия, на которую дала согласие коалиция, провозглашает равенство перед законом,— правда, лицемерный принцип, лживый, бесплодный, нелепый, пока законодательная власть будет принадлежать аристократии, имеющей возможность внести только неравенство в закон, в особенности в избирательный закон, но принцип плодотворный, всемогущий и заключающий в зародыше равенство состояний и общность имущества, как только закон будет составляться демократией. И если хартия восстанавливает старое дворянство и сохраняет новое, она вынуждена оставить им только пустой титул без всяких привилегий. Если она более прочно укрепляет собственность, предоставляя исключительно собственникам право избирать и быть выбранным (первое — собственникам,

платящим триста франков налога, второе — собственникам, платящим тысячу франков), то она, по крайней мере, вынуждена восстановить право прямых выборов, которого будет достаточно в демократической атмосфере вместе с восстановленной свободой печати и сохраненным судом присяжных, чтобы дать взрасти равенству. И если Реставрация всюду назначает аристократов, эмигрантов и контрреволюционеров, то она вынуждена допустить вместе с ними в свое министерство, в пэрию, ко двору, к руководству армией, фуше и талейранов, цареубийц и демократов, вплоть до бывшего барабанщика, в среду своих пэров, маршалов Франции и ее министров. Одним словом, Людовик XVIII принужден стать демократом в глазах аристократии, которая называет его якобинцем.

И когда, наконец, аристократия уже чересчур явно проявляет свои контрреволюционные претензии, демократия пробуждается и сметает все по призыву Наполеона, покидающего 1 марта 1815 г. остров Эльбу.

Но чем был тогда Наполеон? Император ли он или консул? Империя или Республика поднимаются, чтобы прогнать Реставрацию?

Подчиняясь, в свою очередь, влиянию демократии, Наполеон, чтобы вновь добиться трона, вынужден обратиться с призывом к демократии, народу и армии, к пролетариям и солдатам, и взывать к национальному суверенитету, народным правам, к воспоминаниям о Марсовом поле и Майском поле,[37]

к декретам Учредительного и Законодательного собраний, Конвента, против королевства, аристократии и эмиграции. Он обвиняет Бурбонов в том, что они ничего не забыли и ничему не научились, а коалицию в том, что она предала все народы и нарушила все их права. Он поручает Государственному совету издать самый революционный, самый демократический и самый суровый манифест против королей и аристократов. Он возвещает отмену нового дворянства, созыв народа для выработки им своей конституции. Одним словом — точно так же как коалиция, чтобы сокрушить Наполеона, так и Наполеон, чтобы сокрушить коалицию, вынужден сделаться пропагандистом и проповедником демократии и равенства.

И демократия, доверчивая и обольщенная, пылающая ненавистью к аристократии, возносит его с торжеством, как борца за дело народа.

Как бурлит тогда демократия!

Ах! Почему Наполеон не Икар или Вашингтон! Он мог бы установить общность имущества на земле.

Но, увы! Он опять обманывает народ! Его Майское поле — только парад. Вместо того чтобы дать конституцию, он издает добавочный акт к конституции империи, инсценируя его одобрение. И хотя этот октроированный акт [38] значительно более демократичен, чем все так называемые консульские и императорские конституции и хартии Реставрации,

демократия считает его обманом, предательством, узурпацией, она видит только императора и деспота вместо демократа и революционера, она покидает его или поддерживает только наполовину и неохотно, тогда как коалиция может теперь легко обвинить его самого в честолюбии и неисправимом деспотизме. Он падает при Ватерлоо!

О, если бы деспотизм действительно не укоренился так сильно в его душе, если бы он искренно любил народ, свое отечество и человечество, если бы он слушался только своего долга, разума и истинных интересов, если бы он мог подняться так высоко, как низко пал,— он провозгласил бы республику, предложил бы только свою шпагу как генерал или консул, отдался бы целиком демократии и, став во главе ее, ринулся бы вместе с нею на Европу. Тогда демократия опять смела бы королей и аристократов Европы. Но, находясь во власти клеветы 18 брюмера, он видит якобинцев в Лафайетах, Дюпонах де л'Эр и всех депутатах и сперва колеблется еще, не выступить ли ему опять против Национального представительства. Однако, отступив перед преступлением, которое, вероятно, не спасло бы его, он подписывает отречение и отправляется на остров св. Елены искупить свое безумное желание сражаться против демократии.

И вот французская демократия, покинутая, обманутая, дезорганизованная, блокированная всеми армиями, всеми королями и

всеми аристократиями Европы, которые дышат только местью и горят желанием расчленить Францию. Вот возвращающаяся вслед за ними под защитой иностранных штыков бешеная и пылающая жаждой мести Реставрация. Вот демократия, окруженная, словно группа осужденных, ожидающих казни, густой стеной наемников и палачей. Вот аристократия, которая обезоруживает, распускает, сменяет, сажает в тюрьмы, расстреливает, гильотинирует, изгоняет, убивает, вырезает, играет в кегли головами и останавливается только тогда, когда она устает наконец бить демократию.

Затем она объявляет революцию 1789 г. преступлением, осуждение Людовика XVI — отцеубийством и всю Францию виновной (т. е. демократическую. Какое признание!). Она заставляет ее признать себя преступной и покаяться пред памятником в честь короля-мученика; она называет всех солдат революции и империи разбойниками и всех французов демократами и якобинцами; она осуждает их на уплату в пользу коалиции около двух миллиардов для покрытия военных расходов с 1792 г., не помню уже сколько сотен миллионов эмигрантам в покрытие их жалованья с того же времени и миллиард за конфискованные у них земли, в ожидании пока им не вернут эти земли натурой; она отменяет развод; она восстанавливает старые суды, субституцию, право первородства, иезуитов, миссионеров и наказание за святотат-

ство; она душит возрождающуюся демократию в Испании и, опираясь на коалицию, всегда готова призвать ее на помощь; она держит французскую демократию в оковах, тогда как коалиция держит в оковах всю европейскую демократию.

Даже Вольтер и Руссо везде подвергаются гонениям!

Какое отступление! Какой ледоход! Можно было бы сказать, что демократия умерла или замерзла!

Но не отчаивайтесь и следуйте за мной дальше.

Взгляните на чудеса демократии. Посмотрите на Людовика XVIII и всех соединенных королей, французскую и европейскую аристократии, которые, при всем их могуществе, не осмеливаются ни взять назад хартию, ни отказать в амнистии, ни оставить Реставрацию один-на-один с демократией без охраны в Тюильри и ста пятидесяти тысяч солдат на границах.

И когда аристократия хочет слишком резко повернуть назад, благоразумный Людовик XVIII вынужден остановить ее, распустить палату и дать свободу печати и несколько популярных законов, чтобы успокоить раздраженный народ.

Состоящие из богатых, платящих триста франков налогов, т. е. аристократов и буржуазных демократов, избиратели выбирают столько демократов, что палата депутатов оказывается в своем большинстве демократи-

ческой, и напуганная аристократия спешит состряпать новый, еще более аристократический избирательный закон и распустить палату.

Со своей стороны, народная демократия бунтами и заговорами постоянно протестует против захватов аристократии. Лувель убивает герцога Беррийского, заявляя, что, по его мнению, все эмигранты заслуживают смерти, и он жертвует собой, чтобы пресечь продолжение рода Бурбонов. Молодежь организуется в обширное тайное общество (карбонарии), некоторые члены которого, как мученики, мужественно гибнут с возгласом: «Да здравствует республика!» И хотя парламентская оппозиция сведена к десяти или двенадцати депутатам, она с полным основанием заявляет, что за нею стоит весь народ.

Миссионеры, которые хотят привлечь народ в церкви, вынуждены заставлять петь церковные молитвы на революционные мотивы.

Когда Карл X хочет покровительствовать духовной аристократии, значительная часть дворянской аристократии и буржуазной демократии покидает его.

И когда он осмеливается поднять руку на хартию, народная демократия, которую считали мертвой или исчезнувшей, побивает его камнями мостовой, разносит вдребезги Реставрацию и аристократию, чтобы вернуться к первым дням революции, и представляет

брата Людовика XVI в полное распоряжение европейской аристократии.

Какой гигантский шаг вперед! Какой ослепительный горизонт над Францией!

Проследите развитие Европы с 1815 г.

Вспомните обещания королей, усилия и надежды народов!

Тщетно короли совершают клятвопреступления, тщетно коалиция еще теснее сплачивается под ложным именем Священного союза против революции, т. е. против народов и их свободы. Тщетно созывает она конгрессы в Вене, Карлсбаде, Лайбахе, Вероне, чтобы заглушить демократию. Тщетно следственная комиссия во Франкфурте беспрерывно преследует печать и тайные общества. Тщетно самодержец, ставя себя точно непогрешимый Юпитер выше всех философов, пытается поразить императорским указом то, что он называет безумными доктринами современной философии. Буря уносит их всех.

Все народы ссылаются на провозглашения и обещания королей и требуют конституции. Некоторые вынуждены дать их (Саксен-Веймар, Вюртемберг), Англия дает конституцию Ионическим островам, образовавшим аристократическую республику.

Тайные общества всюду сохраняются и размножаются: в Италии, Испании, Франции, Бельгии, Германии, Пруссии, Польше, России, вплоть до Турции. Баронесса Крюднер разъезжает по Германии, проповедуя учение Иисуса Христа, а следовательно

равенство и братство. Студенты, собравшиеся со всех сторон на празднование столетнего юбилея протестантской Реформации, публично сжигают договор Священного союза. Молодой Занд, на которого пал жребий пожертвовать собой для свободы, убивает Коцебу, секретного агента деспотов и проповедника деспотизма, и убивает его от имени тайных обществ. Толпа других фанатичных молодых людей присутствует при его казни и бросается на эшафот, чтобы омочить свои платки в крови мученика.

Тщетно Фердинанд [39] душит первый бунт и расстреливает Ласи и Портье, тщетно он подготовляет экспедицию с целью подчинить себе восставшие колонии: армия, предназначенная распространять рабство, поворачивается против тирана и заставляет его самого провозгласить конституцию, свободу и равенство. Еще один король — проповедник демократии!

Португалия, Неаполь и Пьемонт подражают Испании, и их короли, в свою очередь, провозглашают ту же демократическую конституцию.

В Бельгии происходят бунты, Венгрия ропщет, крестьяне Моравии восстают против своих сеньоров; Норвегия отменяет дворянство.

Греция,— да, Греция,— возрождается и героически сражается со своими прежними притеснителями. Вся европейская демократия громко желает торжества матери древних

республик; лорд Байрон спешит принести ей свое состояние, свою шпагу, печать и перо, чтобы написать новые шедевры в демократическом духе; общественное мнение принуждает королей признать законность восстания. Русский самодержец толкает Грецию на путь восстания. Император австрийский разрешает греческой аристократии подготовлять восстание в Вене против Константинополя. И, как всегда, честолюбивые и жадные короли являются орудиями провидения, которое использует их, чтобы дать торжество демократии.

Египет вскоре следует примеру Греции. Сама Турция вступает на путь реформ,[40] в то время как республиканский заговор, подготовленный в России и Польше,[41] вызывает удивление Европы и сеет на Севере дух освобождения и свободы, хотя заговорщикам и не удается на обломках трона самодержцев открыть эру демократии на грани двух континентов.

Ирландия находится в состоянии такого возбуждения, что английская аристократия вынуждена там приостановить действие законов (Habeas Corpus).*

А в Англии бунт направляется против самого принца-регента и заставляет его приостановить действие законов об индивидуальной свободе, печати и союзах. Кестльри

---

* Habeas Corpus Act — закон о неприкосновенности личности в Англии.— Ред.

кончает самоубийством в припадке отчаяния, так как считал, что сделал слишком большие уступки Священному союзу. Британская аристократия вынуждена протестовать против принципов Священного союза в пользу идей свободы и независимости. Английская демократия одерживает большую победу, вызвав освобождение католиков и религиозное равенство, и Каннинг,[42] провозглашает непреодолимое могущество европейской демократии, угрожая всем европейским королям написать на своих знаменах магические слова: «Гражданская и религиозная свобода».

А Америка! В лице Боливара она дает миру пример второго Вашингтона; она ускоряет победу всемирной демократии, прибавляя на Севере одиннадцать новых республик к своим старым республикам, соединяя обе части Сан-Доминго в одну республику, признанную Францией, освобождая Перу, Мексику, Бразилию, Чили, превращая весь центр и Юг в огромные республики.

А Африка! Республика американских освобожденных негров, основанная на берегах Гвинеи, Либерия, подготовляет вместе с республикой кафров, Египтом и французской колонией Алжиром возрождение и торжество африканской демократии.

Отмена рабства черных в нескольких штатах Америки, отмена всеми правительствами торговли неграми, организованные всюду филантропические общества подготовляют всеобщую отмену рабства негров и обеспечи-

вают отмену полурабства белых пролетариев, т. е. торжество демократии на земле.

Таково положение демократии в июле 1830 г. Проследим теперь ход нового землетрясения.

Проследите, как революционная демократия 14 июля 1789 г., 10 августа 1792 и 1815 гг. поднимается, как один человек, как она превосходит все чудеса революции, как она подражает нашему Икару и даже превосходит его, ибо препятствия на ее пути гораздо более велики, как она затмевает все прежние революции, как она после трех дней боев свергает ставленника Священного союза, как она пренебрегает всеми опасностями, чтобы вновь завоевать свои права, права человечества, и совмещает с величайшим мужеством высочайшее благородство.

Посмотрите, как ей аплодируют все народы даже из глубины Азии и Америки!

Взгляните, как бледнеют все аристократы, как дрожат все троны и как все демократии, разбуженные, воодушевленные, исполненные энтузиазма, принимают цвета французской демократии, поют ее Марсельезу и ждут с нетерпением ее выступления, чтобы всюду положить конец царству аристократии.

Да, имей Франция тогда Икара, и вся земля стала бы демократией и общностью!

Но, о несчастье, о разочарование! Все кончилось неудачей, и я не имею мужества изложить вам это печальное повествование, ибо хотя я только икариец, все же дело

Франции есть дело человечества, а поэтому и наше, и я мог бы сказать вам, вместе с Энеем, повествовавшим Дидоне о бедствиях Трои: Infandum, Regina, jubes renovare dolorem. *

Заставляя меня излагать вам историю революции 1830 г., вы оживили бы мою невыразимую скорбь.

Весьма печально признать, что после того как в три дня сражения за свободу принесены были в жертву восемь или десять тысяч сынов народа, народ все еще остается в рабстве. Тридцать три миллиона французов должны повиноваться законам, установленным только лишь половиною ста шестидесяти тысяч избирателей или их депутатов. Весьма печально к тому же, что непопулярность в народе признается принципом правительства и оно хвастает отменой равенства и демократии.

И демократия, кажется, действительно умерла вместе с равенством. Какое новое плачевное отступление!

Но не верьте внешности! Нет, нет, демократия не умерла! Нет, нет, революция, прогнавшая Карла X и его род, не была тщетной. Напротив, народ всегда и неустанно добивается результатов этой революции и возмещения за свои жертвы. И все, даже усиленные строгости против демократии, до-

---

* Невыразимую скорбь обновить велишь ты, царица! Вергилий, Энеида, песнь шестая.— Ред.

казывает и свидетельствует о ее жизни, развитии и ее растущей мощи.

Эта народная демократия, правда, не торжествует, но не торжествует и аристократия. Торжествует буржуазия, т. е. буржуазная демократия.

И очень часто эта буржуазная демократия одерживает верх над оппозицией или народной демократией большинством только в несколько голосов.

И аристократия не может добиться у нее наследственности пэрства.

И если бы бунт и призрак 1793 г. не преследовали ее, вы увидели бы, что она сама бы потребовала демократических учреждений.

И когда пройдет время, тоже представляющее могучую силу, и сыновья займут место отцов, вы увидите, как Франция будет смелее требовать равенства и демократии.

А в других странах!

Какое потрясение вызвало известие об июльской победе народа! Какой энтузиазм вызвали его мужество, героизм, благородство! Сколько аплодисментов, приветствий, симпатий, пожеланий во всех демократиях мира! Бельгия разрывает свои цепи; Испания сбрасывает с себя оковы; Швейцария с высоты своих гор запевает свои старые демократические песни; Польша ломает московское иго, героически отказываясь подчиняться указаниям Австрии и Пруссии; Италия поднимается и освобождается; Германия

вырывает обещанные конституции; Венгрия волнуется; Греция ликует; Константинополь дрожит от беспокойства при виде русского орла; Египет возрождается; Америка аплодирует Франции и призывает божественную справедливость для Польши, посылая ей оружие. И в первую очередь Англия, более демократическая и более просвещенная, чем когда-либо, пишет тысячи приветствий и посылает комиссаров поздравить французскую демократию в городской думе, прогоняет Веллингтона иториев из правительства и добивается наконец своей парламентской реформы, которую тщетно требовала в течение ста сорока лет, о которой Френсис Бердетт не мог говорить в 1809 г. без риска быть арестованным, реформы, едва еще мыслимой,— самая великая революция английского народа и Гибралтар британской демократии!

Слышите вы, как первый министр этой Англии, лорд Грей, заявляет с английской трибуны, что веяние французской демократии настолько непреодолимо, что если бы она захотела, ее голосу повиновались бы все короли?

О, если бы у Франции был тогда свой Каннинг, который написал бы на своем знамени: «Всеобщая свобода!» Или, лучше, если бы у нее был свой Икар!

Правду приносят в жертву народы и подавляют революции. Бельгия, которая хочет быть республикой, вынуждена принять короля;

Испания возвращается под иго Фердинанда, расстрелявшего Торрихоса [43] и пятьдесят его мужественных товарищей; благородная Италия, окровавленная, изувеченная с еще большей жестокостью заковывается в цепи; Швейцария унижена, задавлена и едва не становится жертвой вторжения; Польша, героическая и несчастная Польша... У нее отнимают ее воинов и посылают их в Америку, отнимают ее детей, чтобы рассеять их повсюду, уводят дочерей ее и отдают их солдатам. Европейская демократия кажется уничтоженной, сокрушенной навсегда.

Но это, к счастью, одна только видимость.

Позор и проклятие притеснителю Польши! Да здравствует независимая и свободная Польша! — вот клич Европы и мира, и клич этот непрерывно грозит аристократии.

Изгнанные несут всюду любовь к независимости и свободе и когда-нибудь вернутся в свое отечество с бо́льшим опытом и более просвещенные.

Испания и Португалия снова берутся за оружие, когда никто этого не ожидает, чтобы вновь завоевать свою демократическую конституцию и даже республику; и (новое доказательство, что рок увлекает королей, чтобы сделать из них орудие демократии) опять-таки деспот и тиран Фердинанд возвращает Испании свободу, предпочитая свою дочь своему брату.

И Америка продолжает верить в демократию как в подлинную силу.

И Канада, подражая Америке, Франции и Англии, быть может скоро станет республикой и даст всем покоренным народам новый пример борьбы против их притеснителей, а всем демократиям — против аристократий, угнетающих их.

И Англия сохраняет свою парламентскую реформу, которая дает ей восемьсот тысяч и вскоре затем свыше миллиона избирателей. Ее демократия делает такие успехи, что она уже требует всеобщего голосования и отмены пэрства или, по крайней мере, его наследственной передачи,— отмены, которой несколько лет ранее никто не предложил бы, не рискуя попасть в Ботани-Бей. [44]

И кто может оценить последствия этой английской реформы, которая рано или поздно повлечет за собою такую же реформу во Франции, ибо не нужно ли быть сумасшедшим, идиотом, дураком, слепцом (никакое выражение не кажется мне преувеличенным), чтобы надеяться, что на тридцать три миллиона французов не будет даже двухсот тысяч избирателей, когда рядом с ними двадцать четыре миллиона англичан насчитывают больше одного миллиона и скоро у них будет даже три или четыре миллиона избирателей? Не абсурд ли считать французского рабочего менее просвещенным, чем английский рабочий? Не верх ли это наглости, дерзости и оскорбления называть французских пролетариев варварами, признавать права только за праздными или денежными людьми, разли-

чать Францию законную и Францию, поставленную вне закона, и претендовать, что на тридцать три миллиона населения Франция имеет тридцать два миллиона восемьсот тысяч неспособных и не достойных быть избирателями и выбирать депутатов?

Да, если есть в мире нечто несомненное, то это следующее: рано или поздно, одним прыжком или несколькими, Франция добьется своей избирательной реформы и всеобщего голосования, без которого, что бы ни говорили, народ — *раб*.

И тогда, пусть это называется монархией или республикой, это будет в действительности республика и демократия!

Не думайте поэтому, что июльская революция ничего не дала. Она, несомненно, сделала мало, если сравнить это с тем, что она могла бы сделать, имея во главе Икара, но она тем не менее дала огромный толчок вперед демократии Франции, Англии и Европы.

Да, несмотря на все усилия аристократии оказать сопротивление прогрессу, несмотря на все поражения, европейская демократия добьется победы, потому что народ всегда побивает одну часть аристократии в союзе с другой ее частью, а победоносная часть — это все же демократия, которая возобновляет борьбу против аристократии; она победит, потому что народ учится на своих ошибках и поражениях, потому что он может потерять сто сражений и не погибнуть, тогда как одна

победа может дать ему окончательное торжество, потому что равенство есть идея, которую не могут уловить пули и полиция и от которой человечество никогда не откажется. Равенство восторжествует, потому что оно есть справедливость и разум, потому что его торжество есть закон природы.

Все было в свое время, и все прошло на земле: рабство и касты, империя Александра и Римская империя, язычество и всемирная монархия пап, феодализм и вассальная зависимость, пытки и костры, право жизни и смерти мужей над женами и отцов над детьми,— почему же аристократия и привилегии не уступят также места демократии и равенству?

Разве аристократия сама не бесчестит себя, не раздирает и не уничтожает себя? Разве не сами аристократы, папы или короли во всех странах и во все времена позорили, принижали, бросали в тюрьмы, убивали или казнили на эшафоте королей и королев? Список, который я держу в руке, содержит имена свыше пяти тысяч королей или королев, убитых или низложенных королями или королевами, или папами, или аристократами, даже их супругами, сыновьями или братьями.

Вот другой список, список пап, опозоренных, осужденных королями и аристократами, соборами или другими папами.

Вот папа Григорий V, приказывающий выколоть глаза папе Иоанну XVII и про-

везти его на осле задом наперед и с хвостом в руке вместо узды (998).

Вот папа Каликст II приказывает провезти папу Бурдена (1120), сидящим задом наперед на верблюде.

Вот император Германии Фридрих II, отлученный от церкви Григорием IX (за то, что издал книгу под названием «Три обманщика: Моисей, Иисус Христос и Магомет»), называет папу антихристом и князем тьмы.

Вот папа Николай V, брошенный в тюрьму другим папой (Иоанном XXII, сыном сапожника), после того как был вынужден признать свои ошибки на эшафоте, с веревкой на шее.

Вот еще один список свыше пятидесяти тысяч аристократов, убитых королями, против которых они организовали бесчисленные заговоры и бунты.

Людовик XI сажает их в железные клетки и проливает их кровь над головами их детей; Генрих VIII, в Англии, посылает их на бойню; король шведский Христиан II избивает девяносто шесть аристократов, приглашенных им на празднество, и египетский паша перерезывает пятьсот приглашенных им на праздник в свой дворец.

Посмотрите также, как аристократия дискредитирует себя, унижается и теряет уважение народа вследствие своих ошибок и злоупотреблений.

Вспомните нетерпимость, жестокость, роскошь, безнравственность и преступления

прелатов и пап, в особенности гнусного Борджиа.

Вспомните массовые убийства Карла IX; деспотизм и ханжество Людовика XIV; грязную распущенность эпохи Регентства; скандальный разврат Людовика XV; предательство короля польского и Людовика XVI; честолюбие и деспотизм Наполеона; вероломство европейских королей в борьбе с французской революцией, их клятвопреступления по отношению к своим народам, их адский союз с целью ограбить и поделить нации; вероломство и предательство Людовика XVIII и Карла X; клятвопреступления и измены дона Мигуэля,[45] королей Испании, Неаполя и Пьемонта; варварство Николая,[46] ребячество Изабеллы, капризы Христины и донны Марии, когда так легко заставить себя обожать, будучи королевой, молодой и красивой королевой.

Посмотрите, как аристократия в настоящее время почти лишена всяких талантов во всех странах.

Посмотрите, наоборот, как демократия постоянно возвышается в лице ряда представителей церкви, законодателей, литераторов, простолюдинов, из которых я назову вам только Иисуса Христа (зачатого бедной девушкой до ее брака с бедным плотником), Магомета (приказчика), Григория VII (сына плотника), Лютера, Франклина, Вашингтона, Наполеона, Боливара, О'Коннеля,

И скажите, разве не кажется, что само провидение или судьба решила, чтобы равенство или демократия развивалась и росла, как зерно, которое должно произвести самый прекрасный плод, как зародыш, который должен стать Геркулесом?

Скажите, разве люди, дерзновенно напрягающие усилия, чтобы остановить демократию, и события, загораживающие ей путь, не похожи на плотину, останавливающую поток на один день, но затем делающую его течение еще более бурным?

Скажите, не походит ли аристократия на изношенную машину, которая разладилась и распадается на мелкие части?

Скажите, разве не правда, что,— как это сказал, кажется, Ройе Коллар,— «демократия движется полным ходом... демократия затопляет берега», и что, как сказал Кузен, «попытка остановить цивилизацию и задушить философию — это держать пари с самим богом, которое весь мировой ум не мог бы выиграть»?

Скажите, разве Шатобриан, приносящий дань уважения республике, королеве будущего, не имел основания сказать, что «те, кто хотят остановить век, рискуют быть сдавленными и размолотыми между остановленным веком и веком, столкнувшимся с ним»?

Скажите, разве Токвилль не был прав, восклицая:

«Куда мы идем? Посмотрите на великую социальную и демократическую революцию,

которая уже семьсот лет делает постоянные успехи во всем христианском мире, и в особенности во Франции, и которая ведет нас, непреодолимая и направляемая провидением, к равенству? Было ли бы благоразумно думать, что ее можно будет остановить или даже приостановить? Думают ли, что демократия, разрушив феодализм и победив королей, отступит перед буржуа и богатыми? Нет, повидимому, демократия и равенство шествуют вперед по воле суверенного господина. Пытаться их остановить значило бы бороться против самого бога, и народам остается только приспособиться к новому общественному порядку, который им предписывает провидение».

Разве Ламартин не имеет основания сказать в своем «Путешествии по Востоку»:

«Эти революции, эти потрясения, эти крушения империи, эти повторные и гигантские движения всех частей старой Европы; их отголоски в Америке и Азии; бессознательный и непреодолимый импульс, который вносит, несмотря на индивидуальные воли, столько напряжения и солидарности в коллективные силы,— все это не есть следствие без причины; все это имеет смысл, глубокий и скрытый, но очевидный для глаза философа. Этот смысл — это общая идея, убеждение, социальный закон; истина, которая проникла во все умы и даже без их ведома в умы масс и стремится выявиться в фактах с силой божественной истины, т. е. с непобе-

димой силой. Этот закон есть всеобщий разум; слово есть его орган; печать — его апостол; он распространяется по миру с непогрешимостью и интенсивностью новой религии; он стремится переделать по своему образу религии, цивилизации и общества и перестроить последние на равенстве и братстве...»

Знаменитая леди Эсфирь Стенгоп (племянница знаменитого Питта, удалившаяся на гору Ливан) с полным основанием сказала виконту Марселлюсу и последний с таким же основанием повторяет ее слова:

«Что увижу я в Европе? Народы, достойные своих цепей, и королей, недостойных царствовать. Немного времени пройдет, и ваш старый континент будет потрясен до основания. Все в нем износилось: короли не имеют уже верного потомства; они падают, уносимые смертью или своими ошибками, и следуют один за другим, вырождаясь; аристократия скоро будет стерта с лица земли и уступит место презренной и мимолетной буржуазии, бесплодной и бессильной; один только народ, но народ, который обрабатывает землю, сохраняет еще свои характерные черты и некоторые добродетели. Содрогайтесь, если он когда-либо осознает свою силу!»

Бывший префект Билльяр с правом восклицает:

«Разве вы не видите, как старые монархии рушатся? Со всех сторон раздаются только

республиканские призывы. Республика — во всех умах. Скоро она вновь появится, могучая и лучезарная».

А сам Гизо — разве вы не слышите его признания:

«Все, с удовольствием или прискорбием, согласны признать, что существующее общество демократично и что демократическая система завоюет его окончательно. Старый режим пал под ударами демократии. Страшное падение, но час его был записан в велениях бога».

И не слышите ли вы пророческого голоса Ламенне:

«Будьте готовы, ибо времена приближаются... Короли будут рычать на своих тронах; они будут стараться удержать обеими руками короны, уносимые бурей, и будут сметены вместе с ними».

А Наполеон, не предсказывал ли он на краю могилы, что Европа, быть может, станет республиканской?

Вы видите, следовательно, противники принципа общности, что времена равенства и демократии приближаются.

Энтузиазм собрания помешал мне заметить смущение Антонио и его товарищей.

Глава одиннадцатая

ПРОГРЕСС ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПРОИЗВОДСТВА

Динар был бледен. Я подбежал к нему, чтобы узнать причину этого, и когда он сказал мне, что это только усталость, я предложил ему прекратить беседу, но он решил продолжать, сократив только время беседы.

— Противники принципа общности! — сказал он (голосом, слабость которого, видимо, увеличивала интерес его слушателей).— Настоящий век есть не только век демократии и равенства,— это также век промышленности и производства.

Чтобы убедить вас в этом, мне достаточно сказать: откройте глаза, посмотрите кругом себя, здесь, в нашей Икарии; осмотрите наши огромные мануфактуры и наши бесчисленные машины, ознакомьтесь со статистикой наших гигантских производств; посмотрите на наше изобилие и наше благосостояние.

Однако я хотел вас убедить иначе, представив вам картину настоящего положения

промышленности в Европе и в ваших собственных странах.

Я хотел сделать для вас беглый очерк истории открытий, наук и искусств, промышленности и торговли и показать их зарождение, их медленный прогресс до вторжения варваров, их состояние у народов древности, в Азии и Египте, в Тире и Карфагене, в Греции и Риме, в Сиракузах и Марселе.

Я хотел показать вам их возрождение после долгого нашествия варваров, гибельные последствия которого я изобразил вам третьего дня. Арабы изобрели ветряные мельницы и часы и распространили в Испании свою архитектуру и буквы алфавита, заимствованные из Индии и принятые всей Европой. Один константинопольский император специально посылал людей искать в Китае шелковичных червей и изучать там искусство изготовления шелка, которое затем было перенесено на Запад. Грек Каменик изобрел «греческий огонь» для сожжения магометанского флота, как Архимед изобрел с целью уничтожения римского флота при Сиракузах сорок машин, тайну которых он унес с собой в могилу. Лангобарды изобрели вексель. Карл Великий и великий Альфред призвали ученых во Францию и в Англию. Один папа послал в Китай, чтобы добыть компас.

Я хотел вам показать, как крестовые походы оживили торговлю и промышленность, особенно в Италии, Венеции и Генуе, и принесли с собой все искусства Востока; как

изобретение книгопечатания и бумаги упрочило и распространило все открытия; как взятие Константинополя повлекло за собой переход скульптуры и живописи в Италию; как открытие мыса Доброй Надежды привело европейцев в Индию, Японию и Китай и перенесло на Запад новые виды производства этих промышленных стран; как открытие Америки и европейские колонии в Азии, Африке и в Новом мире дают снова сильный толчок судоходству, торговле и промышленности.

Я хотел проследить вместе с вами ускоренный ход развития человеческого ума со времени этих последних великих событий и со времени Реформации, т. е. в течение трехсот пятидесяти лет, что является одним моментом в сравнении с прошлым существованием человечества.

Я хотел указать вам на великие эпохи Медичи во Флоренции, Льва X в Риме, Франциска I во Франции, Генриха VIII и Елизаветы в Англии, Сюлли при Генрихе IV, Ришелье при Людовике XIII и Кольбера при Людовике XIV, на великие усилия, порожденные республикой и революцией в 1649 г. в Англии, революцией и республикой в Америке, революцией и республикой во Франции, морской и континентальной блокадой.

Я хотел показать вам, как всюду возникают школы, университеты, академии литературы и в особенности академии наук, музеи

искусств и музеи ремесел, как выдаются награды изобретателям и устраиваются торжественные выставки продуктов промышленности, я хотел указать вам на научные экспедиции, организацию всемирной республики ученых, на их конгрессы, их переписку, сочинения и журналы и новые системы народного и всеобщего воспитания.

Я хотел вместе с вами проследить историю изобретателей, в особенности тех, кто открывал пути другим: обоих Беконов (один — монах с 1294 г., другой — английский канцлер в 1590 г.); Галилея, Кеплера, Коперника; Декарта и Локка; Лейбница и Ньютона; Папина, Уатта и Фультона...

Я хотел вам указать на прогресс в науках и искусствах, в философии, которая охватывает все, в математике, астрономии, физике и химии; в геологии, минералогии и естественной истории; в анатомии, физиологии, медицине, хирургии, ботанике и фармации; в истории и литературе; в трагедии, комедии и музыке; в рисовании, скульптуре и живописи.

Я в особенности хотел изложить вам успехи наук и искусств в практическом применении математики, астрономии, физики и химии к навигации, земледелию, мануфактурам, промышленности и, в частности, к механике и машинам.

Я хотел вам принести список открытий, сделанных в последние триста пятьдесят лет, всех новых машин и всей суммы возможного

ныне в большой стране производства для обеспечения всего народа пищей, одеждой, жилищем, обстановкой и транспортом.

Я хотел доказать вам, наконец, не только то, что промышленность по своей производительности более могущественна, чем когда-либо прежде, но что она достаточно могущественна, чтобы осуществить равенство изобилия и благосостояния.

Но я слишком устал, чтобы взяться теперь за эту задачу.

Впрочем, вы можете просмотреть таблицы, изданные нашей республикой и дающие понятие о развитии наук и искусств, об их успехах, изобретениях, и изобретателях, о сочинениях и машинах.

Позвольте мне ограничиться лишь несколькими замечаниями. Я вам скажу только: примите во внимание открытие силы пара, изобретение машин в Англии, Америке, Франции и Икарии; чудеса, которые создаются здесь нашей системой образования и нашей системой содействия открытиям.

Взвесьте значение пара, который замещает все другие движущие силы: ветер и воду, лошадей и людей; тысячи применений его к машинам всякого рода, к судам, вагонам на железных дорогах и повозкам на желобчатых дорогах.

Посмотрите машину, настолько сильную, что она может перевезти пятьсот пассажиров из Лондона в Нью-Йорк, за тысячу пятьсот лье, в четырнадцать дней, другую, которая

может перевезти тысячу человек из Парижа в Тулон, на расстояние в двести лье, в двадцать часов, и тысячи машин, перевозящих в один день два или три миллиона людей на расстояние в пятьдесят лье.

Посмотрите, как исчезают расстояния, время, трудности и почти все издержки для перевозки рабочих, сырых и обработанных материалов.

Посмотрите громадные размеры построек, новых распашек и промышленного производства в Америке, где каждые десять лет создают, так сказать, новую страну и новый народ.

Посмотрите в особенности на колоссальные размеры промышленного производства в Англии, где гигантские мануфактуры и бесчисленные машины производят в десять раз больше, чем нужно для страны, и достаточно для большей части стран всего мира.

И судите, как развились бы во Франции и в этих странах мануфактуры, машины и производства, если бы правительства, в полном согласии с народами, располагали всеми национальными силами и имуществом, чтобы организовать и вести промышленность.

Судите о массе открытий, которые сделаны были бы в короткое время в этих странах, если бы они хотели воспользоваться нашими открытиями в Икарии, если бы они признали нашу систему образования и если бы, как у нас, правительства побуждали всех граждан делать открытия и изобретать машины, об-

легчая им проведение всяких опытов и испытаний.

Судите сами, сколько могла бы, например, Франция производить и выработать, если бы правительство, желая организовать систему общности и довести производство до наивысшей степени, созвало на общий съезд пять или десять передовых представителей каждой науки, каждого искусства и каждого ремесла, всех Араго Европы и Америки.

Судите, наконец, какую новую огромную силу приобрела бы промышленность, если бы, как мы надеемся здесь, человек мог подчинить своей воле электричество, как пар, и применить его, как пар, ко всем машинам с большей мощностью, меньшими трудностями и меньшими издержками.

Нет, не следует разумному человеку говорить, что равенство состояний или общность имущества были бы для Франции, Англии или Америки равенством нищеты.

И заметьте хорошенько! Великие открытия в науках и промышленности производят не только научные и промышленные революции, но также и революции социальные и политические, ибо все сочетается, все связано или, вернее, все смешивается в природе, в этом огромном единстве, в котором мы различаем отдельные элементы только для того, чтобы помочь слабости нашего разумения. И хотя мы различаем торговлю и промышленность, промышленность и свободу, свободу и равенство, разве все это не есть в действительно-

сти одно и то же или, по крайней мере, единый взаимно связанный и постоянный процесс? Разве промышленность не действует на торговлю и торговля на промышленность? Разве промышленность и торговля не влекут за собой свободу, а свобода не порождает промышленность и торговлю? Разве свобода не есть мать или дочь равенства, как равенство, в свою очередь,— дочь или мать свободы?

Разве открытие компаса, пороха и, в первую очередь, книгопечатания не вызвало одновременно три социальные и политические революции и три промышленные и торговые революции?

Разве пароходы не производят революции в морской войне, а следовательно и в политике, как в навигации и торговле?

А железные дороги! Железные дороги, превращающие, так сказать, каждое государство в один большой город, а города и провинции в кварталы и его большие дороги в улицы,— железные дороги, которые могут в один день перевезти весь народ в столицу и постепенно перевезут его туда целиком (ибо какой француз, например, не захочет видеть Париж, когда ему легче будет поехать туда, чем прежде куда-нибудь за четыре или пять лье от своей деревни?), которые будут перевозить в двенадцать или тринадцать часов англичан из Лондона в Париж и французов из Парижа в Лондон, которые смешают все народы более полным и быстрым об-

разом, чем это возможно было в какую-либо другую эпоху,— разве эти железные дороги, говорю я, не произведут неисчислимой по своим последствиям революции в торговле и промышленности?

Когда, например, привычка путешествовать станет общей, когда будут насчитывать путешественников своих и иностранных тысячами вместо дюжин, когда негоцианты, промышленники и ученые будут ездить за двести или триста лье, чтобы остановиться на несколько часов, закончить какое-либо важное дело и затем вернуться к себе домой, к своим основным занятиям, рассчитывая на твердые установленные сроки отъезда и прибытия, не теряя даже четверти часа,— как можно будет тогда сохранить чудовищные препятствия паспортной системы, жандармских осмотров, городских и пограничных таможен? Это вызвало бы настоящие бунты путешественников.

Как можно будет сохранить монополию почтовой корреспонденции?

Какое значение могут иметь препятствия, которые ставятся печати, когда сотни миллионов брошюр и журналов можно будет перевозить каждый день в карманах путешественников, а правдивые сведения о фактах и разных мнениях будут получаться отовсюду и распространяться с быстротой ветра?

Да, машина, которая вызывает дрожь, когда слышишь издали ее рев или видишь, с какой силой и скоростью она приходит и

уходит, носит в своих недрах тысячи маленьких революций и великую социальную и политическую революцию!

Да, наиболее могучие пропагандисты и наиболее великие революционеры — это Иисус Христос, Лютер, изобретатель книгопечатания и изобретатель паровой машины.

Им должна демократия воздвигать статуи!

И эти статуи должен воздвигнуть народ!

И когда прусский король воздает военные почести одному из изобретателей книгопечатания, когда первый министр Англии, лорд Ливерпуль, становится во главе подписки на памятник одному из изобретателей паровой машины, их увлекает нечто вроде рока, ибо пар взорвет аристократию.

И теперь, когда пар производит все свои чудеса в Америке и Англии, ничто не может лишить паровой машины Францию и весь мир. Можно сказать, что ее посылает провидение, которое кричит аристократии:

«Берегитесь, берегитесь! Вот идет паровоз! Берегитесь, берегитесь! Уступайте место демократии!»

А завтра вы услышите, что говорят философы.

И можно было думать, что собрание слышит или видит огромную машину, которая на длинной цепи вагонов везет тысячи реформ, сопровождающих равенство.

Глава двенадцатая

МНЕНИЯ ФИЛОСОФОВ О РАВЕНСТВЕ И ОБЩНОСТИ ИМУЩЕСТВА

— Вы, противники общности, утверждаете, что в ее пользу имеется только несколько мнений, шатких и не внушающих доверия. Так вот! Я перед вами допрошу историю и всех философов. Слушайте!

Не стану говорить о нескольких древних народах, которые, по словам Платона, Аристотеля, Диодора Сицилийского, Юстина, Цезаря и Тацита, практиковали в их время или до них общность имущества, пищи и даже женщин, а именно о древних египтянах и греках, жителях острова Цейлона, скифах, амазонках, липарийцах, ахеянах, ваксеях, сирминиях, древних народах южной Италии и германцах.

Не буду также говорить ни о евреях, у которых существовало равенство состояний и общество иессеев, установивших у себя общность имущества, ни об египетских священниках, которые жили сообща, ни о Миносе, установившем в подражание им

общность имущества на Крите (1000 лет до рождества Христова), где ее заимствовали Ликург и Пифагор, чтобы ввести в Спарте и в Италии.

Не стану говорить вам также о Конфуции и Зороастре, которые, один в Китае, а другой в Персии, задолго до Иисуса Христа провозгласили принцип нравственности, уже сам по себе ведущий человечество к совершенству: «Не делай другому того, чего ты не хочешь, чтобы он делал тебе. Делай другим то, что ты желаешь, чтобы они делали тебе».

Ликург добивается от богатых добровольного отказа от своей собственности и делит все земли на тридцать девять тысяч участков для тридцати девяти тысяч граждан, не имеющих права их отчуждать, отменяет роскошь и деньги, устанавливает равенство состояний и воспитания, даже совместные развлечения, трапезы, воспитание и все прочее (845 лет до рождества Христова).

И таким же образом устанавливает равенство и почти общность имущества брат короля, могущий сам стать королем, на деле носитель всенародной власти.

И он устанавливает его с согласия богатых и аристократии, с одобрения дельфийского оракула.

И этот общественный и политический строй существует пятьсот лет, подняв Спарту на самую высокую ступень могущества, славы и процветания, вызывавших удивле-

ние Ксенофонта, самого Аристотеля и всей Греции.

А теперь перейдем к Агису и Клеомену.

Конституция Ликурга была отменена, когда Лизандр, победитель афинян, принес в Спарту огромную добычу и было разрешено дарить или продавать свой удел.

Как только страсть к золоту и серебру обуяла жителей государства, как только богатства породили жадность, роскошь, изнеженность, мотовство и наслаждения, Спарта пала до состояния бессилия, низости и унижения, которое длилось почти триста лет, до вошарения двух царей, Агиса и Леонида.

В ту эпоху в городе осталось только семьсот коренных спартанцев, и из этого числа сто владели всеми землями и всем имуществом, а шестьсот остальных были обременены долгами и нуждой. Обуреваемые ненавистью и завистью, последние отказывались защищать страну и постоянно мечтали о революции.

Молодой царь Агис, хотя и более богатый, чем все другие лакедемоняне вместе взятые, и воспитанный в роскоши и наслаждениях, поставил себе задачей реформировать свое отечество и восстановить старую конституцию Ликурга, т. е. равенство и общность имущества.

Он начал с того, что старался узнать мнения своих сограждан и подавать пример простоты и воздержанности.

Он завоевал расположение молодежи, при-

влек на свою сторону мать, которая была безмерно богата, и трех наиболее влиятельных лиц, главным образом Агезилая, своего дядю; но другой царь — Леонид, другие богачи и в особенности женщины, владевшие почти всеми землями в сельских местностях, воспротивились реформе и пытались оклеветать доброго и благородного Агиса.

Однако он предложил реформу — отмену долгов и раздел земель, но сенаторы отвергли его проект.

Агис собрал тогда народ и объявил, что отдает в общую собственность все свое состояние, и семья его, как и его друзья, принадлежавшие к числу богатейших спартанцев, последовали его примеру. Но Леонид и многие богачи открыто восстали против реформы, и сенат отверг ее большинством одного только голоса, тогда как народ требовал ее вместе с Агисом.

Леонид был обвинен одним из эфоров, низложен за отказ явиться, заменен своим зятем, был осужден и бежал. Агис помогал его бегству и спас ему жизнь.

Затем дядя Агиса, Агезилай, сам по уши в долгах, коварно предложил сперва только отменить долги, и когда эта отмена, которая его обогащала, была решена, он злоупотребил своей властью эфора, стал постоянно отсрочивать раздел земель с целью сохранить свои земли и взимал новые налоги в то время, когда Агис, руководивший военными операциями, был в отсутствии.

Осмелевшие вследствие недовольства народа богатые призвали народ и восстановили Леонида, и Агис, опасаясь последнего, был вынужден искать убежища в храме Минервы.

Трое негодяев, которые называли себя его друзьями и хотели захватить его имущество, сговорились между собой предать его и выдать Леониду. При помощи дружественных уверений и изъявлений преданности они убедили его оставить храм, захватили его и бросили в соседнюю тюрьму. Леонид сейчас же примчался с чужеземными солдатами и назначенными им эфорами, и с частью сенаторов, высказывавшихся против реформы. Организовав суд, они обвинили Агиса в желании изменить конституцию. «Вас, наверное, принудили,— сказал ему один из так называемых судей,— и вы раскаиваетесь в том, что вы сделали?» — «Нет,— отвечал Агис,— восхищенный Ликургом, я хотел подражать ему и восстановить его законы, и я никогда не буду раскаиваться в таком прекрасном, благородном, добродетельном предприятии, если бы даже смерть стояла предо мной».

Они тотчас же приговорили его к смерти. И так как народ собирался вокруг его тюрьмы и хотел освободить его, то они задушили его в тюрьме. Когда его мать и бабушка прибежали в слезах, они ввели их в тюрьму и задушили обеих без всякого даже подобия суда.

Народ был возмущен, но Леонид и богачи все же сохранили власть и богатство.

Так погиб царь Агис, преданный богатыми, убитый царем, который был обязан ему жизнью, и несколькими сенаторами только за то, что хотел восстановить в Спарте равенство и общность.

Но вот Клеомен.

После смерти Леонида его сын и наследник, молодой царь Клеомен, воодушевленный своей молодой женой, вдовой Агиса, продолжал дело последнего.

Но, убежденный, что его постигнет судьба Агиса, если он потребует согласия богатых, Клеомен решил употребить силу и прежде всего приобрести военную славу.

После нескольких побед он вступил в Спарту во главе части своих солдат, убил пять эфоров, изгнал восемьдесят богачей, собрал народ, отдал отчет в своих действиях и мотивах, выразил сожаление, что вынужден был употребить насилие, предложил отмену долгов и раздел земель и подал пример, отдав свое имущество в общую собственность.

Вскоре старые нравы ожили в Спарте, она заняла свое высокое место в Греции, и Клеомен, одержавший много новых побед, стал одним из самых знаменитых царей.

Вот, следовательно, три государя — Ликург, Агис и Клеомен, много аристократов и богачей и оракул, соглашающиеся на раздел земель и общность имущества.

Солон, богач, первый человек по своему рождению, имуществу и образованию, получив поручение составить конституцию для своего отечества, хочет подобно Ликургу (549 г. до рождества Христова) установить раздел земель и равенство состояний, но из-за сопротивления аристократии ограничивается тем, что отменяет долги и устанавливает политическое равенство.

Современник его Пифагор, которому поклоняются как богу, предпринимает великую реформу, основанную на воспитании, и учреждает в Кротоне многочисленное общество, ставящее себе целью изучать, осуществлять и распространять принципы равенства, братства и общности имущества.

Тиранам и аристократам Сицилии и Италии удастся оклеветать, подвергнуть преследованиям и рассеять пифагорейцев (540 г. до рождества Христова), но из этой школы выходит множество знаменитых людей и законодателей, исповедующих и распространяющих ее учение, а именно Эмпедокл из Агригента, Парменид, Зенон, Селевк, Харонд и Протагор, проповедующий в Афинах (444 г. до рождества Христова) доктрину равенства и излагающий план республики, основанный на общности имущества.

Но Сократ и его ученик Платон предпринимают преобразование Афин и Греции: один — проповедуя, другой — написав «Республику» и «Законы».

Оба признают с самого начала, что «твое»

и «мое», т. е. собственность, есть причина всех зол, гнетущих человечество.

Они устанавливают в принципе единство государства, равенство и братство между гражданами, воспитание для всех, уничтожение роскоши и денег, суверенитет народа, всеобщее голосование, выборы для всех и целью общества и общественного представительства — достижение общего благосостояния.

Считая необходимой известного рода выборную аристократию, составленную из правителей и воинов, на которых возложена обязанность управлять республикой и защищать ее от внешних врагов, они допускают различные законы для народа и аристократии.

Для народа они выдвигают следующие требования: равный раздел земель, неотчуждаемость земельной собственности, предел для приобретения движимости; отмена приданого и завещаний; одинаковые жилища; общее воспитание,— одним словом, не настоящую общность имущества, но только полное равенство в имуществе и во всем.

Что касается аристократии, которая должна посвятить себя счастью народа, то с целью сделать ее более совершенной и оградить ее от всех искушений личного интереса, они предлагают, чтобы она составляла общую семью, требуют для нее общности имущества и общности во всем: общности жилища, трапезы, детей, почти общности жен,

воспитания, деятельности внутри страны и опасностей на войне.

Они предлагают общность детей, так как они хотят, чтобы дети уже со дня рождения были помещены в общем здании, где женщины будут кормить безразлично всех детей и все будут воспитаны как дети отечества, не зная ни своих отцов, ни даже матерей, вынужденные поэтому считать друг друга братьями, иметь ко всем мужчинам и ко всем женщинам одинаковую сыновью привязанность, тогда как все мужчины и женщины будут питать к этим детям одинаковую отеческую или материнскую нежность.

Они хотят почти общности женщин, потому что, хотя они и устанавливают брак как священный союз и супружескую верность как священную обязанность, они хотят, чтобы все браки заключались и возобновлялись каждый год по жребию и чтобы каждая женщина могла иметь последовательно пятнадцать или двадцать различных мужей, как каждый мужчина — пятнадцать или двадцать супруг.

Вот то, что ошибочно называли общностью женщин, ибо это только браки на короткий срок, обставленные самыми строгими принципами целомудрия, чистоты, религии и патриотизма.

Какой бы странной ни казалась нам эта идея при нашем воспитании, наших нравах, навыках и предрассудках, в ней не было ничего шокирующего в то время, когда челове-

чество имело совершенно различные представления о женщинах, стыдливости, целомудрии и приличии, в такое время, когда все мужчины и все молодые девушки появлялись совершенно нагими в гимнастических заведениях, на играх и празднествах. Ведь не для современной Европы, а для своей страны и для своей эпохи Сократ и Платон придумывают свою систему общности, и если бы они жили в наше время, они, наверное, не предложили бы ни общности детей, ни браков по жребию и на короткий срок, так же как они не предложили бы рабства.

Исключим поэтому из их республики то, что касается женщин и детей, и отметим только, что они хотят равенства и общности. Послушаем, что они говорят. *

«Нужно добиваться благосостояния для всех, без избытка и без бедности.— До настоящего времени каждая страна состоит из двух враждебных народов: богатых и бедных.— «Мое» и «твое» — причина всех зол общества.— Одна только общность может быть средством против зла.— Пословица говорит, что между друзьями (а все люди братья) имущество должно быть общим.— Но возможно ли осуществление этой общности? Можно в этом сомневаться. Однако я указываю реформу, представляя план образцовой республики.— Все изменилось бы в го-

---

* Все следующие цитаты верно передают смысл и сущность их учения.

сударстве, если бы философы управляли или если бы правители были философами. Но до тех пор, покуда мудрость и власть не будут соединены, нельзя надеяться, что род человеческий, вечная игрушка честолюбия и жадности своих господ, увидит конец всех бедствий и что солнце будет освещать такую республику, как наша: человечество останется несчастным.— Его несчастья будут вечны, покуда правители и воины будут иметь какую-нибудь собственность.— Но когда-нибудь, где-нибудь найдется какой-нибудь царь-философ... и тогда установится общность».

И кто эти люди, провозглашающие эти принципы между 400 и 350 гг. до рождества Христова?

Это две прекраснейшие души, лучшие сердца и два величайших человеческих ума, два независимых и бескорыстных философа, которые руководятся только вдохновением своего гения и любовью к отечеству.

Это Сократ, которого дельфийский оракул назвал самым мудрым из людей; его почитали после смерти почти как бога, и потомство чтит его как самого добродетельного и возвышенного философа. Преследуемый как революционер языческими священниками, он проявил героическое мужество пред казнью и ответил своим судьям:

«Не следует придавать никакой цены ни жизни, ни смерти, если только можно быть полезным людям... Я считал своим назначением просвещать их; я считал, что получил

миссию на то от самого неба. Я должен мужественно охранять место, которое предназначили мне боги... Я пойду еще дальше. Если бы я был освобожден с условием хранить молчание, я сказал бы: «О, мои судьи, я вас люблю и уважаю, но я должен повиноваться богу больше, чем вам. Пока я буду дышать, я не устану повторять: разве вы не стыдитесь гнаться за богатствами и почестями, в то время как вы пренебрегаете сокровищами мудрости и добродетели?»

Платон, названный божественным, также не испугался преследований, выступая в защиту своего учителя, отомстив за него и опубликовав массу сочинений о реформе. Он был встречен с триумфом в Сиракузах. К числу его учеников принадлежал знаменитый Дионисий, государь Сицилии и освободитель своего отечества. Платон был основателем Академии, главой самой многочисленной и самой славной школы. Многие народы просили его быть их законодателем,* но он отказался дать им конституцию, потому что они не хотели отказаться от неравенства состояний. Учение Платона подготовляет учение Иисуса Христа или, по крайней мере, скоро смешается и сольется с ним.

И вот я вас спрашиваю: есть ли среди тех, кто позволяет себе отвергать, не говорю — частности, а принципы учения Сократа и Пла-

---

* Жители Фив, Аркадии, Кирены, Сиракуз, Крита, Элеи, Пирея и т. д.

тона, хотя бы один, кто мог бы сравняться с ними по одаренности, независимости, бескорыстию, добродетели, любви к человечеству, преданности и мужеству?

Им противопоставляют Аристотеля, ученика Платона, наставника Александра, основателя Лицея, живую энциклопедию этой эпохи, сочинения которого снова появились на Западе после Крестовых походов, и его цитировали как оракула в школах задолго до того, как в них ознакомились с Платоном.

Правда, в своем трактате «Политика» Аристотель подвергает критике коммунизм Платона, поскольку он касается женщин и детей и даже имущества.

«Должны ли быть,— говорит он,— все имущества общими и принадлежать народу?— Собственность более ценна при хороших законах и хороших нравах (как будто собственность не является сама препятствием для хороших законов и хороших нравов!). Наилучшее — это собственность и общность совмещенные и слитые, как в Спарте, где пользование собственностью было общим согласно пословице: добродетель делает пользование имуществом между друзьями общим. Впрочем, общность кажется абсолютно невозможной и неосуществимой: никогда нельзя будет основать государство, если не начать с разделения людей на классы и с раздела земель».

И это робкое и скептическое «кажется невозможной» (опровергнуто примером Перу и

Парагвая) превратили в следующую аксиому: общность невозможна и неосуществима.

Но какой вес может иметь против авторитета двух людей, углубивших и обсудивших вопрос, это столь неопределенное мнение наставника и друга деспота, касающегося всего, не будучи в состоянии все углубить, не приводящего доказательств, одобряющего рабство и отказывающего в правах гражданства мелким торговцам и рабочим?

«Никогда,— говорит он,— хорошо устроенное государство не сможет сделать из ремесленника гражданина, ибо ремесленник — раб народа».

А впрочем, посмотрите, как его принципы сближаются с принципами Сократа и Платона относительно равенства состояний и даже общности имущества.

Он не хочет ни избытка, ни бедности, ни чтобы одни имели слишком много, а другие мало, но он хочет среднего достатка для всех, а следовательно равенства или почти равенства. Он считает неравенство причиной всех революций. Он хочет установления республики, которую он называет настоящей «золотой серединой»; он хочет суверенитета народа и всеобщего голосования. Он хочет общественных общих и бесплатных трапез и обобществления части национальных земель, отведенных с целью заготовления продовольствия для этих трапез и кормления народа. Он хочет даже общности пользования, как в Спарте, для части земель, разделенных меж-

ду гражданами и неотчуждаемых, чтобы право собственности было только правом владения.

Можно, следовательно, сказать, что по существу Аристотель разделяет воззрения Сократа и Платона и что он принял бы общность имущества, если бы знал какую-нибудь лучше организованную систему общности, чем система его учителя.

Впрочем, среди собранных им двухсот пятидесяти конституций он с похвалой приводит некоторые из важнейших конституций, построенных на принципе равенства состояний или устанавливающих, как в Карфагене, общие трапезы.

Обратимся теперь к Гракхам в Риме.

В то время когда Рим уже утопает в богатствах двадцати покоренных народов, когда патриции, захватившие все, владеют неизмеримыми поместьями, бесчисленными рабами и огромными состояниями,— народ, своей кровью оплативший все эти завоевания, испытывает только крайнюю нищету, которую делает еще более тяжелой зрелище крайней роскоши.

Тиберий Гракх и брат его Кай, народные трибуны, предпринимают, подобно Ликургу и Солону, реформу этого чудовищного злоупотребления и требуют приведения, наконец, в исполнение закона, запрещающего владеть участками более чем в пятьсот арпанов и дозволяющего республике отбирать излишек, возмещая его стоимость.

«Дикие звери,— говорят они,— имеют свое логовище, а у римских граждан, которых называют властителями мира, нет места, где приклонить голову, нет даже пяди земли для могилы».

Патриции тщетно ссылаются на давность владения. Закон принимают. Он постановляет, что будут отобраны с возмещением стоимости излишки сверх пятисот арпанов, будут отобраны даже земли, захваченные республикой, к ним присоединят сокровища, завещанные римскому народу пергамским царем, и все будет разделено между бедными.

Но патриции склонны прибегнуть ко всяким насилиям, лишь бы помешать осуществлению реформы. Чтобы добиться успеха, они пускают в ход ложь и клевету.

Так как Тиберий добился продления своего трибуната, то враги обвинили его в том, что он честолюбец и льстит народу, дабы сделать из него орудие своего честолюбия, и стремится к тирании. Под этим вероломным предлогом сенаторы в сопровождении своих клиентов являются на Капитолий, где собрался народ, и бросаются на трибуна, который погибает вместе с тремястами друзей под ударами убийц. Немного спустя Кай также погибает вместе с тремя тысячами своих приверженцев, публично перебитых патрициями, которые бросают их трупы в Тибр. А бедняки, обманутые клеветой богатых, прельщенные и подкупленные их день-

гами, покидают этих двух наиболее преданных своих друзей, которых они сперва боготворили, чтобы довериться своим врагам. Убийцы прощены. Память жертв запятнана. И народ остается при своей нищете, потому что аристократия сохраняет свои огромные богатства.

А кто были эти Гракхи? Победившие враги честят их смутьянами, анархистами, врагами народа, грабителями и разбойниками, как священники и богатые третировали Пифагора, Сократа, Агиса и самого Иисуса Христа. Но истина, рано или поздно разоблачающая клевету, воздает теперь честь возвышенной добродетели двух людей, славных своим происхождением и посвятивших себя делу народа и человечества.

Но вот бог, вот Иисус Христос, пришедший проповедывать равенство, братство, общность имущества. В продолжение трехсот или четырехсот лет, следующих за его явлением, все или почти все философы — христиане или платоники, и все принимают и пропагандируют общность имущества. А когда христианство принято было Константином, все священники публично проповедывали общность, и миллионы, сотни миллионов христиан осуществляли эту общность, которую Аристотель считал невозможной и неосуществимой.

Так вот, старайтесь не забыть этот громаднейшей важности факт. Думайте, размышляйте о нем неустанно! Вы все, кто

смотрит на Иисуса Христа как на бога, как можете вы отвергать равенство, братство и общность имущества, предписанные богом? Как осмеливаетесь вы не повиноваться ему? Что представляет собой мнение избирателей, депутатов, пэров, королей и народов в сравнении с велением бога?

Аристократы и придворные, окружающие императора Грациана, также говорят, что общность невозможна, когда Плотин требует уступки ему небольшого разрушенного города и разрешения испытать там общность Платона. Он хочет основать республику философов и построить город, который он собирается назвать Платонополем. Но мнение аристократов и императорских придворных не может, конечно, итти в сравнение с мнением философа, который, несмотря на то, что они его называли безумцем, имел многочисленных последователей и знаменитых учеников и пользовался такой замечательной репутацией, что достославный Порфирий сравнивал его с Иисусом Христом.

Пифагореец Аполлоний Тианский также проповедует равенство, братство людей и народов и общность имущества, а александрийская школа считает его сыном бога и противопоставляет его Иисусу Христу. Согласно этой знаменитой школе, приход его возвещается как приход восстановителя человеческого рода; его рождение, юношество, вся его жизнь отмечены чудесами; он обладает всеми совершенствами души и тела; он

знает все языки; он обходит все страны и владеет мудростью всех народов и, повторяю, этот так называемый бог также провозглашает равенство, братство и общность имущества.

Говорить ли мне вам о добром, добродетельном Плутархе, который ведет школу философии в Риме и исповедует учение Платона об общности, тогда как все христианские философы проповедуют ее во имя Иисуса Христа?

Правда, основывая тысячи религиозных общин, христианские священники хотят захватить для них все богатства, становящиеся их собственностью; варвары также отвергают общность имущества. Но честолюбие и жадность священников и аристократов, так же как и жадность варваров, конечно, не может служить доказательством против общности.

Как жаль, что я не могу привести вам мнение всех отцов церкви и суждения соборов по вопросу о равенстве и общности.

Но вот с 1143 г. Арнольд Брешианский проповедует в Риме реформу и возврат к учению Иисуса Христа и Платона, т. е. к равенству, братству и общности имущества.

Вспомните тысячи вальденсов и альбигойцев во Франции, английского проповедника, за которым следуют сто тысяч человек, доктора Виклефа и тысячи лоллардов в Англии, Яна Гуса и тысячи гуситов в Германии. Все они проповедуют или принимают все то

же учение и готовы перенести ради него всяческие казни.

Все они подвергнуты сожжению на костре, или перебиты, или принуждены к молчанию. Но реформа все же в конце концов восторжествует.

И еще до этой реформы, когда была открыта Америка, в ней находят огромную империю, в тысячу триста лье протяжения, Перу, в которой уже свыше четырехсот лет осуществлены равенство состояний и общность имущества, «в которой никогда не видишь,— говорит Робине, * — ни лентяев, ни воров, ни бедных, ни нищих; явление, которое кажется противоречивым всем наиболее ясным истинам. Этот общественный и политический строй оставляет позади все построения античных философов, ученых и законодателей, прославляемых в истории древнего мира».

Но вот и Томас Мор, который в своей «Утопии» повторяет вместе с Сократом и Платоном, что собственность есть причина всех зол и нет другого средства, кроме республики и общности имущества.

«Утопия» Мора — роман, ставящий целью показать общность в действии, общность, в которой отсутствуют деньги, но в основу которой положено воспитание, коллективный труд, полное равенство прав, имущества и благосостояния.

---

* «Библиотека государственного человека».

«В других местах,— говорит Мор,— можно видеть благородных и т. д., которые богаты и счастливы, тогда как бедные рабочие несчастнее вьючных животных... Богатые под видом законности грабят и насилуют бедных. Когда я рассматриваю все эти республики (common-wealths), почитаемые цветущими, которые покрывают землю, я вижу в них только своего рода заговор богатых с целью все захватить под прекрасным предлогом общественного блага, удержать все, что они собрали незаконным путем, грабить и эксплоатировать бедных... Как только богачи освятили свои захваты законами, ими написанными и выдаваемыми ими как якобы составленными в общем интересе, их захваты становятся законными... И, однако, эти злые богачи, все захватывающие, не так счастливы, как жители «Утопии», которые, уничтожив деньги, уничтожили все заботы, все пороки и все преступления... Иисус Христос, хорошо знавший, что́ лучше всего пригодно для человека, рекомендовал общность, и он распространил бы ее на весь мир, если бы гордость богатых не помешала ему в этом.

...Самолюбие, вероятно, помешает общности составить счастье рода человеческого... Но, хотя и без особенной надежды, я желаю, чтобы мир был устроен по образцу государства, изображенного в «Утопии». Такова, по существу, «Утопия» Томаса Мора.

В ней можно найти, несомненно, всякие недостатки, бесполезные или неудачные дета-

ли, непригодные для его времени и, в особенности, для нашего. Но это первое произведение, в котором принцип общности применяется к целой нации, и к великой нации. Это наиболее крупный шаг, сделанный независимостью разума, нравственностью, философией и политикой, и основные принципы «Утопии» кажутся нам самым крупным достижением человеческого разума и будущей судьбой человеческого рода.

В какую эпоху родилась эта великая идея?

В 1516 г., до Реформации, когда невежество и варварство не исчезли еще, когда церковный, королевский и аристократический деспотизм притеснял почти всю землю.

И кто автор этой «Утопии»? Пролетарий, анархист, революционер, атеист? Это человек, широкое образование которого, таланты и сочинения скоро делают знаменитым и чьи добродетели постепенно возвышают его до должности шерифа, члена тайного королевского совета, посланника, депутата, президента палаты общин, наконец канцлера Англии (первое место в королевстве после суверена), фаворита страшного Генриха VIII.

Ему уже исполнилось тридцать шесть лет, он занимает место посланника и прославился уже другими произведениями, когда он опубликовал свою «Утопию», и это сочинение не мешает Генриху VIII избрать его своим первым министром!

Эта «Утопия» вызывает удивление и восхищение ученого и философского мира, в

особенности за пределами Англии. * О ней так много говорят, она так хорошо известна, что название ее переходит в общеупотребительный язык, как новое существительное. Говорят всегда: утопия, когда хотят сказать, что речь идет о новом и воображаемом совершенстве, ибо короли и аристократы вполне признают, что введение «Утопии» было бы совершенством, но утверждают и повторяют при этом, что она так же неосуществима, как и государство Платона.

И присмотритесь, что за человек Томас Мор. Весьма религиозный, христианин, католик, убежденный, что папа есть единственный законный глава церкви, противник нарождающегося протестантизма, канцлер Англии предпочитает немилость своего короля и даже смерть — лжи! Генрих VIII объявил себя английским папой, отверг свою жену Екатерину Арагонскую, чтобы жениться на Анне Болейн, несмотря на противодействие папы, и приказал своим подданным принести ему присягу в том, что они признают его развод, брак и папство, а Томас Мор отказывается принести эту присягу и предпочитает подать в отставку, чем поступить против своей совести, высказав ложь. Его репутация мудрости и добродетели так велика и пример его может быть так зарази-

* До настоящего времени она вышла более чем в пятнадцати латинских изданиях, более чем в девяти английских, в трех французских и одном итальянском.

телен, что Генрих VIII приказывает арестовать его. Так как угроза судебного процесса, затем осуждения не оказала на Мора никакого влияния, то он осужден комиссией на смерть через повешение, на четвертование, когда он будет еще наполовину жив, на вскрытие живота, на сожжение внутренностей, на прикрепление четырех частей его тела к четырем воротам Лондона и на выставление его головы на мосту на пике. Так как угроза этой ужасной и варварской казни не могла у него вырвать требуемой присяги, то тиран заменил наказание простым отсечением головы, и бывший канцлер Англии погиб в 1535 г., как Сократ и Иисус Христос, вызывая всюду удивление как мудрец и почитание у католиков как мученик.

Таков автор «Утопии», друг знаменитого Эразма, который восторгается им, один из людей, чьи знания, мудрость и добродетели приносят великую честь Англии, один из гениев, наиболее бескорыстных и наиболее преданных друзей человечества (гораздо более достойный статуи, чем те, которые изобретают машину в погоне за состоянием), новый Ликург, Солон, Пифагор, Сократ, Платон и, я сказал бы, почти Иисус Христос.

И скажите, что представляют собой хулители «Утопии» в сравнении с Томасом Мором?

Я мог бы высказать те же соображения по поводу неаполитанского монаха Кампанеллы,

умершего в 1639 г., знаменитого своим умом и познаниями. Он провел двадцать семь лет в казематах инквизиции, считая тюрьму своей могилой, интересуясь исключительно счастьем человечества и обдумывая долго и без книг все его беды и средства против них, написал «Республику», или «Государство солнца», основанную, как государство Платона и Мора, на общности имущества.

И я вам мог бы перечислить и других деятелей того же рода. Но остановимся сначала на Реформации.

К сожалению, я не могу дать очерка учений Лютера, Цвингли, Кальвина, Сервета, ста других реформаторов или апостолов реформы. Вы увидели бы, что это опять-таки учение Платона и Иисуса Христа: равенство, братство, общность имущества.

Но послушайте священника Мюнцера, выступающего в Германии:

«Мы все — братья. Откуда же происходит эта разница рангов и имуществ, которую тирания ввела между нами и великими мира сего? Почему мы будем стенать в бедности и будем страдать от всяких зол, когда они утопают в наслаждениях? Разве мы не имеем права на равенство благ, которые по своей природе предназначены для распределения без всяких различий, между всеми людьми? Верните нам, богачи наших дней, жадные захватчики, верните нам блага, которые вы так несправедливо присваиваете себе! Не только как люди имеем мы право на

равное распределение благ богатства, но и как христиане.

Потребуем обратно нашу свободу с оружием в руках; откажемся платить налоги, которыми нас давят (ибо налог есть определяющая причина почти всех революций), и сделаем все блага общими!»

Принятый как пророк, Мюнцер скоро получает в свое распоряжение армию анабаптистов, сбегающихся со всех сторон Германии и провозглашающих общность имущества. Но три тысячи из них гибнут в сражении, другие рассеяны, а Мюнцер казнен.

Другие два апостола собирают более сорока тысяч анабаптистов в Швабии и Франконии и защищают с торжеством свое учение, пока не гибнут с энтузиазмом мучеников.

Иоанн Лейденский возобновляет борьбу, собрав другую армию, и захватывает город и епископство Мюнстер. Но епископ при помощи предателя берет его в плен, приказывает разодрать его тело раскаленными клещами и выставляет его труп в железной клетке на верхушке башни.

Все эти поражения не мешают тому, что Германия и Север наводняются анабаптистами. Но они в конце концов терпят поражение и подвергаются всюду преследованиям.

«Сколько размышлений возникает здесь (говорят авторы «Библиотеки государственного человека») по поводу ужасов фанатизма, злоупотреблений религии, необходимости

народного просвещения, а также из-за восстаний, вызываемых чрезмерными налогами, наглой пышностью богачей и крайней нищетой бедных!»

Что касается меня, то я привожу эти факты не для того, чтобы одобрять или порицать, а чтобы показать, сколько приверженцев имеют равенство и общность имущества.

Богатые борются с новаторами,— это понятно; они более искусны, лучше дисциплинированы и побеждают,— и это опять-таки вполне понятно. Война свидетельствует об отвращении, которое народ питает к неравенству, но победа не свидетельствует о справедливости неравенства.

Преследуемые всюду, анабаптисты превращаются в моравских братьев, которые отказываются от насилия, но сохраняют свою любовь к братству и организуют несколько общин, от тысячи до трех тысяч рабочих в каждой.

Но в Англии, где, начиная с 1381 г., один проповедник мог привести в Лондон свыше ста тысяч человек под знаменем равенства и где в 1399 г. доктор Виклеф мог образовать многочисленную секту лоллардов, сторонников общности имущества, учение анабаптистов, или моравских братьев, распространяется простым рабочим, Фоксом. Он основывает новую секту квакеров, из которой скоро выходят армии пуритан и уравнителей (левеллеров), тогда как все протестанты, т. е.

миллионы людей, принимают в том или ином виде принципы равенства, братства и общности.

И после этого осмеливаются еще говорить, что равенство имущества и общность не имеют сторонников!

И не только пролетарии, бедные и невежественные, но богатые и благородные, философы и священники исповедуют эти принципы.

Послушайте, например, Массильона и, в особенности, отца Бридена, громящих аристократию.

Послушайте Фенелона, епископа Камбре, и, в особенности, аббата Флери, который, рассказав об общности имущества, установленной Иисусом Христом и осуществленной его апостолами и первыми христианами, восклицает:

«Вот, следовательно, осязательный и реальный пример этого равенства имущества и этой общей жизни, которую законодатели и философы древности рассматривали как наиболее пригодное средство сделать людей счастливыми, но не могли этого осуществить... Они хорошо видели, что для создания совершенного общества нужно отменить «твое» и «мое» и все частные интересы. Но только милость Иисуса Христа могла изменить сердца и излечить испорченность натуры. Поэтому источником общности имущества среди христиан Иерусалима была благотворительность, делавшая всех братьями и объединявшая их как бы в одну семью, где все

дети кормятся на одни и те же средства заботами отца, который, любя всех одинаково, не оставляет их в нужде».

Возьмите иезуитов, организующих общность имущества и труда в Парагвае и осуществляющих ее у 29 народностей, составляющих 32 поселка, охватывающих 22 761 семью и 121 000 человек!

Возьмите также Пенсильванию, колонизированную анабаптистами, моравскими братьями, квакерами, устанавливающими там равенство, и немецкой сектой, думплерами, осуществляющими общность имущества в городе, ими построенном и названном Евфрат!

Но вернемся к эпохе Реформации и обратимся к философам и писателям.

Я не буду говорить вам ни о Бодене, первом политическом писателе нового времени, который в своей «Республике» объявляет равенство состояний невозможным, признавая в то же время, что богатство одних и нищета других являются причинами восстаний; ни о Ланке, который в 1581 г. провозглашает суверенитет народа и утверждает, что власть была доверена обществу только для того, чтобы оно защищало бедных против богатых. Я не буду говорить о канцлере Беконе, который в своей «Новой Атлантиде» требует, чтобы каждому обеспечили средства существования, считает, что нищета и недовольство являются причиной смут, и требует организации общества ученых, обязанных собирать все научные знания других

стран и производить всевозможные опыты, необходимые для достижения новых изобретений; ни о Ла Боэси, который пытается оживить республиканские принципы в своем «Трактате о добровольном рабстве».

Но я перехожу к голландцу Гроцию, бежавшему в Париж. Он считается самым ученым человеком своего времени, он возбуждает удивление и энтузиазм современников, отделяя естественное, или божественное, право от права человеческого; он первый дает полную систему естественного права и в своем «Трактате о войне и мире», опубликованном в 1625 г. и посвященном Людовику XIII, от которого он получал пенсию, он признает (хотя и желая услужить королевской власти, которая платит ему), что бог установил общность имущества и что эта общность земли существовала бы еще и доныне, если бы пороки не разорвали связь братской дружбы; он утверждает, что собственность является следствием раздела между всеми народами и последующего равного раздела между всеми семьями с условием, чтобы в случае крайней необходимости имущества всегда считались общими.

Немного позже, в 1636 г., англичанин Гоббс, также выступивший в защиту королевской власти против республиканцев, угрожавших ей в Англии, превозносит абсолютную монархию в своей книге, названной «De Cive» («О гражданине»), затем в своем «Левиафане», и утверждает, что человек от при-

роды зол. Однако он признает также, что люди равны по природе, что она всем дала право на все и что неравенство есть порождение общества и злой воли. «Кто предоставил,— говорит он,— ранг и собственность каждому отдельному лицу? Почему одни живут в изобилии, а другие имеют средний достаток или живут в нужде? Почему существуют хозяева, слуги и рабы? В силу злой воли людей!»

Но Харрингтон опровергает учение Гоббса об абсолютной монархии и публикует свою «Республику Океана» (1656), система которой могла быть немедленно осуществлена в Англии. Он надеется, что Кромвель примет ее; признавая, что наследственная аристократия и неравенство имуществ суть причины всех революций, он устанавливает максимум недвижимой собственности с доходом от двухсот до пятисот франков, суверенитет народа, всеобщее голосование, сенат из трехсот, палату из тысячи депутатов, исполнительный совет из семи членов, всех выборных и временных, без всякой наследственности, с совместным воспитанием.

И кто такой этот республиканец Харрингтон, сторонник равенства имуществ?— Дворянин, связанный с Карлом I, которого он провожает до эшафота; придворные Карла II после Реставрации требуют от него, чтобы он изложил свои взгляды монарху, и он умирает жертвой своей преданности свободе.

Разве не достоин вашего удивления также

Сидней, сын графа Лейстера? Республиканец при Карле I, он в своем «Рассуждении о правительстве», найденном в рукописи среди его бумаг, с энтузиазмом защищает суверенитет народа и восхваляет свободу как наиболее драгоценное сокровище. Он погиб мучеником в 1683 г.

Разве не достоин удивления и бессмертный Мильтон? Получив от парламента поручение ответить на «Защиту короля Карла I», составленную Сальмазием по настоянию Карла II, он пишет в 1651 г. «Защиту английского народа», в которой утверждает, что короли — не отцы, а сыновья народа, создающего их, что народ включает всех граждан без различия, и если народ имеет недостатки, то они являются делом и преступлением деспотизма, результатом роскоши и нищеты. Получив от врачей предупреждение, что он потеряет зрение, если будет продолжать писать, он отвечает, что не может колебаться между своим долгом и своим зрением, и действительно слепнет. Накануне Реставрации, не боясь ее мести, он публикует план республики.

Но вот и Локк! Противники равенства и общности, послушайте Локка, одного из славных людей Англии, одного из самых блестящих светочей философии. Послушайте, как он с опасностью для жизни провозглашает при Карле II суверенитет народа, равенство, естественную и первоначальную общность имущества и порицает захватниче-

ство богачей. Послушайте, что восклицает он в своем удивительном «Гражданском правительстве»:

«Тот, кто владеет имуществом свыше своих потребностей, преступает границы разума и элементарной справедливости и похищает то, что принадлежит другим. Всякий излишек есть узурпация, и вид нищего должен был бы пробуждать угрызения совести в душе богача. Развращенные люди, утопающие в роскоши и наслаждениях, трепещите при мысли, что наступит день, когда несчастный, которому нехватает необходимого, научится познавать права человека».

Послушайте его дальше:

«Обман, недобросовестность, корысть создали то неравенство в имуществах, которое составляет напасти человеческого рода, нагромождая, с одной стороны, все пороки вместе с богатством, а с другой — все бедствия вместе с нищетой. Поэтому философ должен считать деньги одним из самых гибельных изобретений человечества».

Послушайте, что он говорит в другом месте:

«Восстания всегда проистекают из ошибок правительств... Как только король становится деспотом или тираном, он восстает против народа, он отрекается, он сам свергает себя с трона... Восставший народ есть суверен, защищающийся от притесняющего его приказчика».

Послушайте также, что восклицает Кондорсе:

«Многие писатели (Гроций, Гоббс, Барбейрак и др.), предпочитая пенсию королей благу народов, предали народы королям. Не заслуживает ли поэтому удивления и признательности народов Локк за то, что он защищал их против королей оружием разума и морали!»

И Локк сообщает нам, что епископ Биллон, Брактон, Фортескью и автор «Зерцала» писали в том же духе.

Послушайте еще английского епископа Кэмберленда. В своем «Философском трактате об естественных законах», опубликованном в конце XVII столетия, он основывает всю нравственность на божественном принципе всеобщего благоволения или братства, равенства и общности имущества. Он признает, что бог создал землю общей для всех. все имели право при разделе, этот раздел был произведен с целью обеспечить каждому навсегда его часть или его собственность, и, таким образом, не должны были бы существовать бедные; ради сохранения мира необходимо уважать существующую собственность, но богатый должен отдавать бедному свой излишек!

Послушайте барона Пуффендорфа, профессора естественного права в Германии и государственного советника в Стокгольме и Берлине. В своем «Естественном и международном праве», опубликованном в том же году, он опровергает учение Гоббса и Гроция об абсолютной монархии, провозглашает есте-

ственное равенство, братство, первоначальную общность имущества и признает, что собственность есть человеческое учреждение, она возникла из полюбовного раздела, имевшего целью обеспечить каждому, и в особенности работнику, постоянное, нераздельное или раздельное владение, и, следовательно, существующее ныне неравенство имуществ есть несправедливость, влекущая за собой другие неравенства только в силу бесстыдства богачей и трусости бедняков.

И Барбейрак в Голландии (хотя и получающий пенсию от английского короля, которому он посвятил свое произведение), знаменитый Вольф в Германии, Бурламаки в Женеве, Ватель во Франции исповедуют те же принципы относительно естественного права.

И Боссюэ, епископ в Мо и наставник французского дофина, знаменитый Боссюэ,— разве не признает он в своей «Политике», извлеченной из священного писания, которую он составил для дофина, что «не будь правительств, земля и все блага были бы таким же общим достоянием всех людей, как воздух и свет; согласно примитивному естественному праву, никто не имеет особого права на что-либо; все принадлежит всем, и только гражданское правительство порождает собственность».

Вы думаете, быть может, что «Республика» Платона, «Утопия» Томаса Мора, «Государство солнца» Кампанеллы и «Республи-

ка Океана» Харрингтона — единственные политические романы этого рода? Есть еще много других, из которых я назову вам только те, которые появились в конце XVII или в XVIII столетии и основаны на равенстве и общности имущества: «Республика Севарамбов», изданная в Брюсселе в 1677 г.; «Золотое зеркало», опубликованное в Германии Виландом; «Республика философов», приписываемая Фонтенелю; «Республика Сессаресов», изданная в Лондоне в 1764 г. и «Базилиада» Морелли, изданная в 1753 г.

Когда «Республика Севарамбов», изданная на французском, немецком, итальянском и английском языках, подверглась в Германии нападкам журналиста, пользовавшегося большой известностью, видные ученые, и в особенности знаменитый Томазиус, публично выступили в ее защиту и в защиту общности имущества.

«Все эти политические трактаты,— говорят авторы «Библиотеки государственного человека»,— в форме романов, допускающие общность имущества, слишком легко отвергаются, как не имеющие почти никакого возможного применения к нашему общественному порядку и к нашим правительствам. На них смотрят как на честные мечтания, не принимая во внимание, что нескладные системы наших патентованных мыслителей часто значительно ниже этих мечтаний честного человека... Что бы о них ни говорили, являются ли эти планы осуществимыми или нет, они

всегда содержат взгляды, достойные серьезного внимания законодателей».

Заметьте, впрочем, что автор «Республики Севарамбов» напоминает, что, согласно Юстину, Цезарю и Тациту, ранние народы Италии, ранние германцы и вообще все ранние народы практиковали общность имущества.

Скажу вам только одно слово о «Совершенной Республике» знаменитого Давида Юма. Согласно его утверждению, ошибочно думать, что республика невозможна в большом государстве, как Англия или Франция, и он предлагает немедленно установить в Англии республику, основанную на суверенитете народа, разделении территории на сто провинций или сто республик, подразделенных каждая на сто округов, со всеобщим или почти всеобщим голосованием и ежегодными выборами всех сколько-нибудь важных должностных лиц, избираемых десятью тысячами представителей, которые, в свою очередь, избираются народом.

После всех этих политических романов я хотел бы с вами наскоро обозреть республиканский и демократический театр, трагедии Корнеля, Кребильона, Вольтера, написанные в защиту равенства.

Но я спешу перейти к великим философам XVIII в. и начинаю с Монтескье.

Итак, что же именно говорит барон де Монтескье, президент Бордоского парламента, аристократ по рождению и положению, бессмертный автор «Духа законов»,

который называют шедевром человеческого ума? Слушайте:

«Естественное равенство и законы природы предшествуют обществу и положительным законам... Все граждане должны иметь право подавать свой голос для выборов своих представителей, за исключением находящихся в таком низком положении, что считаются не имеющими собственной воли... Избрание представителей вполне доступно народу... Народ прекрасно приспособлен для производства выборов и избрания тех, кому он должен передоверить некоторую часть своей власти... В Риме Сервий Туллий провел аристократическое разделение на классы, давшее богачам монополию избирательного права... Как только устанавливается какой-нибудь ценз для избирателей, образуется аристократия... Лучшая аристократия — это та, где избирательный ценз в высшей степени мал и число лиц, не имеющих избирательных прав, в высшей степени незначительно.

Крит, Спарта, Пенсильвания, Парагвай представляют примеры того, что может сделать воспитание... Что касается Парагвая (где иезуиты установили общность имущества), то видели преступление иезуитов в том, что они там больше всего искали наслаждения властью, но властвовать над людьми, делая их более счастливыми (при помощи общности) — дело прекрасное. Слава им, что они первые осуществили в этих странах

начала религии вместе с началами гуманизма. Они предприняли великое дело и добились успеха: они вывели из лесов рассеянные народы, дали им обеспеченное существование, одели их и развили промышленность среди них».

Слушайте, слушайте!

«Те, кто захотят создать подобные учреждения, установят общность имущества платоновской республики, почитание, какого он требовал к богам, отделение от иностранцев для сохранения нравов и ведения торговли только самой республикой помимо граждан; они будут развивать наши искусства без нашей роскоши и будут удовлетворять наши потребности без наших прихотей; они запретят деньги, действие которых заключается в том, что они увеличивают богатства людей выше пределов, поставленных природой, и развращают нас.

Учреждения этого рода могут быть пригодны в республике и могут существовать в небольшом государстве, где можно организовать совместное воспитание, воспитать целый народ как одну семью и производить обмен быстро и без денег. [Это можно делать и в большой стране.]

Так как люди отказались от своей естественной независимости, чтобы жить под сенью политических законов, они отказались и от естественной общности имущества, чтобы жить под сенью гражданских законов: отсюда — собственность.

Любовь к демократии — это любовь к равенству и умеренности. Каждый должен наслаждаться одинаковым довольством и одинаковым благосостоянием и пользоваться одинаковыми радостями, питая одинаковые надежды.

Действительное и совершенное равенство так трудно установить, что крайняя точность не всегда применима; достаточно, чтобы был установлен ценз, который суживает или фиксирует пределы, а уж после этого особенные законы выравнивают, так сказать, неравенство при помощи тягот, возлагаемых на богатых, и облегчений, предоставляемых бедным.

Аграрные законы или новый раздел земель, которых так настоятельно требовали в Риме, были по своей природе спасительны. Они опасны только, если вводятся внезапно.

Ромул, Нума и Сервий Туллий тоже делили земли между римлянами и хотели, чтобы каждая семья сохраняла свои участки но затем было разрешено передавать их по завещанию, и это разрешение повлекло за собой гибельное различие между богатыми и бедными. Несколько участков сосредоточивалось в руках одного; одни граждане имели много, бесконечное число других не имело ничего. Так народ, постоянно лишаемый своего надела, требовал беспрестанно нового передела земель».

Вы видите, следовательно, что Монтескье не был врагом ни равенства, ни всеобщего

голосования, ни аграрных законов, ни даже отмены денег, ни даже общности имущества.

Послушайте теперь Руссо, автора бессмертного «Общественного договора», который всегда будет вызывать восхищение грядущих веков. Слушайте!

«Люди равны по своим правам... Природа сделала все блага общими... Каждый мог завладеть необходимой ему свободной землей, которую он хотел обрабатывать сам: занятие земли сверх этой было узурпацией... До вступления в общество каждый имел только свое владение; вступив в общество, каждый его член отдает все в общую собственность, свою личность и свое достояние. Все блага принадлежат обществу, которое ими пользуется или делит поровну или не поровну. В случае раздела доля каждого становится его собственностью. Во всех других случаях общество является единственным собственником всех благ».

Слушайте дальше!

«Социальное равенство — более совершенно, чем естественное равенство, потому что в обществе все люди должны быть равны по соглашению, хотя они неравны по силе и уму... При плохих правительствах это равенство является только иллюзорным; оно служит лишь для того, чтобы держать бедного в нищете, а богатому обеспечивать то, что он захватил. В действительности законы всегда полезны тем, кто владеет, и вредны тем, кто

не имеет ничего, откуда следует, что только такой общественный строй выгоден людям, при котором они все имеют что-нибудь и никто из них не имеет слишком много.

Если вы хотите сделать государство устойчивым, старайтесь сблизить крайние ступени насколько это только возможно. Не допускайте существования ни богатых людей, ни нищих; эти два состояния, неразлучные по своей природе, одинаково гибельны для общества: из одного выходят тираны, из другого — пособники тирании».

Слушайте, слушайте дальше Руссо в его «Политической экономии»:

«Желаем ли мы, чтобы народ был добродетелен? Начнем с того, что научим его любить отечество... Но как будет он любить его, если оно не является для него чем-либо бо́льшим, нежели для иностранцев? Пусть оно защищает бедного против тирании богатого. Величайшее бедствие уже совершилось, если имеются бедные, которых нужно защищать, и богатые, которых нужно сдерживать... Поэтому одна из важнейших задач правительств заключается в том, чтобы предупреждать крайнее имущественное неравенство, не отнимая сокровищ у их владельцев, не лишая всех средств накоплять их, не устраивая приюты для бедных, а гарантируя граждан от опасности стать бедными... Нужно, чтобы налог падал только на излишек и чтобы он был не только пропорционален, но и прогрессивен... И главным образом следует формировать лю-

дей и граждан при помощи государственного, равного и общего воспитания».

Слушайте, слушайте дальше Руссо!

«До того как были придуманы эти ужасные слова «твое» и «мое», до того как образовалась природа жестоких и грубых людей, которых называют господами, и другая порода людей — плутов, лжецов, которых называют рабами; до того как появились люди достаточно отвратительные, чтобы осмелиться иметь излишек, в то время как другие люди умирают с голоду, до того как взаимная зависимость вынудила их всех стать обманщиками, завистниками, предателями... я хотел бы, чтобы мне объяснили, в чем могли тогда заключаться их пороки, их преступления...»

Впрочем, под республикой Руссо понимает всякое правительство, даже монархическое, руководимое общей волей.

Слушайте, что говорит Гельвеций в книге «О человеке и его воспитании»:

«Все нормальные люди рождаются с почти равными умственными способностями; только законы, воспитание и условия создают различия между ними.

...Хорошо понятый частный интерес совпадает с общественным интересом.

...Порок и добродетель определяются только своим противоречием или согласием с общим благом.

Если каждый гражданин является собственником в государстве, то число краж незна-

чительно. Если, напротив, большинство граждан лишено собственности, то воровство становится общим стремлением.

Какое средство можно предложить против этой болезни? Единственное, которое я знаю, это было бы увеличение числа собственников и новый раздел земель... Но этот раздел всегда трудно осуществить.

Когда в одной и той же нации насчитывают богатых, нуждающихся, собственников, негоциантов и т. д., то невозможно, чтобы интересы всех этих различных групп были одинаковы... Нет ничего более противного национальному интересу, как большое число пролетариев, потому что они всегда находятся в полной зависимости от торговцев или аристократии.

Чтобы излечить зло, нужно было бы постепенно изменить законы и управление и, в особенности, отменить деньги, способствующие росту неравенства состояний.

Но можно ли без денег пользоваться известными удобствами жизни? — О, богатые и могущественные, вы, задающие этот вопрос, разве вы не знаете, что страны денег и роскоши — это те, где народы наиболее несчастны? Занятые исключительно удовлетворением ваших фантазий, неужели вы считаете себя всей нацией? Разве вы одни в природе? Разве вы живете в ней без братьев?.. Вы, люди, лишенные стыда, человечности и добродетелей, сосредоточивающие все свои привязанности только на себе самих, знайте, что

Спарта не знала роскоши, не знала денег, и все же Спарта была счастлива. Знайте, что, согласно Ксенофонту, из всех греков спартанцы были самыми счастливыми.

В странах с денежным обращением деньги часто являются наградой за порок и преступление... Богатства там часто скопляются в руках людей, повинных в низостях, интригах, шпионстве и т. д. Вот почему денежные награды, почти всегда присуждаемые пороку, порождают столько порочных и почему деньги всегда рассматривались как источник порчи нравов.

В стране, где нет денежного обращения, легко поощрять таланты и добродетели и изгонять пороки.

Жажда богатства... всегда сопряжена с грабежом и вымогательством... Строительство портов, снабжение армии, разрешение образовать торговую компанию, война, предпринятая, как говорят, для защиты чести нации,— все является предлогом, чтобы грабить народ... Все пороки, дети жадности... укореняются в государстве, заражают в нем последовательно все отрасли и приводят, наконец, к его разрушению.

Почему государства населены только несчастными? — Бедствие народов, являющееся почти всеобщим, вызывается несовершенством их законов и слишком неравным разделом богатств. В большей части королевств существуют только два класса граждан. Один лишен необходимого, другой утопает в избытке.

Первый может удовлетворять свои потребности только путем чрезмерного труда, который является физическим злом для всех и пыткой для некоторых; второй живет в изобилии, но томится в скуке.

Что делать, чтобы вернуть счастье? — Уменьшить богатство одних, увеличить богатство других, обеспечить каждому какую-нибудь собственность, поставить бедного в положение достатка, который делает для него необходимым труд только в течение семи или восьми часов, дать всем воспитание.

Но в каком европейском государстве можно было бы теперь (в 1770 г.) установить это менее неравное распределение национальных богатств? Рассчитывать на близкую возможность его несомненно нельзя... Однако изменения, наблюдаемые повседневно в строе всех государств, доказывают, что эта возможность, по меньшей мере, не есть платоническая химера [а что сказал бы он в 1836 г.?]... В более или менее отдаленном будущем, говорят мудрецы, все возможности должны стать действительностью. Зачем отчаиваться в будущем счастье человечества?.. Оно будет результатом лучшего законодательства».

И он предлагает установить республику во Франции, разделить ее на тридцать небольших союзных республик; каждая из них выбирает четырех депутатов, составляющих вместе Верховный совет из ста двадцати членов, и обосновать эту республику на прекрасном воспитании, в свою очередь построенном

на морали и преданности общественному благу.

«Но плохое правительство,— говорит он,— не может желать хорошего воспитания для народа, ни правды, ни реформ.

Однако государь должен говорить правду народу, он должен поощрять ее, потому что она необходима для будущего блага человечества... Налагать стеснения на печать — значит оскорблять нацию; запрещать ей чтение некоторых книг — значит объявлять ее рабыней или слабоумной.

Правда всегда полезна народу и даже государям; она гибельна только для того, кто говорит ее.

Но разве каждый человек обязан говорить правду людям? — Если правда вызывает скандал,— говорит св. Августин,— то пусть будет скандал, но правда должна быть сказана.— Не защитник правды,— говорит св. Амвросий,— тот, кто узнав правду, не говорит ее без стеснения и опасения. Я говорю, как и они, и прибавлю, что правда, даже некоторое время сокрытая ложью, пробивается рано или поздно сквозь ее туман».

И кто этот Гельвеций, желающий установления республики, свободы печати, реформ, воспитания, более равного распределения богатств, какой-нибудь собственности для каждого, достатка и счастья для всех? — Это дворянин, генеральный откупщик, богатейший человек, чье первое сочинение «Об уме» вызывает удивление всей Европы и навлекает

на автора немилость двора и гнев духовенства, готового осудить его на сожжение. Он запирается в одиночестве с целью написать свое второе произведение, и хочет, чтобы оно появилось только после его смерти как его завещание человечеству:

«Написать это сочинение меня побудила любовь к людям и к истине... Это сочинение покажется смелым людям робким... В истории каждой нации наблюдаются моменты, когда слово *благоразумный* является синонимом гнусного и когда считают разумным лишь раболепное произведение.

Мое отечество находится под игом деспотизма. Оно поэтому не дает больше знаменитых писателей, ибо свойство деспотизма — душить мысль и добродетель... Униженная Франция составляет теперь предмет презрения Европы. Никакой спасительный кризис не вернет ей свободы; она погибнет от разложения, и с Севера придет счастье человечества.

Но если я первый показал возможность равного распределения благосостояния между всеми гражданами и геометрически доказал эту великую истину, то я счастлив, я могу считать себя благодетелем людей».

Но вы знаете, что тогда образовалась школа философии, секта философов, которые, как и пифагорейцы в свое время, специально занимаются политикой, возводят ее в науку под названием политической экономии, называют себя экономистами, выбирают своим

главой врача Кене и Мирабо-отца в качестве его заместителя, опубликовывают свое учение в сочинении под названием «Естественный и существенный порядок политических обществ» и защищают его в журнале под названием «Эфемериды гражданина».

Они хотят, чтобы существовала земельная собственность, свобода во всем и, как следствие этого, неравенство состояний и власти. Но они хотят также братства народов и людей, общего блага, безопасности, воспитания народа, усовершенствования земледелия и промышленности, свободы накопления крупных капиталов, производства, изобилия, богатства, роскоши, свободы торговли, промышленности и конкуренции, без патентов и каких-либо препятствий с лозунгом: «Laissez faire, laissez passer»; единого налога, поземельного налога; любви, благотворительности и взаимной помощи между гражданами; общего блага как основы индивидуального блага; наследственной, конституционной и законной монархии, действующей только в интересах общества.

И чтобы достигнуть всех этих счастливых результатов, они хотят сохранения собственности и неравенства, крупных состояний и крупных капиталов, как будто последние не повлекли бы за собой прямо противоположные результаты и как будто результаты, которых они добиваются, не так же трудно получить, как и социальное равенство и общность имущества!

Поэтому все учение экономистов кажется мне чудовищной непоследовательностью, и вы, несомненно, придете к тому же заключению, что и я. Послушайте их!

Послушайте маркиза Мирабо, друга людей:

«Человек общителен и жаден. Его общительность, толкающая его в ряды общества, порождает все добродетели, тогда как его жадность, побуждающая его присваивать себе все блага, имеет тенденцию разлагать общество и порождает все пороки. Отсюда следует, что первая и наиболее важная забота правительства заключается в том, чтобы направлять нравы к общительности и отвращать их от жадности... Из всех народов, во все времена, ни один не жил более просто, не дорожил больше своим образом жизни и не считал себя более богатым, чем те, которые жили в наибольшем общении».

Послушайте Тюрго в его «Основании и распределении богатств»:

«Только в результате труда тех, кто первыми обработали поля и огородили их, чтобы обеспечить себе урожай, все земли перестали быть общими, и установилась земельная собственность... Ряд причин естественно установил первенство между земельными собственниками... Каждый, однако, обрабатывал землю только для себя, и никто не хотел обрабатывать для другого... Но люди-насильники придумали тогда обращать других в рабство и принуждать их работать для себя; это рабство представляет нарушение всех прав чело-

вечества, отвратительный, хотя и всеобщий, обычай, ужасный разбой».

И вот именно в этом заключается главный источник собственности и неравенства.

Послушайте знаменитого англичанина Смита в его «Богатстве народов»:

«Крупные собственники были вначале очень гостеприимны и кормили много народу. Но торговля и мануфактуры доставили им средства накопления. Все для себя и ничего для другого, казалось, было всюду и всегда низким принципом господ человеческого рода».

Он признаёт, что люди рождаются с почти равными умственными способностями, что мелкие собственники лучше обрабатывают свои участки, что хорошее правительство заинтересовано в том, чтобы дать воспитание народу, и что налог не должен падать ни на плату за труд, ни на предметы первой необходимости.

Не буду цитировать вам множество других экономистов, которые все допускают неравенство состояний, требуя невозможных при нем результатов.

Но послушайте Мабли, который в своей книге «Сомнения по поводу естественного и существенного порядка политических обществ» отвечает этим экономистам:

«Соответствуют ли или противны естественному порядку земельная собственность и неравенство положений? Я опасаюсь, что ваш естественный порядок является, наоборот, противоестественным. Там, где я вижу земельную

собственность, я вижу неравные состояния, и не должны ли из этих непропорциональных состояний вытекать различные противоположные интересы, все пороки богатства и все пороки бедности, огрубение умов, испорченность нравов, все предрассудки и все страсти, неизбежно затемняющие ясное понимание вещей? Раскройте труды по истории, и вы увидите, что все народы страдали от имущественного неравенства. Граждане, гордые своими богатствами, не хотели считать равными себе людей, обреченных на труд, чтобы поддерживать свое существование. И вы сразу видите, как нарождаются несправедливые и тиранические правительства, пристрастные и притеснительные законы и,— чтобы все сказать в одном слове,— множество бедствий, от которых стонут народы.

Вот картина, которую представляет история всех народов. Поднимитесь до источника всего этого беспорядка, и вы найдете его в поземельной собственности.

Я не могу обойти благотворное начало общности имущества, которая применялась в Лакедемоне в течение шестисот лет, и в Парагвае. Можно ли сомневаться, что в обществе, в котором корысть, тщеславие и честолюбие были бы неизвестны, последний гражданин был бы более счастлив, чем теперь наши самые богатые собственники?

Установить общность имущества, а после этого установить равенство состояний и положений и утвердить на этом двойном равенстве

счастье людей будет уже самым легким делом».

Послушайте дальше Мабли, этого аббата, чьи таланты и милость его родственника, кардинала и министра, сулили ему почести и богатства. Но он предпочел им бедность, уединение, добродетель, научные занятия и философию. Слушайте, что он говорит в своих «Основах законодательства»:

«Законы, вызывающие стремление к приобретению богатств, к торговле, роскоши, жадности, честолюбию, разрушают взаимную доброжелательность, основу счастья и мирного общежития... Излишки одних порождают нищету других... И законы, допускающие огромные состояния, являются причиной всех зол, картину которых рисует нам история.

Именно с равенством природа связывает счастье и сохранение всех социальных благ, и именно равенство должен законодатель поддерживать в имуществе и положении граждан. Имущественное неравенство порождает корысть или жадность, низость и жестокость; неравенство положений — гордость и тщеславие, честолюбие и узурпацию, и это двойное неравенство порождает деспотизм, тиранию, раздоры, гражданскую войну и революции.

Кто может отрицать, что, выйдя из рук природы, мы не находились в самом полном равенстве? Разве она не дала всем людям одинаковые органы, одинаковые потребности, одинаковый разум? Разве блага, которые она распространила на земле, не принадлежали им

сообща? Разве она создала богатых и бедных?»

Слушайте, слушайте дальше!

«История Спарты доказывает, что мы можем найти счастье только в общности имущества и что собственность следует рассматривать как первую причину неравенства состояний и положений, а следовательно и всех наших бедствий...

Когда люди сознали необходимость обрабатывать землю, их первая мысль вовсе не была — совершить раздел и установить право собственности. Гораздо вероятнее, что они работали сообща и собирали урожай сообща, как они странствовали, охотились и сражались сообща. Природа все приготовила, чтобы привести нас в общности имущества и удержать от падения в пропасть, куда нас бросила собственность.

Даже если бы при общности имущества урожаи были менее обильны и население менее многочисленно, то не было ли бы предпочтительнее для человеческого рода иметь больше добродетелей и меньше плодов и насчитывать на всей земле лучше один миллион счастливых людей, чем бесчисленные стада рабов, прозябающих в огрубении и нищете?.. Но при режиме общности земля так хорошо обрабатывалась бы и была бы плотно населена, как только это возможно, потому что именно счастье способствует росту населения.

Собственность делит нас на два класса: богатых и бедных, на богатых, предпочитаю-

щих свое счастье защите государства, и бедных, не могущих любить отечество, потому что оно не дает им ничего, кроме нищеты. При режиме общности, напротив, каждый любит и защищает отечество, потому что каждый получает от него жизнь и счастье.

Но разве равенство состояний и положения не есть химера, которую невозможно осуществить?— Тщеславие аристократов и корысть богатых представляют непреодолимые препятствия. [Но Мабли не находит препятствия в природе вещей.]

Было бы легче установить общность имущества среди дикарей.

Хотя нельзя надеяться на превращение всей Европы, причуды судьбы делают все возможным. Быть может, мы увидим, как будет установлена в каком-нибудь кантоне эта общность имущества, на которую мы не осмеливаемся больше надеяться... Если бы Г. Пенн направился в Америку на двадцать лет раньше, когда усердие квакеров было еще во всем разгаре, он повел бы за собой гораздо большее число квакеров и установил бы общность имущества в обширной Пенсильвании. То, что могло произойти, может еще произойти.

На заре истории всякий закон, который, ослабляя общность имущества, стремился косвенно благоприятствовать установлению собственности, был порочен, но в настоящее время, напротив, всякий закон, стремящийся лишить наши страсти всякого средства нару-

шить собственность, будет разумен. Словом, законы должны вырвать с корнем честолюбие аристократов и корысть богатых.

Чтобы достигнуть этого, нужно непрестанно искоренять любовь к деньгам, подавлять роскошь и бесполезные искусства, издавать законы против роскоши, издавать также аграрные законы, которые ограничивают наследство, приданое, завещание, субституции, которые мешают концентрации и поощряют раздробление. Словом, нужно установить республику без всякой наследственной власти, даже без пожизненной власти, с выборностью и избирательным правом для всех граждан, являющихся по существу рабами (если они лишены избирательных прав), с государственным, всеобщим и совместным воспитанием и преподаванием естественного права или равенства».

И, высказывая эти мысли, добродетельный аббат вовсе не ищет славы, так как он печатает и публикует их за границей, чтобы они принесли пользу человечеству.

И его репутация мудрости, основанная на множестве сочинений, такова, что Польша, Берн, Женева, Корсика и Америка просят у него совета по поводу пересмотра их конституций.

Вернемся к барону Тюрго, министру Людовика XVI в первый год его царствования. Он стремится устранить злоупотребления, проводит ряд реформ, хочет способствовать установлению нового языка и, с целью

обеспечить свободу печати, работает лично над изобретением домашнего печатного станка.

Искренний и горячий друг народа, он неустанно старается улучшить его долю и обеспечить его благосостояние. В течение двадцати месяцев он отменяет привилегии и монополии, вознаградив владельцев; он отменяет двадцать три налога, тяготевшие над народом, в первую очередь барщину, и проектирует отменить и много других, главным образом соляной налог; обеспечивает изобилие и дешевизну предметов питания бедняка; подготовляет новые работы для улучшения дорог; создает Медицинскую школу, покупает много полезных лекарств и вводит их в употребление; основывает много предприятий и мануфактур; приглашает ученых и посылает многих из них в чужие страны.

Он хочет уничтожить крайнее неравенство состояний, помешать образованию громадных богатств, чрезмерным барышам, порче нравов; он хочет всюду распространить достаток вместе с трудом и основать общественное и индивидуальное счастье на воспитании.

«И не говорите, что я пишу роман,— говорит Дюпон де Немур (описывая в своих воспоминаниях о Тюрго благосостояние, какое должно было явиться результатом его планов),— ибо это результат, к которому он пришел бы и осуществление которого заставило бы меня плакать от радости и надежды».

«По его мнению,— говорит Кондорсе (рассказывая про жизнь Тюрго),— природа позволяет человеку присваивать себе только то, что ему необходимо, не лишая необходимого другого, однако законы, изданные в угоду более сильным, освятили деспотизм богатых над бедными. Всюду богатые создали неравенство состояний, развращающее небольшую часть граждан и осуждающее остальную часть на унижение и нищету... Предположим, что эти законы заменены теми, которые нам указывают природа и разум. Состояния были бы разделены более равномерно, а самые бедные не страдали бы от зависимости, в какой они находятся от богатых коммерсантов и привилегированных фабрикантов. Не встречались бы больше огромные состояния финансистов и банкиров, источник роскоши и коррупции; собственность была бы так распределена, что все граждане были бы собственниками и избирателями, т. е. была бы республиканская конституция, лучшая и наиболее рациональная из всех конституций, тогда как без избирательного права для всех есть только более или менее порочная аристократия».

«Впрочем,— прибавляет Кондорсе,— Тюрго гораздо больше обвинял дурные учреждения, чем людей, и считал бесконечную способность к усовершенствованию одним из отличительных качеств человеческого рода, даже в отношении умственных способностей и морали».

Но главная замышлявшаяся Тюрго реформа, та, которая должна была породить все другие, состояла в реорганизации всей Франции и разделении ее на муниципалитеты, кантоны и провинции с представительными учреждениями: муниципальными, кантональными, провинциальными и национальными.

В докладной записке королю он предлагает ему признать права людей, реформировать законы, выработать конституцию и ввести затем все улучшения в согласии с представителями нации, провинций, кантонов и муниципалитетов:

«Первое и наиболее важное из учреждений,— говорит он,— более всего способное обессмертить ваше царствование,— это воспитание, нравственное и общественное просвещение, даваемое всем, с книгами, принятыми по конкурсу, и школами в каждом приходе... Если ваше величество одобрит этот план, я осмеливаюсь уверить его, что в течение десяти лет нация станет неузнаваема и бесконечно выше всех древних и существующих народов по своему просвещению, нравам и патриотизму.

Необходимо, чтобы деревни были почти равны по своей территории, чтобы каждая имела свое собрание. Но чтобы избежать слишком большой численности и подкупов, только земельные собственники будут членами собрания, в котором каждый будет иметь число голосов, пропорциональное его состоянию.

Необходимо будет затем заменить все налоги и пошлины единым налогом и пропорциональным поземельным налогом на все земли, даже на земли дворянства и духовенства, пока можно будет отменить и этот налог.

По истечении нескольких лет ваше величество будет иметь новый народ и первый из народов. Ваше королевство удесятерит свои силы; оно будет становиться с каждым днем прекраснее, оно будет походить на плодоносный сад. Европа будет смотреть на вас с восхищением и уважением и ваш народ, этот столь преданный народ, будет питать к вам глубокое почтение».

«Я вполне разделяю идеи Тюрго о воспитании,— говорит один из его друзей в письме к графу М...,— но я хотел бы, чтобы все собственники были в равной степени избирателями. Хорош тот образ правления, при котором учреждения наиболее приближают людей к равенству, ибо равенство было первым требованием природы... Чтобы быть гражданином, достаточно иметь определенный интерес».

Но министр Тюрго не может действовать или, вернее, говорить, как чисто умозрительный философ; окруженный препятствиями, противниками и врагами, подобно Солону, он предлагает не абсолютно лучшее, а лучшее применительно к обстоятельствам, возможно лучшее в тогдашних условиях.

И все-таки, в то время как король заявляет, что только он и его министр являются

при дворе друзьями народа; в то время как народ осыпает Тюрго своими благословениями, а философы относятся к нему с восторженным уважением и Вольтер выражает желание поцеловать перед смертью руку, подписавшую столько улучшений в пользу народа,— аристократия устраивает заговоры, вызывает даже голод и бунты, чтобы погубить его, и своей клеветой и интригами натравливает все салоны Парижа против реформатора и губит самого Людовика XVI, принуждая его дать отставку добродетельному министру, который мог бы его спасти.

Говорить ли мне вам о «Словаре моральных и политических наук», или о «Библиотеке государственного человека и гражданина», которая следующим образом высказывается по вопросу об общности имуществ:

«Утопия и другие образцы государственного правления, базирующиеся на общественном благе, быть может, неосуществимы лишь вследствие разнузданности человеческих страстей, порочности наших правительств, всегда стремящихся поднять интерес плохо понятого себялюбия выше интереса общности. Но как бы невозможными они ни казались, смешными они могут представляться только порочным людям, которым сознание их собственной испорченности мешает верить в добродетель».

Говорить ли мне об «Энциклопедии», этом обширном резюме древней и новой философии, где мы читаем:

«Старинный обычай Оверни разрешает семейные общины. Известно, что Пингоны, недалеко от города Тьера, существуют таким образом больше шести веков, в силу договора, предписанного мудрым отцом четырех братьев, завещавшим им сделать общими свое имущество и труд... Они живут в большом числе, согласно и разумно, в поселке, который они образовали... В этой же местности существует еще несколько ассоциаций этого рода, и еще более процветающих».

Но вот и аббат Рейналь! Послушайте, что он говорит в своей «Философической истории торговли в обеих Индиях». Он признает правовое равенство, но отрицает фактическое равенство и считает его химерой:

«Всегда думали, что народ достигает некоторой силы и некоторого величия только через посредство незыблемой и даже наследственной собственности. Без незыблемой собственности на земле существовали бы лишь отдельные кочующие и голые дикари, скудно живущие, собирающие плоды и коренья. Без наследственной собственности все жили бы только для себя. Человеческий род был бы лишен всего того, что заставляют предпринимать отеческая нежность, любовь к своему имени и невыразимое наслаждение уготовить счастье своего потомства».

Не буду говорить вам, как эти доказательства легкомысленны и почти недостойны серьезного философа.

Но посмотрите, как он непоследователен:

«В первые века существования мира, до того как образовались гражданские общества, все люди вообще имели право на все блага природы; каждый мог взять, что хотел, пользоваться им и употребить то, что по своей природе годилось для потребления. Такое использование общих благ заменяло собственность, и когда кто-нибудь брал себе вещь таким способом, никто не мог ее отнять у него, не совершая несправедливости».

Не буду говорить вам ни о Кондильяке или Бернардене де Сен-Пьере, ни о благородных итальянцах Беккариа и Филанджиери, ни о швейцарском полковнике де Вейсе или американце Т. Пене, ни о других горячих защитниках равенства.

Но вслед за философами-теоретиками следует еще обратиться к философам-практикам. Посмотрим их дела.

Вот Франклин, изобретатель громоотвода и один из основателей американской республики! Простой рабочий, гений которого сумел похитить молнию у неба и скипетр у тиранов; философ, подобно Бекону, составляющий проект всеобщей ассоциации философов и ученых для нравственного усовершенствования человечества; знаменитый политик, посланный в качестве посланника к дикарям, в Англию и Францию; всюду почитаемый, почти всюду принятый с триумфом, по которому будет носить траур отечество, между тем как Национальное представительство воздаст его памяти торжественные почести.

Вот Вашингтон, американский диктатор и Икар!

Вот Джефферсон и Джон Адамс, которых Америка выберет последовательно своими президентами.

Вот избранные люди тринадцати штатов, собравшиеся на конгресс, чтобы реорганизовать свое отечество!

Слушайте! Они пишут и конгресс провозглашает в начале конституции перед лицом всего мира:

«Бог создал всех людей равными в правах».

Вот многочисленные и, надеюсь, основательные авторитеты в пользу равенства и даже принципа общности. А завтра вы увидите много других.

И когда собрание расходилось, слышно было со всех сторон:

— Я этого не знал! Я не имел об этом никакого представления!

Глава тринадцатая

МНЕНИЯ ФИЛОСОФОВ О РАВЕНСТВЕ И ОБЩНОСТИ ИМУЩЕСТВА

(Продолжение главы XII)

— Вы сейчас увидите других философов за работой.

Послушайте, что говорит Сийес в своей знаменитой брошюре «Что такое третье сословие?»— вышедшей в начале Французской революции!

«Третье сословие, или народ,— это все; если вычесть дворянство и духовенство, нация стала бы не менее значительной, а более.

До настоящего времени народ был рабом аристократии, а между тем права гражданина принадлежат всем.

Народ требует ныне политических прав. Это законная собственность — одна и та же для всех, независимо от имущественного положения, собственность, которой каждый может свободно пользоваться... Так как закон должен быть выражением общей воли, то

двести тысяч аристократов не могут диктовать законы двадцати пяти миллионам французов... Законы, составленные меньшинством граждан, по существу не имеют силы.

Привилегии аристократии — это насильственный захват, несправедливость, нелепость. Разум требует восстановления захваченных прав. Нужно, чтобы общественный порядок заменил беспорядок.

Аристократия предлагает платить налог, подобно народу, и говорит, что тогда все уравнится. Все уравнится! Но, платя налог, аристократия владела бы еще всем, в первую очередь правом издавать законы, составленные в ее пользу против народа. Хотят, чтобы народ был доволен только потому, что аристократия не будет больше освобождена от налогов. Хотят, чтобы новые поколения закрыли глаза на новую истину.

Аристократия говорит, что труд принижает, что ремесла презренны, как будто не один только порок должен быть презренным и как будто праздные богачи не более порочны и презренны, чем народ.

Народу нужна настоящая конституция!

Крупное дворянство хочет иметь две палаты как в Англии: верхнюю для себя, а нижнюю для мелкого дворянства и народа. Но мелкое дворянство отвергает это, потому что оно хочет равенства для себя, и народ отвергает также, потому что он хочет равенства для себя. Английская конституция, которая могла быть хороша для Англии в 1688 г.,

непригодна для Франции в 1789 г. Социальный опыт сделал за это время огромные успехи или, точнее, только теперь народился.

Так как французская нация не имела конституции или желает изменить якобы существующую конституцию, нужно было созвать всех граждан, чтобы выбрать представителей с специальным полномочием выработать конституцию.

Чего хотели бы эти привилегированные, так горячо защищающие свои излишки и так усердно старающиеся лишить народ необходимого? Думают ли они, что возрождение, на которое возлагают столько надежд, коснулось бы только их? Хотят ли они пользоваться несчастным народом только как слепым орудием, чтобы укрепить и освятить свою аристократию?

Что скажут будущие поколения, когда узнают о неистовстве, тайных лигах, ложных тревогах, вероломных маневрах привилегированных против защитников народа?.. Как царствующий дом мог допустить жалких писак изрыгать столь же ужасную, сколь и смешную клевету, наполняющую невероятный мемуар, опубликованный от его имени! Какое насилие и какая глубокая несправедливость!

Реформ не хотят. Народ должен понять, что он может надеяться только на свое сознание и свое мужество. Разум и справедливость — за него Теперь уже не время хлопотать о соглашении партий: какое согласие

возможно между ожесточением угнетенных и яростью угнетателей?

Напрасно закрывают глаза на революцию, которая уже свершилась. Прежде народ был крепостным, а дворянство — всем. Теперь народ — все, а дворянство только слово, но под этим словом проскользнула новая и несносная аристократия, и народ прав, что не желает аристократов.

Привилегированные, выступающие как враги народа, должны быть лишены избирательного права... Я знаю, что такой принцип покажется сумасбродным большинству читателей, потому что истина должна казаться столь же сумасбродной предрассудку, как последний — истине... Он, может быть, неосуществим сегодня, но я как писатель обязан высказывать истину... Если бы все люди мыслили истинно, то самые крупные перемены не представляли бы ничего трудного, лишь бы они были полезны... Что могу я сделать лучшего, как помогать всеми своими силами распространению этой истины, подготовляющую пути ее осуществления? Сначала ее понимают плохо, мало-помалу умы привыкают к ней, создается общественное мнение, и наконец при ее осуществлении замечают принципы, которые сперва называли безумными химерами. Если бы писатели не соглашались сходить за безумцев, мир был бы теперь менее мудрым.

Правитель вынужден подвигаться медленно, но философ должен итти прямо к цели...

Откровенность почти всегда доказывает искусность, а умолчания или хитрость, которые принимают за благоразумие, являются обыкновенно подлинной глупостью... Преувеличением является мысль о том, что истина может быть разделена на части и легче постигается умом, когда он воспринимает ее постепенно. Гораздо чаще необходим сильный толчок: истина должна предстать во всем своем свете, чтобы произвести те сильные впечатления, из которых рождается страстный интерес к тому, что признаешь верным, прекрасным и полезным».

Послушайте дальше Сийеса в его проекте «Признания прав человека и гражданина», представленном Учредительному собранию 20 июля 1789 г.:

«Природа постоянно внушает человеку жажду благосостояния: это благосостояние есть его цель.

Так как два человека в равной мере люди, они в равной мере имеют все права, которые вытекают из человеческой природы.

Два человека могут быть неравны по способностям, но из этого не следует, что у них должно быть неравенство прав.

Сила производит действие, но не налагает обязательств. Угнетение не может никогда стать правом для угнетателя, ни обязанностью для угнетенного. Свобода есть всегда право и даже настоятельная обязанность.

Ассоциация есть одно из средств для достижения счастья, которым природа внушает

пользоваться; это дополнение к естественному порядку.

Целью ассоциации является счастье всех ее членов, не унижать, а облагораживать и совершенствовать, не ослаблять и уменьшать способности каждого, а увеличивать их и умножать... Следовательно, общественный строй не устанавливает несправедливого распределения прав наряду с естественным неравенством способностей; напротив, он защищает равенство прав против естественного, но вредного влияния неравенства способностей... Социальный закон составляется не для того, чтобы ослабить слабого и усилить сильного, но, наоборот, для того, чтобы защищать слабого против сильного и гарантировать ему полноту его прав.

В естественном состоянии человек не имеет права вредить другому (а потому и владеть излишком, когда другой не имеет необходимого).

Я расчищаю и обрабатываю поле. Оно принадлежало мне, как и всем, оно принадлежит теперь мне больше, чем другим, потому что я имею право первого заимщика (и этого достаточно, чтобы оно стало моей исключительной собственностью, если только для других остается достаточно земли). Ассоциация, возникающая затем, прибавляет, в силу общего соглашения между ее членами, санкцию закона. И нужно предполагать это соглашение и санкцию, чтобы иметь возможность дать слову *собственность* всю полноту

значения, какое мы привыкли придавать ему в наших цивилизованных обществах.

Искусство извлекать все возможные блага из общественного строя есть первое и наиболее важное из искусств... Ассоциация, организованная таким образом, чтобы обеспечить максимум блага для всех, будет образцом разума и добродетели.

Равенство политических прав есть основной и священный принцип. Неравенство политическое было бы привилегией, и оно явилось бы источником всех других привилегий. Закон может быть только выражением общей воли».

Послушайте, как он в плане воспитания, представленном Конвенту, требует, чтобы оно было всеобщим, бесплатным и основанным на принципе республики и равенства!

И кто этот Сийес?— Аббат, ученый, который долго занимался наукой и размышлял в уединении; философ, мнение которого оказывает огромное влияние на всю Францию в начале 1789 г.; Париж избирает его, по своей инициативе, депутатом в Генеральные штаты за его знаменитую брошюру; гений его Мирабо ценит так высоко, что называет его молчание в течение одного дня настоящим общественным бедствием; три департамента избирают его в Конвент, где он сидит рядом с Кондорсе и жирондистами и управляет республиканской Францией сперва как один из пяти директоров, а затем как один из трех консулов.

Послушайте, что говорит Кондорсе в своем «Ответе Берлинской академии»:

«Мне небезызвестно, что при настоящем состоянии Европы народ неспособен быть истинно нравственным, но тупость народа есть продукт общественных учреждений и суеверий. Люди не рождаются ни тупыми, ни глупыми: они становятся ими. Говоря разумно с народом, обучая его только истинным вещам, можно научить его тому немногому, что ему необходимо знать. Даже идею уважения, которое он должен иметь к собственности богатого, ему трудно внушить только потому, что 1) он рассматривает богатство как форму узурпации и воровства, совершенных у него, и, к несчастью, это мнение в большей части своей истинно; 2) его крайняя бедность побуждает его всегда считать себя находящимся в состоянии крайней нужды,— а в этом очень строгие моралисты были на его стороне; 3) он считает себя презираемым и унижаемым как бедный в не меньшей степени, чем он был бы унижен из-за своего плутовства. Стало быть, единственно потому, что учреждения так плохи, народ сознательно так часто бывает немного вороват».

Послушайте того же Кондорсе в его «Картине успехов человеческих знаний»:

«Наши надежды на будущее человеческого рода могут быть сведены к трем положениям: уничтожение неравенства среди наций; прогресс равенства среди каждого народа; усовершенствование человека.

Существующее неравенство, почти целиком порождаемое несовершенством социальных учреждений, должно постепенно ослабляться и уступить место фактическому равенству — конечной цели общественного устройства.

Неравенство богатств, неравенство положений и неравенство просвещения — вот главные причины всех наших бедствий.

Можно уничтожить эти неравенства многими средствами, а именно при помощи сберегательных касс и страховых учреждений, приспособленных к нуждам масс народа; банков, которые ссужали бы бедным необходимые капиталы; профессионального образования и воспитания; усовершенствования прикладных искусств; усовершенствования законов, восстановлением равенства между женщиной и мужчиной, созданием всеобщего языка».

Послушайте, как он в своем плане воспитания, предложенном Законодательному собранию, признает, что именно: «имущественное неравенство погубило Грецию и Рим; древние историки все были аристократы, и нет ничего удивительного, что они представили как бунтовщические и внушенные духом крамолы и грабежа все попытки, предпринятые в целях восстановления равенства».

Послушайте, как он признает, что если и существует какое-либо естественное неравенство между людьми, то это естественное не-

равенство может исчезнуть под влиянием воспитания.

Послушайте, как он заявляет, что «воспитание должно быть бесплатное, равное, всеобщее, физическое и умственное, профессиональное, политическое и направленное к действительному равенству между всеми гражданами».

Послушайте, как в своем журнале «Социальное просвещение» он (вместе с Сийесом и Дюамелем) признает, что равенство прав не может быть действительным без имущественного равенства или почти равенства, что необходимое не должно быть обложено, а только излишек, что прогрессивный налог, возрастающий вместе с излишком, справедлив и полезен.

Он не требует ни общности имущества, ни абсолютного равенства богатств; он допускает собственность и некоторое неравенство в положении, а следовательно и в образовании и просвещении; он допускает даже крупных капиталистов. Но он хочет, чтобы не было никакой нищеты и все стремилось к действительному равенству.

Он думает, что все ученые каждой нации могут составить ассоциацию, а все национальные научные ассоциации могут образовать международную ассоциацию, или международную республику наук, чтобы трудиться над реформой и усовершенствованием человечества.

Он верит, наконец, вместе с Тюрго, Прай-

сом, Пристли в бесконечную способность человека к совершенствованию во всех отношениях, в умственном и нравственном так же, как и в физическом, и даже в продолжительности жизни. Он находит, что уже достигнут огромный прогресс [в 1799 г. Что сказал бы он в 1836 г.!]; он не видит предела открытиям и усовершенствованиям в науках, искусствах, машинах, промышленности, в человеке, в общественном и политическом строе, и он всему неизменно ставит целью действительное равенство.

И кто такой Кондорсе? — Маркиз, ученый, непременный секретарь Академии наук, философ. Подвергшись вместе с жирондистами преследованиям и бежав, он посвящает немногие мгновения, оставшиеся ему, чтобы изложить истины, которые он считает полезными для человечества.

Послушайте, что говорит знаменитый Мирабо о следующем законодательном вопросе: может ли собственник распоряжаться своим имуществом по завещанию?

«Если право, которым пользуются граждане, располагать своей собственностью и тогда, когда их уже не будет, может быть рассматриваемо, как естественное или элементарное право, то нет такого положительного закона, который мог бы их лишить этого права, ибо общество установлено не для того, чтобы уничтожить наши естественные права, но чтобы регулировать их использование и обеспечить их действие.

Нужно, следовательно, посмотреть, существует ли собственность в силу законов природы или это — благодеяние общества.

Если мы рассматриваем человека в его обыкновенном состоянии и вне регулярного общения с подобными ему, то кажется, что не может существовать исключительное право ни на какой предмет природы, ибо то, что одинаково принадлежит всем, в действительности не принадлежит никому.

Нет никакого участка земли, никакого естественного продукта земли, которые человек мог бы присвоить себе с исключительным правом. Только по отношению к своей собственной личности, труду своих рук, к хижине, построенной его руками, к животному, которое он сам убил, участку, который он лично обработал, или, скорее, к самой обработке и ее продукту, примитивный человек может иметь настоящую привилегию. С того момента, как он собрал плоды своего труда, земля, к которой он приложил свой труд, вновь становится общей собственностью всех людей.

Только раздел земли, произведенный по общему соглашению людьми, находящимися в близкой связи друг с другом, может быть рассматриваем как источник происхождения собственности, и этот раздел предполагает рождающееся общество, первоначальное соглашение, действительный закон.

Собственность есть, следовательно, социальный или гражданский закон, а потому

закон может запретить или разрешить распоряжаться ею по завещанию. Он мог бы даже завладеть наследствами в пользу всего общества.

Но нужно оставить наследство родственникам, а что касается детей и завещаний, то с целью сохранить равенство, которое конституция устанавливает между гражданами и которое должно существовать в особенности между братьями, я думаю, что нельзя позволить отцу распоряжаться по завещанию больше чем одной десятой в пользу чужих, и дети должны разделить остаток совершенно поровну».

Послушайте Малуэ, считающегося аристократом. На одном из первых заседаний Учредительного собрания он восклицает:

«Именно ваше безрассудное сопротивление, защитники старого режима, ваши возмутительные претензии могут все погубить... Вы не хотите равенства голосов, вы, пятидесятая часть нации, не хотите поделиться с этим большим народом, чьи богатства и просвещение, нищета и невежество равно страшны, когда вы вызываете его недовольство? Скажите же, что сделаете вы, когда миллионы голосов поднимутся против вашего голоса?.. Не забывайте, что после бога самый могущественный владыка — это просвещенный народ!».

Послушайте, как Учредительное собрание начинает конституцию этой торжественной Декларацией прав:

«Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Естественные права неотчуждаемы и неприкосновенны. Эти права — свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению. Цель всякого политического союза есть сохранение этих прав».

[А это предполагает, что с возникновением общества все его члены имеют собственность, подлежащую охране, и собственность достаточную, ибо собственность может быть естественным правом только тогда, когда она создана не силой и не захватом и когда никто не имеет излишка в ущерб другим, не имеющим даже необходимого. Всякая другая собственность есть факт или социальное право, противное природе, но не естественное право.]

«Свобода состоит в том, что каждый может делать все, что не вредит другому. Пользование естественными правами всяким человеком ограничивается только пределами, обеспечивающими другим членам общества пользование теми же правами».

[И следовательно, никто не имеет естественной свободы захватывать и сохранять излишек, когда другие не имеют необходимого.]

«Закон есть выражение общей воли; все граждане имеют право участвовать, лично или через посредство своих представителей, в его составлении.

Собственность есть неприкосновенное и священное право,

Будет организовано учреждение общественной помощи для воспитания покинутых детей, оказания помощи бедным инвалидам и доставления работы здоровым безработным беднякам».

Посмотрите, как многочисленные философы партии жирондистов отвергают аграрный закон и абсолютное имущественное равенство, но допускают республику, политическое равенство, всеобщее голосование, предел для земельных приобретений, отмену наследования по боковой линии, прогрессивный налог, отмену налогов на предметы первой необходимости, искоренение нищеты, необходимость обучения и достатка для всех и постоянную тенденцию к действительному равенству.

Послушайте, что говорит один из вождей жирондистов, философ Кондорсе, 6 июля 1792 г. с трибуны Законодательного собрания:

«Издайте декрет, чтобы имущества трех эмигрировавших французских принцев (Людовика XVIII, Карла X и принца Конде) были немедленно пущены в продажу, с целью вознаградить граждан, ограбленных именем королей, которых эти принцы побуждали разорять свое отечество. Вы можете найти в этой мере средство наказать этих гордых виновников, заставив их способствовать усовершенствованию того равенства, против которого они устраивали заговоры. Пусть эти имущества, каково бы ни было их

происхождение, продаются небольшими частями. Они достигают почти ста миллионов, и вы получите вместо трех принцев сто тысяч граждан, ставших собственниками; дворцы принцев станут кровом для бедных или убежищем для промышленности; хижины, в которых царят мирные добродетели, будут воздвигнуты в садах, созданных для неги и спеси. Ваши предшественники в Учредительном собрании установили основы политической свободы; дайте гражданам гражданскую свободу. Уничтожьте субституции; отмените завещания; установите порядок наследования, наиболее благоприятный для разделения собственности; дайте бракам наибольшую свободу; предоставьте так называемым незаконным детям права, признаваемые за ними природой; установите усыновление; разрешите развод; организуйте образование и учреждения общественной помощи».

Послушайте, что писал Робеспьер в июне 1792 г. в четвертом номере «Защитника конституции»:

«С самого начала революции наши враги стараются запугать всех богатых идеей аграрного закона, нелепого пугала, показываемого тупым людям развращенными людьми. Чем больше опыт разоблачал эту вздорную выдумку, тем больше упорствуют в ее повторении, как будто защитники свободы были безумцы, способные придумать проект, одинаково опасный, несправедливый и неосуще-

ствимый; как будто они не знали, что имущественное равенство по существу своему невозможно в гражданском обществе, что оно обязательно предполагает общность имущества, которая, очевидно, еще более невозможна у нас; как будто был хотя бы один человек, занятый каким-нибудь промыслом, личный интерес которого не был бы затронут этим нелепым проектом! Мы хотим равенства прав, потому что без него нет ни свободы, ни общего блага, но что касается имущества, то раз общество выполнило свое обязательство обеспечить своим членам необходимое им существование при помощи труда,— ни граждане, которых не испортил уже избыток, ни друзья свободы не желают этого имущества. Аристид не завидовал бы сокровищам Красса».

Послушайте дальше Робеспьера в его проекте Декларации прав, принятом народной партией и встреченном в Конвенте единодушными аплодисментами:

«Цель всякого политического союза есть сохранение естественных и неприкосновенных прав человека и развитие всех способностей.

Главное право человека — это право заботиться о сохранении своего существования и свободы.

Эти права принадлежат равно всем людям, каково бы ни было различие их физических и моральных сил... Равенство прав установлено природой; общество, нисколько не на-

рушая этих прав, только гарантирует равенство против насилия, делающего его иллюзорным.

Собственность есть принадлежащее каждому гражданину право пользоваться и распоряжаться по своему произволу частью имущества, гарантированной ему законом.

Право собственности ограничено, как и все другие права, обязанностью уважать права другого... Оно не может причинить вред ни безопасности, ни свободе, ни существованию, ни собственности нам подобных.

Общество обязано обеспечить существование всех своих членов, доставляя им работу или же обеспечивая средства существования тем, кто не в состоянии работать.

Помощь, которая должна быть безусловно оказана тем, кто лишен необходимого, есть долг того, кто имеет излишек: закон устанавливает способ, каким этот долг должен уплачиваться.

Граждане, чьи доходы не превышают того, что необходимо для их существования, освобождаются от участия в покрытии общественных расходов; остальные должны вносить на их покрытие по прогрессивной шкале, пропорционально своему состоянию.

Общество должно всей своей властью способствовать прогрессу общественного разума и сделать образование доступным всем гражданам.

Люди всех стран — братья, и различные народы должны помогать друг другу в

меру своих сил, как граждане одного государства».

Послушайте Конвент, в его конституции 1793 г., составленной Камбасересом, Берлие, Гитоном де Морво и другими:

«Французский народ, убежденный, что забвение и пренебрежение естественных прав человека являются единственными причинами бедствий мира, постановил изложить священные и неотчуждаемые права человека.

Цель общества есть общее благо...

Правительство учреждается для того, чтобы гарантировать человеку пользование его естественными неприкосновенными правами. Вот эти права: равенство, свобода, безопасность, собственность. Все люди равны по природе и перед законом.

Право собственности — это принадлежащее каждому гражданину право пользоваться и распоряжаться своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и промысла.

Общественная помощь — священный долг.

Образование — потребность всех».

Послушайте Комитет общественного спасения:

«Мы хотим такого порядка вещей, при котором все низкие и жестокие страсти были бы обузданы, все благодетельные и благородные страсти пробуждаемы законом; где честолюбие было бы лишь стремлением быть достойным славы и служить отечеству; где различия рождались бы из самого равенства,

а гражданин был бы подчинен должностному лицу, должностное лицо — народу, а народ — справедливости; где отечество обеспечивало бы благосостояние каждого индивида, а каждый человек с гордостью наслаждался бы процветанием и славой отечества; где все души возвышались бы под постоянным действием республиканских чувств и под влиянием потребности заслужить уважение великого народа; где искусства являлись бы украшением свободы, облагораживающей их, а торговля — источником общественного богатства, а не только чудовищной роскоши нескольких семейств.

Мы хотим, чтобы в нашей стране нравственность заняла место эгоизма, честность — чести, принципы — обычаев, обязанности — приличий, власть разума — тирании; презрение к пороку — презрения к несчастью; гордость — наглости; величие души — тщеславия; любовь к славе — любви к деньгам; хорошие люди — хорошей компании; заслуга — интриги; гений — остроумия; истина — мишуры; прелесть счастья — скуки сладострастия; величие человека — ничтожества великих мира сего; великодушный, могущественный, счастливый народ — любезного, фривольного и несчастного народа, т. е. чтобы все добродетели и чудеса республики заняли место всех пороков и нелепостей монархии.

Мы хотим, одним словом, исполнить завет природы, завершить судьбы человечества,

сдержать обещания философии, отпустить провидению грех долгого царствования преступления и тирании. Пусть Франция, некогда знаменитая среди рабов, станет,— затемняя славу всех когда-либо существовавших свободных народов,— примером наций, ужасом угнетателей, утешением угнетенных, украшением мира. Пусть, скрепляя наше дело своей кровью, мы, по крайней мере, увидим, как заблестит заря всеобщего блаженства.

Наша цель — установить образ правления, при котором народ был бы счастлив, установить республику, руководствуясь лишь извечной мудростью и провидением, такую республику, которая, наконец, не подвергалась бы более потрясениям, вызываемым новыми преступлениями.

Изобилие сосредоточено в руках довольно большого числа врагов революции; нужда ставит народ, который трудится, в зависимость от его врагов... Революция приводит нас к признанию принципа, что тот, кто выказал себя врагом своей страны, не может быть в ней собственником. Неужели только для того, чтобы обеспечить наслаждения этим тиранам, народ проливает свою кровь на границах и все семьи носят траур по своим детям?.. Не допустим, чтобы в государстве был хотя бы один несчастный, один бедный... Счастье есть новая идея в Европе.

Оно — средство укрепить революцию и повернуть ее в пользу тех, кто ее поддержи-

вает, и на гибель тем, кто борется против нее».

Посмотрите, как Конвент декретирует следующий принцип:

«Все коммуны республики составят список нуждающихся патриотов, которых они содержат... Комитет представит доклад о способах вознаградить всех несчастных за счет имущества врагов революции».

Послушайте Конституцию третьего года:

«Право человека в обществе — свобода, равенство, безопасность и собственность.

Равенство состоит в том, что закон един для всех,— и когда он охраняет, и когда он наказывает.

[Отсюда следует, что закон должен также одинаково охранять существование, содержание и счастье всех, не только просто собственность, но и достаточную собственность.]

Равенство не допускает никаких различий по рождению, никакой наследственности власти.

[Отсюда можно сделать вывод и об отмене наследования собственности.]

Собственность есть право пользоваться и распоряжаться своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и промысла.

Каждый гражданин имеет равное право, непосредственно или косвенно, принимать участие в составлении законов и назначении представителей народа.

Все обязанности человека и гражданина вытекают из этих двух принципов: не делай-

те другому того, чего вы не хотели бы, чтобы делали вам; делайте постоянно другим добро, которое вы хотели бы получить от других.

[Отсюда вытекает также обязанность согласиться на имущественное равенство.]

Только на сохранении собственности покоятся обработка земель, все производства, все средства труда и весь общественный порядок».

Как будто не было бы ни обработки земли, ни производства, ни средств труда, ни общественного порядка при режиме общности. Но Конвент хочет отвергнуть общность, не высказав своего настоящего мотива, которым являются эгоизм и оппозиция богатых.

Я не буду говорить вам о плане П. Л. Лакретелля относительно народного просвещения (1790), ни о плане, который был представлен Талейраном Учредительному собранию (1790).

Но послушайте, что говорит Комитет народного просвещения в своем докладе Законодательному собранию о плане воспитания, составленном Кондорсе (20 апреля 1792 г.):

«Народное воспитание должно доставить всем индивидам средства для удовлетворения своих потребностей, обеспечить свое благосостояние, познать и использовать свои права, понять и выполнять свои обязанности... Оно должно установить между гражданами фактическое равенство и сделать действительным равенство, признанное конституцией... Тако-

ва должна быть первая цель национального просвещения, и с этой точки зрения оно является для политической власти долгом справедливости.

Тридцать одна тысяча начальных школ, пятьсот средних, сто институтов, девять лицеев и Национальный институт составляют систему народного и бесплатного просвещения.

Одно из четырех отделений Национального института, отделение нравственных и политических наук, охватывает: 1) метафизику и теорию нравственных чувств, 2) естественное право, международное право и науку об обществе, 3) государственное право и законодательство, 4) политическую экономию, 5) историю».

Слушайте!

«Национальное собрание, благодарное наукам и философии, идеи которых произвели Французскую революцию и основали свободу и равенство, заявляет, что обязанности в области народного просвещения являются наиболее важными для общества, и причисляет всех, кто их исполняет, к разряду государственных должностных лиц».

Послушайте теперь другой Комитет народного просвещения, представляющий 25 июня 1793 г. Конвенту свой доклад о проекте, внесенном ранее Мишелем Лепеллетье!

«Обучение должно быть бесплатным — литературное, умственное, физическое, нравственное и профессиональное.

Ученики должны обучаться танцам и пению, чтобы они могли участвовать в национальных празднествах.

Школьное общество должно быть организовано по плану большого политического и республиканского общества.

Нужно устраивать многочисленные национальные празднества, а именно следующие: праздник усовершенствования языка, письма, книгопечатания, прав человека, учреждения первых собраний и суверенитета народа, народных выборов, равенства, свободы, справедливости, мира, природы, братства, уничтожения аристократии, революции 14 июля, отмены королевской власти — 10 августа».

Послушайте Б. Констана в брошюре, вышедшей в третьем году (1795) «О силе республиканского правительства»:

«Многочисленные и настойчивые голоса повторяют нам неустанно, что республика невозможна во Франции.

Все, что не существовало, кажется невозможным: история не представляет примера республики с населением в двадцать пять миллионов человек; из этого делают вывод, что республика с населением в двадцать пять миллионов человек — химера.

Однако, когда подумаешь, что природные катастрофы, политические бедствия наций, перевороты обществ поставили между нами и знанием всего, что насчитывает свыше четырех тысяч лет, непреодолимый барьер, то приходится только удивляться претензиям

людей, которые хотят на основании того, чего они не видели, решать, что именно невозможно, и хотят скрасить свою самоуверенность, облекая ее в форму голых отрицаний.

Они кажутся особенно нелепыми, когда подумаешь, что доказательство, приводимое ими, уже приводилось сто, двести тысяч лет назад, и таким образом все старые теории последовательно оспаривали невозможность всех открытий ума и всех случайностей.

До образования больших обществ, несомненно, утверждали, что многочисленное общество не может существовать, и при этом опирались на опыт. Чернь во все времена в напыщенных словах ссылается на прошлое, противопоставляя его будущему; тот, кто следует за ней, видит, что события опровергают ее, но, понося в свою очередь новое, он подражает ей и, переместив свои отрицания, неутомимо изрекает пророческие проклятия.

Если бы абсолютная королевская власть в той форме, в какой мы ее видели во Франции, никогда не существовала, невозможность ее существования казалась бы очевидной. Когда размышляешь об идее доверить воле одного судьбу всех, то чувствуешь, что будь эта идея новой, она казалась бы нелепой.

Если бы королевская власть существовала только в маленьких государствах, то против возможности создать монархию, охватывающую двадцать пять миллионов человек, при-

водили бы сотню специальных возражений, которые еще не были бы поэтому менее ошибочными.

Одним словом, ничто не доказывает и ничто не может доказать, что республика невозможна во Франции.

И если создание республики встречает еще столько помех, и в особенности такую пассивность, то в этом виновато монархическое воспитание.

Можно даже сказать, что великолепное открытие представительной системы в применении к республике, сохраняя возвышенную цель республиканского честолюбия и умеряя его напряжение, устанавливает «золотую середину» (между монархией и чистой демократией), и это благоприятное условие соответствует размерам республики, потому что благодаря величию целей, занимающих людей, исчезают мелкие страсти, мелкие средства, и это не дает им углубляться в свои личные разногласия, интересы или соперничество.

Никогда еще идея, раз пущенная в обращение, не направлялась обратно. Никогда еще революция, основанная на идее, не оказывалась безуспешной, если только эта идея вполне созрела. Тогда революция бывала только предвестником кризиса и завершалась, когда вновь появлялась вполне созревшая идея.

Идея равенства есть идея-мать, которая никогда не могла быть вытеснена целиком из

сердца человека. Он проявлял эту идею во всем. Нет такой новой религии, которая не освящала бы равенства, и только церковный обман впоследствии искажал религиозное установление, чтобы вытеснить равенство.

Происхождение общественного порядка — великая загадка, но ход развития общества прост и однообразен. При выходе общества из непроницаемого мрака, скрывающего его рождение, мы видим, как человеческий род шествует вперед, к равенству, по обломкам учреждений всякого рода.

Каждый шаг, который он делает в этом направлении,— это шаг только вперед. Если иногда кажется, что замечаешь попятное движение, то это только потому, что сражение принимают за поражение и пыл схватки — за бегство.

Но касты, крепостничество, феодализм, дворянство навсегда уничтожены во Франции.

Думают восстановить престиж дворянства, украшая его благовидным названием наследственных должностных лиц: этим можно только вызвать новое потрясение.

Нужно, наконец, уступить влекущей нас необходимости. Не следует больше ошибаться в выборе пути для общества. Не следует больше вызывать тщетными попытками сопротивления кровавые бои и заставлять людей покупать свои права преступлениями и бедствиями».

Послушайте первого консула Бонапарта в

его ответе сенату (14 термидора десятого года):

«Свобода, равенство, процветание Франции будут защищены от капризов судьбы... Лучший из народов будет и наиболее счастливым.

Довольный тем, что я был призван по приказу того, от которого все происходит, принести вновь на землю справедливость, порядок и равенство, я услышу, как пробьет мой последний час без всякого опасения за мнение будущих поколений».

Послушайте что говорил экс-император Наполеон на острове св. Елены:

«Я создал новое дворянство, чтобы уничтожить старое и дать удовлетворение народу, из среды которого вышло большинство тех, кому я пожаловал дворянское звание, и самый простой солдат имел право стремиться к званию герцога. Я думаю даже, что я был неправ в этом отношении, ибо это значило ослаблять ту систему равенства, которая так нравилась нации». *

Послушайте Дидро в его «Кодексе природы» или, точнее, Морелли, действительного автора этого сочинения, которое вышло в 1755 г. и на которое ссылался Бабеф, как на сочинение Дидро:

«Дух собственности и интереса располагает каждого индивида приносить в жертву своему счастью весь род... Собственность есть

---

* См. О'Мира, т. I, стр. 164.

всеобщая и господствующая причина всех беспорядков... Из-за нее все так плохо устраивается или, скорее, расстраивается, так что в бесконечном числе случаев необходимо возникают насильственные и упорные потрясения.

Они зажгли пожар великой жадности; они возбудили голод, хищность ненасытной корысти; их безумные постановления подвергли человека угрозам постоянной нужды. Удивительно ли, что для того, дабы устранить эти опасности, страсти разгорелись до бешенства? Можно ли было лучше все подстроить, чтобы помочь этому зверю терзать собственный род?..

Нужно было массою правил и постановлений закрыть прорывы плотины, неблагоразумно противопоставленной мирному течению ручья, который благодаря этой преграде переполнился и своими разливами уподобился бурному морю».

Посмотрите, как он, более смелый, чем его предшественники, категорически предлагает систему общности как возможную и осуществимую:

«Я указываю на удар, которым можно подрезать корни бедствий. Более искусные, чем я, сумеют, быть может, убедить всех в необходимости установления общности. Вы, смертные, созданные, чтобы управлять народами, хотите вы оказать великую услугу человеческому роду, установив наиболее счастливое и наиболее совершенное из прави-

тельств? Начните с того, что предоставьте полную свободу истинным мудрецам нападать на ошибки и предрассудки, поддерживающие дух собственности... И скоро вам не будет трудно убедить ваши народы признать законы, почти подобные тем, какие я собрал на основании того лучшего, что мог внушить разум людей.

Нужно было бы только дать хорошо понять обездоленному большинству, что этот порядок поддерживал бы между нами такую совершенную организацию взаимопомощи, что никто никогда не нуждался бы не только в необходимом и полезном, но даже и в приятном.

Повторяю еще раз, я убежден, что необходима только эта уверенность, чтобы гарантировать возможность. И я не думаю, чтобы нужно было обладать какими-либо выходящими из ряда добродетелями, чтобы принять порядок вещей, относительно которого доказано, что только в нем можно найти наибольшее благосостояние и максимум счастья. Нужно только обладать способностью любить самого себя, любить свой отдых, свое прочное и полное спокойствие во всех отношениях, стремиться к наибольшей полноте личного счастья, и эту способность природа позаботилась внедрить в сердца всех людей. Только потому, что эта способность засела там так глубоко, ослепление страсти увлекло людей на ложный путь. Себялюбие побудило каждого стремиться без меры увеличивать

свое состояние. Можно было думать, что это единственный способ довести самое большое число до счастливого состояния. Покажите, что люди ошибались, убедите всех, что есть другое средство поднять большинство на вершину счастья. Вы увидите, что масса, не нуждаясь ни в какой другой добродетели, кроме любви к самому себе, не будет заставлять себя упрашивать принять этот план.

Совсем незначительны те мелкие затруднения, какие должны встретиться при отдельных случаях применения законов относительно распределения занятий, способов достаточного удовлетворения общественных и частных потребностей и равного обеспечения средствами существования без смятения, без споров множества граждан.

Все это только простое дело переписи предметов и людей, простая операция счета и учета и, следовательно, может быть произведено в полном порядке. Наши составители проектов, древние и новые, задумывали и выполняли несравненно более трудные задачи, так как, кроме непредвиденных случаев, они имели против себя случайности человеческой природы и бесчисленные препятствия, порождаемые заблуждением, с которыми человеческая природа едва справляется. Если есть чему удивляться, то только тому, что этим неблагоразумным людям все же кое-что удавалось».

Именно это учение приняли Бабеф и «Равные», но послушаем сначала Антонелля.

Послушайте Антонелля и Феликса Лепеллетье в их журнале «Плебейский оратор» и «Журнале свободных людей»:

«Право собственности есть самое плачевное создание нашей фантазии. Я убежден, что состояние общности есть единственно справедливое, единственно хорошее, единственно сообразное чистым помыслам природы и что вне ее не может существовать мирных и воистину счастливых обществ» («Плебейский оратор», № 9).

«Бесконечно число тех, которые держатся мнения, что люди, объединенные в общество, могут найти счастье только в общности имущества. Это один из тех пунктов, в которых поэты и философы, чувствительные сердца и суровые моралисты, люди с живым воображением и люди со строгой логикой, искушенные умы и простые умы были и будут всегда единодушны как в своих чувствах, так и в мыслях» («Журнал свободных людей», № 44).

«Осуществление этого социального плана есть постоянное пожелание чистых душ, самая естественная мысль здравых умов... Было бы счастьем успеть в этом деле...

Но возможность возвращения к этому порядку вещей (общности), столь осязательному и столь желанному, есть, быть может, только мечта...

Бабеф и я, мы явились оба несколько поздно в этот мир, и мы пришли с миссией рассеять заблуждения людей в отношении права собственности. Корни этого фатального

учреждения слишком глубоки и держатся крепко. Они отныне неискоренимы у великих и старых народов» («Плебейский оратор», № 4).

«Все, чего можно надеяться достигнуть,— это терпимая степень неравенства состояний и законы против властолюбия и жадности...»

Однако этот Антонелль дает затем себя обратить Бабефу и участвует в заговоре, имеющем целью установить режим общности.

Я не буду излагать мнение Гракха Бабефа, который обсуждал и принял общность имущества в своем журнале «Народный трибун», опровергал все возражения Антонелля насчет возможности ее применения и взял на себя составление плана общности, тогда как другие тоже работали над этим. *

Но заметьте этот важный и новый факт. Вот масса людей, желающих установить режим общности. Вот Дарте, Антонелль, Бодсон, Марешаль, Буонарроти, Жермен, Феликс Лепеллетье, Друэ, Амар, Вадье, Робер Ленде, шестьдесят членов Конвента (монтаньяры, подвергшиеся преследованию после 9 термидора), множество демократов, объединившихся в «Общество равных» и в большом числе других обществ, большая часть парижского населения и большое число демократов в департаментах, обсуждающих и принимающих это учение общности и организующих

---

* Одно из сочинений Бодсона и «Народный разведчик» защищали те же принципы.

заговор, чтобы силою установить ее после ниспровержения Конституции третьего года и провозглашения Конституции 1793 г.

Преданные агентом-провокатором (Гризелем), арестованные 21 флореаля четвертого года, пятьдесят девять из них были привлечены к суду, как заподозренные в намерении уничтожить: 1) конституцию и 2) собственность и заменить ее общностью.

Обвиняемые защищают перед Верховным судом принципы равенства и общности.

Признанные виновными только по первому пункту обвинения, семь из них были приговорены: Бабеф и Дарте — к смерти, Буонарроти и четверо других — к ссылке.

Бабеф и Дарте пытаются сейчас же покончить с собой, но их кинжалы ломаются в груди, и на другой день оба мужественно умирают на эшафоте.

Послушайте последние слова Бабефа к жене и трем детям!

«Не знаю, какова будет память обо мне, хотя я думаю, что вел себя самым безупречным образом... Но не думайте, что я испытываю сожаление, пожертвовав собой за самое прекрасное дело... Семье мученика свободы следует подавать пример всех добродетелей. Я не видел иного средства сделать вас счастливыми, кроме установления всеобщего счастья. Я потерпел неудачу; я пожертвовал собой, и я умираю также за вас. Сохрани мою защитительную речь, моя дорогая подруга: она всегда будет дорога добродетельным серд-

цам и друзьям своей страны. Единственное благо, которое останется тебе от меня, будет моя репутация, и я уверен, что ты и твои дети найдете в этом большое утешение. Вам будет приятно слышать, как все чувствительные и честные сердца буду говорить о вашем супруге и о вашем отце: «Он был вполне добродетелен».

Я остерегусь нападать на это «Общество равных», в котором состояли почти все тогдашние демократы. Среди них фигурировали люди несомненной добродетели, искренно желавшие,— я не сомневаюсь в этом,— блага человечества; они посвятили себя ему, пренебрегая очевидной опасностью; многие из них были жертвами своей преданности, и их вожди проявили мужество самых славных мучеников, потеряв жизнь или свободу. Если я сожалею и отношусь снисходительно к богатым и аристократам, которых я считаю жертвами плохого общественного строя, делающего их эгоистами, то было бы варварской непоследовательностью с моей стороны быть неумолимым по отношению к тем, кого тот же самый строй делает жертвами их благородства.

Но я не могу не сожалеть о той едкости, мало философской, хотя и весьма естественной, с которой они обыкновенно говорили о своих противниках, а также о фатальном заблуждении, заставлявшем их верить в возможность установить прочно режим общности при помощи насилия.

Столько же, сколько и они, я желаю блага народа; я так же, как они, готов пожертвовать своей жизнью, чтобы помочь человеческому роду пользоваться благами общности, но, глубоко убежденный и путем размышления и путем опыта, что общность может быть установлена и упрочена только силой почти единодушного общественного мнения, я, чем больше желаю ее для народа, тем больше боюсь насилия.

Посмотрите, как гибелен был этот заговор для народа, для освобождения которого он был организован! Именно он запугал богатых, буржуа и аристократов, именно он заставил их сплотиться для самозащиты; именно он расположил их броситься в объятия первого встречного, достаточно сильного, чтобы защищать их; именно он бросил их в объятия Бонапартов, как он бросил бы их в объятия Бурбонов.

Послушайте теперь Вьеллара, государственного обвинителя Бабефа и его товарищей!

«А какова была их цель?.. Читайте учение Бабефа, напечатанное, розданное и распубликованное Комитетом восстания... Вы найдете там осуждение права собственности, принцип фактического равенства и общности всех имуществ, всех наслаждений, всех плодов земли и даже всех продуктов и промышленности.

Исчезните,— говорит их манифест,— возмутительные различия богатых и бедных, великих и малых, господ и слуг, правителей и управляемых.

Жалость, быть может, одержала бы верх

над негодованием, если бы можно было думать, что авторы подобных мечтаний добросовестно стремились к чудовищной химере общности имуществ.

Каким ужасным переворотом явилось бы уничтожение этого права собственности, всеобщей и главной основы социального порядка! Нет собственности! А что станется сейчас же с искусствами? Что станется с промышленностью? Земля не будет принадлежать никому! Где руки, которые будут ее обрабатывать? Кто будет собирать ее плоды, если никто не может сказать: они принадлежат мне? Не видите ли вы уже, как разбой распространяется по опустошенной земле? Социальные различия и привилегии исчезли, но неравенства природы продолжают существовать, слабый подавляется сильным, и, становясь в силу необходимости более свирепым, чем животные, люди с бешенством оспаривают друг у друга находимую ими пищу. Потому что разве хватило бы достаточно пищи для многочисленного населения, когда промышленность и торговля перестали бы умножать запасы пищи, которые может производить природа, предоставленная собственным силам?

Истребление человеческого рода, остатки его, возвращенные в дикое состояние, блуждающие в лесах и страшных пустынях,— вот перспектива, которую представляет нам излюбленная система вождей заговора. Вот общее благо, к которому они призывают братьев и равных!»

Но обвинитель тут же отрицает, что обвиняемые действительно желали общности имущества: он утверждает, что это только честолюбцы, действительная цель которых была захват власти, угнетение народа и тирания. Сама Директория сказала в прокламации (опубликованной в жерминале четвертого года), что демократы хотели раздела всех домов и даже самых маленьких лавок. Затем обвинитель прибавляет:

«Несчастный народ, разгляди, наконец, в этих коварных льстецах твоих самых жестоких врагов! Оцени, наконец, по достоинству те чары, которыми они стараются обмануть твое легковерие, переведи на настоящий язык те лживые слова, которые источает их лицемерный энтузиазм: свобода, равенство, общее благо. Когда эти слова исходят из их уст, они означают лишь рабство, нищету, отчаяние. Вот предел, к которому они тебя ведут!»

И вот, я спрашиваю вас, есть ли это заблуждение или самая очевидная недобросовестность? Не следовало ли бы заклеймить обвинителя, если бы мы не считали себя обязанными быть снисходительными ко всем жертвам общественного строя? И если печально видеть, что один прибегает к насилию, чтобы установить режим общности, то не так же печально видеть, как другие (глава правосудия и само правительство) прибегают к лжи и клевете, чтобы защищать собственность против общности?

Что сказать мне вам о Лагарпе, который

(в своем «Курсе литературы»), после того как был революционером, республиканцем и якобинцем, осуждает революцию и философов, произведения которых вызвали революции, распинается перед победившей Директорией, нападая на демократию в дни ее неудач, называет республиканцев разбойниками и преступниками, искажает факты и позволяет себе самую чудовищную брань и самые бешеные выпады против Дидро и принадлежащего якобы ему «Кодекса природы». Лагарп называет Дидро софистом, шарлатаном, коварным, безнравственным, наглым, дерзким, идиотом или преступником, заслуживающим быть помещенным в дом сумасшедших или эшафота и даже вечного ада; защищает собственность, не доказывая ее достоинств; находит почти совершенным существующий строй и видит в массе бедных только лентяев и бродяг, обязанных только себе самим своими пороками и лишениями, и, наконец, восклицает:

«Общность — это отвратительная глупость... Нужен был бы целый том, чтобы детально разъяснить все нелепости и несправедливости, которые содержит слово «раздел имуществ»... Тому, кто требует этого раздела, можно ответить только пистолетом или виселицей. Учреждения Ликурга не могли существовать и не существовали долго [не менее пятисот лет!], они скоро сошли на-нет, и их обходили всеми способами; память о них стала настолько ненавистна, что один спартанский король был казнен за попытку воскресить их. [Иисус

Христос и Сократ были также казнены. Он, следовательно, одобряет казнь Агиса и ничего не говорит о короле Клеомане, который поступал, как Агис!]. Равенство политических прав есть нелепость и невозможность... Лицемеры, софисты и безумцы, ваше равенство — нелепо и низко, тогда как наше неравенство — счастливо и разумно!».

Несомненно, что такой защитник собственности и неравенства должен приобрести для них больше врагов, чем друзей.

Послушайте теперь Буонарроти, товарища Бабефа, присужденного к ссылке, который в 1828 г., еще находясь в изгнании, отчаявшийся, на краю могилы, публикует историю этого заговора и процесса, чтобы изложить учение «Равных» об общности.

Послушайте, как старец повествует об их дебатах по поводу принципа общности, о внезапном энтузиазме Амара к этому учению, которого он, как и многие другие, ранее не знал. Но оно ему сразу показалось способным — и только оно одно — составить счастье человеческого рода.

Посмотрите, как он излагает во всех случаях ее применения к Франции систему общности пользования и труда, основанную на воспитании, нравственности и добродетели.

Послушайте, как он утверждает, что эта система была искуплением человечества:

«Я знаю,— говорит он в своем предисловии,— что политические и экономические принципы, которые я должен был изложить,

встретят много порицателей, но это не является основанием для того, чтобы не опубликовывать их: столь много есть так называемых заблуждений, которые стали неоспоримой истиной. Разве нет и в другом месте людей, не дающих ослеплять себя мишурой цивилизованного общества и системами, превозносимыми теми, кто претендует на право руководить общественным мнением? Они, быть может, оценят значение этих принципов и будут оплакивать память мужественных граждан, которые, сознавая справедливость этих принципов и гордясь тем, что могут отдать свою жизнь в их защиту, запечатлели их наконец своей кровью.

Тесно связанный с ними согласием наших идей, я разделял их веру и их усилия, их опасности и страдания, и если мы ошибались, то это нужно приписать только нашему заблуждению. Они упорствовали в нем до могилы, а я, после того как долго размышлял о них, остался убежденным, что равенство, столь лелеемое ими, есть единственное учреждение, способное согласовать все истинные потребности, хорошо направлять полезные страсти и дать обществу свободную, мирную, счастливую и прочную форму устройства.

Незадолго до нашего осуждения Бабеф и Дарте, находясь на скамьях Верховного суда в Вандоме, перед тем как их должен был поразить топор аристократии, получили от меня обещание отомстить за них, опубликовав точный рассказ о наших общих намере-

ниях, которые дух партийности так страшно исказил. И теперь, у предела жизни, я исполняю этот долг, который мне помешали раньше выполнить тюрьма и тысяча других препятствий!».

Взвесьте, какое серьезное значение имеют эти слова потомка Микель-Анджелло, благородного флорентийца, который был воспитан при дворе великого герцога Тосканского, но предпочел справедливость и философию ожидавшему его состоянию; слова философа, осудившего себя на жизнь в бедности и почти в нищете, чтобы жить независимо, посвящая себя только научным занятиям; человека, в течение долгого времени бывшего мучеником своей любви к человечеству и никогда не переставшего размышлять о средствах сделать его счастливым.

Посмотрите, как тот же Буонарроти, всегда верный принципам философии, желает успеха шотландцу Роберту Оуэну, идущему другим путем, медленным и мирным, чтобы установить режим общности в Англии и Америке!

Взгляните на этого Р. Оуэна!

Он принимает принцип общности труда, пользования благами и воспитания; организует коммуну из более чем двух тысяч рабочих, собранных в обширной нью-ланнаркской прядильне, в Шотландии; предпринимает реформу общества; предлагает план установления общности во всем мире, увлекает за собой множество учеников; отправляется с некоторыми из них в Америку, чтобы основать там

города-коммуны; проповедует свое учение всюду, даже перед американским конгрессом; приобретает многочисленных сторонников; покупает огромный участок в пустынях Запада и отправляется с семьей и многими учениками с целью основать там коммуну «Нью-Гармони»; возвращается в Англию, обращается с воззванием ко всем королям в надежде привлечь их на свою сторону; организует кооперативное общество в Лондоне и много обществ того же рода в Англии и привлекает таким образом сотни тысяч людей к системе общности.

И кто именно этот Оуэн?— Опять добродетельный человек, снисходительный и мирный философ, богатый друг человечества, который жертвует миллион двести тысяч франков и всю свою жизнь на благо себе подобных.

Как жаль, что он питал слишком большое доверие к доброте суверенов и аристократов, что он обескуражил народ, назначая слишком короткие сроки для осуществления своих надежд, и употребил на опыты частичных и слишком маленьких общин, обреченных на неудачу, капитал, который, хотя и был значителен, все же был недостаточен для удовлетворения всех потребностей образцовой общности, но при помощи которого можно было оказать огромнейшее влияние на общественное мнение, если бы он был употреблен единственно на пропаганду учения Оуэна.

Послушайте знаменитую мисс Райт, ученицу Оуэна, проповедующую, как и он, рефор-

му! Вот что она говорит американцам в своих «Чтениях» и в свем журнале:

«Ваша декларация независимости 1776 г. провозглашает перед лицом бога и народов, что все люди свободны и равны. Но это только пустая теория, так как вы сохраняете рабство, притесняете индейцев, среди вас есть несколько богачей, живущих в обилии и роскоши, и много бедных, прозябающих в нищете. У вас нет даже равенства просвещения и воспитания! Вы чванитесь вашей свободой, и вы в то же время рабы ваших священников и суеверия. Вы чванитесь тем, что вы республиканцы, и вы ввели антиреспубликанское воспитание. Вы чванитесь вашей демократией, и вы не умеете использовать ваше избирательное право, чтобы рассеять невежество, организовать общее народное воспитание, осуществить постепенно равенство в пользовании благами, равенство благосостояния и достигнуть наиболее полного благосостояния для всех. Если вы хотите быть действительно свободными и равными, соединитесь, устройте союз, чтобы организовать систему общего воспитания».

«Многие ученики той же школы,— говорит Ахилл Мюрат,— поселились в больших городах и стараются произвести политическую революцию, завладев умами бедных и рабочих и направляя их против богатых. Они проповедуют аграрный закон, равный раздел собственности, всеобщность бесплатного воспитания и стараются таким образом достиг-

нуть власти. Они уже успели, даже в городе Нью-Йорке, провести одну или две избирательные кампании. Но это увлечение может быть только временным».

Послушайте Сен-Симона, который оживил во Франции идеи равенства и общности, провозгласил бесконечную способность человечества к совершенствованию, постоянный и посланный провидением закон прогресса, проповедывал братство и ассоциацию, возвестил новое христианство, великую реформу, новое будущее. Послушайте, как он нападает на плохой общественный строй!

«Существующее общество есть воистину перевернутый мир, так как нация допустила как основной принцип, что бедные должны быть великодушнее по отношению к богатым, и в силу этого менее состоятельные лишают себя ежедневно части необходимого, чтобы увеличить излишек крупных собственников; наиболее виновные, главные воры, те, кто выжимают соки из всех граждан и отнимают у них ежегодно триста или четыреста миллионов, несут обязанность наказывать мелкие преступления против общества; невежество, суеверие, лень, страсть к расточительным удовольствиям составляют удел верховных вождей общества, а люди способные, бережливые и трудолюбивые являются их подчиненными и используются только как орудия; одним словом, во всех отраслях труда именно на неспособных людей возложена обязанность руководить способными людьми; в от-

ношении нравственности именно наиболее безнравственные люди призваны воспитывать граждан в добродетели, и в отношении карающей юстиции именно наиболее виновным поручено наказывать прегрешения мелких преступников».

Послушайте, как он требует, чтобы способные были организованы для наиболее скорого улучшения положения самого многочисленного и самого полезного класса в нравственном, умственном и физическом отношениях и чтобы каждый получал вознаграждение по делам своим!

И кто такой этот Сен-Симон? — Человек, происходящий от герцога Сен-Симона, который считал себя потомком Карла Великого; философ, основатель секты и школы, насчитывающий среди своих учеников множество молодых талантов и в особенности просвещенных воспитанников Политехнической школы, и эти его апостолы превращают его во второго Иисуса Христа.

Послушайте теперь сен-симонистов с Анфантеном во главе, нападающих на пороки общества:

«Рабство все еще существует среди нас, ибо имеются еще люди, живущие трудом им подобных; имеются еще несчастные, которые могут влачить свою печальную жизнь только благодаря существованию привилегированных бездельников... Что в том, если праздные не называются больше *маркиз, граф, барон, дворянин*, если их еще надо привет-

ствовать именами *рантье, капиталиста, собственника, буржуа*!

Так как все собственники являются наследниками или заняли место старых сеньоров, то строй собственности есть только видоизменение крепостного права, как, в свою очередь, крепостное право есть только видоизменение рабства. Существующий строй собственности должен поэтому подвергнуться полной реформе.

Мы хотим отменить право наследования и преобразовать собственность, поставив на ее место учреждения, которые будут лучше удовлетворять требуемому от них отцовскому чувству и объединят не несколько классов людей, но все классы без исключения».

Взгляните теперь на их систему! Они выставляют следующие требования:

«Всеобщая ассоциация или окончательная организация человечества для прогрессивного улучшения народа: воспитание для всех; распределение по группам и использование каждого по его способностям; разделение и распределение труда; труд каждого для блага всех, и труд всех для блага каждого; общественная и общая собственность; общественные и общие продукты; вознаграждение по заслугам: честолюбие каждого свести к тому, чтобы не отставать от лучших и исправлять худших; отмена права наследования и всяких привилегий рождения; равенство между женщиной и мужчиной; право союза, голосования и выборности для всех; монархическое

правительство, но выборное и доверяемое наиболее достойному наиболее достойными».

Вы видите, сен-симонисты хотят радикальной реформы, отмены частной собственности, труда для всех, образования и счастья. Их всеобщая ассоциация есть не что иное, как общность.

Как пифагорейцы, они образуют союз; они организуются; они имеют общее жилище, новый костюм одного типа; они идут всюду проповедывать свое учение, и скоро они насчитывают большое число последователей, молодых людей и женщин, среди которых можно встретить много талантливых людей и богатых, жертвующих свое состояние на дело прогресса, на дело человечества.

К несчастью, сен-симонисты сводят все к религии, к религиозным идеям, формам и наименованиям; они хотят установить новое христианство; Сен-Симон — бог, который открывает миру новую религию; их новое общество есть церковь; все их должностные лица — священники, и их правительство, хотя и выборное, есть в то же время монархия, аристократия и в первую очередь теократия, вооруженная абсолютной властью.

И эти последние идеи, столь враждебные философии XVIII в., влекут за собой внутренние раздоры и останавливают прогресс новой секты.

Послушайте теперь другого философа, также посвящающего свою жизнь благу челове-

чества, основывающего другую школу, где блистают тоже талантливые люди,— Фурье и его учеников, которые ищут реформу общества в реформе промышленности, в ассоциации, в товарищеском режиме, заменяющем режим раздробленности.

Они добиваются промышленной реформы, организуя товарищескую коммуну; гражданской реформы, делая всех членов ассоциации собственниками и капиталистами; политической реформы, устанавливая административное единство и выборы или всеобщее голосование с наследственным королем; наконец, религозной реформы, устанавливая единство верований и культа.

Их товарищеская коммуна должна владеть участком в квадратное лье и иметь в своем составе триста или четыреста семей или тысячу двести индивидов. Она образует товарищество на вере, эксплоатирующее имение с огромным недвижимым и движимым капиталом, живет и трудится в одном громадном здании, называемом фаланстерой, и имеет общий стол и одно хозяйство.

Они хотят, чтобы тысяча двести членов коммуны были разделены, соответственно их наклонностям и вкусам, на группы, серии и фаланги.

Они хотят, чтобы труд был привлекателен, по выбору трудящегося, разнообразен, непродолжителен и облегчен машинами, производящими возможно больше.

Они хотят иметь не заработную плату, а

долю, как члены ассоциации; они хотят не равного раздела всего продукта, а раздела пропорционально капиталу, труду и таланту каждого.

Они хотят, чтобы женщина и ребенок имели свою долю и были независимы.

Они хотят вместе с другими такими же товарищескими коммунами постепенно организовать кантоны, округа, департаменты, государства и весь мир.

Как видите, это в сущности общность с сохранением неравенства состояний, с богатыми без бедных: это общность недостаточная, но это общность.

Тщетно ищет Фурье четыре миллиона, а затем миллион двести тысяч франков, чтобы основать товарищескую коммуну, и надеется на содействие правительства, гарантируя получение производства на сумму, в четыре раза превышающую полученную ссуду. Он может, к несчастью, итти на риск опыта только со слишком маленьким капиталом, чтобы иметь шансы на успех, и, как все другие системы, его система также остается в области теории и доктрины.

Не буду говорить вам ни о других проектах промышленных ассоциаций, основанных на тех же принципах, ни о новой системе мануфактурной ассоциации, которую рекомендовал английским рабочим инженер Ч. Бебедж, профессор Кембриджского колледжа.

Но послушайте основателей другой школы,

Бюшеза и Ру,* ссылающихся на религию и веру, Иисуса Христа и христианство, способность к совершенствованию и движению, прогресс и будущее, равенство и демократию, братство и преданность, единство и человечество, ассоциацию и все, что необходимо ведет к общности.

Послушайте писателя Молодой Италии,** Мадзини, который также взывает к будущему, к человечеству: союз народов, реорганизация и возрождение общества при помощи ассоциации, Иисус Христос и его учение о равенстве и братстве (которое ведет к общности) без пролетариата, как и без земельной или финансовой аристократии.

Послушайте идеи трех ассоциаций: Молодой Германии, Молодой Польши и Молодой Италии, взывающих к тем же религиозным и социальным принципам и требующих, чтобы каждый человек участвовал пропорционально своему труду в пользовании общим фондом, создаваемым деятельностью всего общества.

Послушайте Ламартина в его «Путешествии по Востоку»:

«В ближайшем будущем Франция будет представлять собой прекрасное зрелище: подрастающее поколение, уже в силу своего возраста, будет совершенно свободно от наших

---

* Журнал «Европеец», «Парламентская история Французской революции» и множество других сочинений.

** «Вера и будущее».

распрей и взаимных попреков последних сорока лет. Для него безразлично, что те или иные носят ненавистную кличку одной из наших старых партий. Оно не принимало никакого участия в этих схватках: оно не имеет предрассудков и не думает о мести; оно появляется чистым и полным силы у врат новой дороги, воспламененное идеей... Как хотел бы я вступить на эту дорогу от его имени!.. Настало время зажечь маяк разума и нравственности над нашими политическими бурями, формулировать новый социальный символ, который мир начинает уже предчувствовать и понимать: символ любви и милосердия между людьми, евангельская политика... Пусть небо возродит людей! Ибо наша политика внушает чувство стыда человеку и заставляет плакать ангелов. Судьба предоставляет один час в столетие человечеству, чтобы возродиться. Этот час — революция, и люди теряют его во взаимных раздорах. Они отдают мести час, данный богом для возрождения и прогресса!

Семейное начало — вторая душа человечества. Современные законодатели слишком забывали это; они упускают из виду семью, единственный источник сильного и чистого населения. Законодательство, даже после христианства, было в этом отношении варварским; оно воспрещало половине людей иметь жену, детей, очаг и поле. А между тем оно должно было дать эти блага всем!

Но когда по воле божьей истина спускается

на землю, люди начинают проклинать и побивать камнями того, кто ее приносит; затем они овладевают этой истиной, которую они не убили вместе с ним, потому что она бессмертна, и она становится их наследством.

Разум есть солнце человечества, это верное и постоянное откровение божественных законов, применимых к обществам. Нужно следовать за ним, чтобы не остаться во зле и мраке. Но не нужно его обгонять, так как можно свалиться в пропасть. Понимать прошлое, не жалея о нем, переносить настоящее, улучшая его, надеяться на будущее и подготовлять его — вот закон разумных людей и благодетельных учреждений.

Человеческие идеи привели Европу к одному из тех великих органических кризисов, о которых история сохранила в своей памяти только одну или две даты, эпохи, когда одна изношенная цивилизация уступает место другой... Французская революция была набатом мира... Эта революция, которую позже будут называть европейской революцией,— ибо идеи устанавливают свой уровень, как вода,— есть не только политическая революция, преобразование власти, смена одной династии другой, республики вместо монархии,— все это только стечение обстоятельств, симптом, орудие, средство. Дело революции настолько серьезно и возвышенно, что оно могло бы совершиться при всех формах политической власти, что можно было бы быть монархистом или республиканцем, быть приверженцем

одной династии или другой, сторонником того или другого состава правительства, не будучи еще поэтому менее искренно и менее глубоко революционером. Можно предпочесть одно орудие другому, чтобы расшевелить мир и сдвинуть его с места,— вот и всё, но идея революции, т. е. изменения и улучшения, всё же не меньше освещает ум, не меньше согревает сердце. Имеется ли среди нас мыслящий человек, человек сердца и разума, человек религии и надежды, кто, положа руку на сердце и задавая себе этот вопрос перед богом, перед лицом общества, которое рушится от непорядка и ветхости, не ответил бы себе: я — революционер...

Революция была только сражением, т. е. путаницей и беспорядком, победой и поражением, энтузиазмом и разочарованием. Теперь начинают понимать провиденциальный план этой великой борьбы между идеями и людьми... Это прекрасный и редкий момент для человеческого ума!.. Когда революция наконец понята, она закончена; успех может быть медленен, но он уже несомненен. Если новая идея еще не завоевала окружающую среду, то, по крайней мере, завоевала свое безошибочное орудие — печать... Для политических философов речь идет теперь не о том, чтобы сражаться, а о том, чтобы направлять непобедимое орудие современной цивилизации... Правовое равенство допускается в принципе; свобода слова освящается в правительственных постановлениях; писанное и устное слово

имеет право всюду и всегда апеллировать к общественному мнению. Оно снова ставит и будет ставить все вопросы — социальные, религиозные, политические, национальные — со всей силой, внушаемой ему общественным мнением, пока человеческий разум, освещенный лучом, который богу угодно было ниспослать ему, вступит во владение всем социальным миром.

Во Франции правовое равенство, породившее равенство требований, свобода обсуждения и исследования, просвещение, распространенное в массах, промышленное развитие, пролетарии — все делает революцию неизбежной.

Пролетарии находятся теперь в худшем положении, чем когда-либо: они вновь завоевали права, которые ничего им не дают и, не имея необходимого, они будут волновать общество, пока социализм не наследует ненавистному индивидуализму.

Именно положение пролетариев породило вопрос собственности, который теперь всюду обсуждается и будет решен борьбой и разделом, если он не разрешится при помощи разума, политики и социального милосердия. Милосердие — это социализм; эгоизм — это индивидуализм. Милосердие, как политика, предписывает человеку не предоставлять человека самому себе, а приходить к нему на помощь, организовать известную форму взаимного обеспечения, на справедливых началах, между имущим обществом и неимущим обществом. Оно говорит собственнику: ты

сохранишь свою собственность, ибо, несмотря на прекрасную мечту общности имущества, тщетно испробованной христианством и филантропией, собственность является до сих пор необходимым условием всякого общества; без нее нет ни семьи, ни труда, ни цивилизации. Но это же милосердие говорит ему также: ты не забудешь, что твоя собственность установлена не только для тебя, но и для всего человечества; ты владеешь ею только на условиях справедливости, полезности, распределения и доступности для всех; ты поэтому доставишь твоим братьям из излишка твоей собственности средства и элементы труда, которые необходимы им, чтобы, в свою очередь, владеть своей частью; ты будешь признавать право, которое выше права собственности,— право человечности. Вот справедливость и политика».

Вы видите таким образом, что Ламартин отвергает общность имущества очень осторожно, без состоятельных доказательств и без твердого убеждения, называя ее прекрасной мечтой, осуществления которой желают христианство и филантропия.

Но он провозглашает равенство, братство, милосердие и безусловный долг для богатых употреблять их излишек для доставления бедным их доли в благах природы, т. е. он хочет того, что непреодолимо ведет к общности имущества!

Послушайте, что говорит Ламеннэ в своей «Книге для народа»:

«Люди, рожденные от одного отца, должны были бы составлять одну большую семью, объединенную нежной братской дружбой... Все имеют в виду общую выгоду, потому что все любят друг друга и все имеют долю в общем имуществе... Мало ли, много ли у них,— всё делят братски... Если один заболевает, если он становится неспособным к труду, другие кормят и заботятся о нем.

Нет вражды там, где существует только один интерес. Порождает разногласия, ненависть, зависть только ненасытное желание иметь больше и только для себя самого. Провидение проклинает эти отдельные владения: они беспрестанно возбуждают жадность и никогда ее не удовлетворяют».

Не значит ли это требовать общности имущества?

Взгляните, наконец, на общих братьев, или моравских братьев, с происхождением которых я вас ознакомил в предыдущей главе, взгляните на это общество философов, или христианскую секту, распространенную во всех частях Европы и в Соединенных Штатах Америки, составляющую большие дома или большие семьи в Лаузице, Богемии, Польше, Саксонии, Голландии и, особенно, в Моравии.

Эти дома или семьи в Моравии и Саксонии насчитывают от тысячи до тысячи двухсот членов, которые называются братьями и сестрами. Община в Цейсте, близ Утрехта, в Голландии, насчитывает три тысячи пятьсот

человек, с тех пор как в 1760 г. один богатый немецкий дворянин, увлеченный их учением, вошел в общину и отдал ей все свое состояние.

Дом, в котором живет каждая большая семья,— не монастырь. Это обширное здание, в котором имеются небольшие квартиры для каждой малой семьи; обширные мастерские, одни для мужчин, другие для женщин; большая общая столовая; большие общие залы для игр, собраний и бесед; школы; больница, капелла, сад, место гуляния, земельные участки вокруг здания, общие склады и т. д.

Основами их общества являются действительное и полное равенство, братство и общность труда и потребления. Каждый должен иметь какую-нибудь профессию. Все продукты принадлежат всем сообща; все пользуются ими в равной степени без всякого предпочтения; все едят вместе и питаются, одеваются и живут одинаково.

Все братья вместе избирают хозяина, и все сестры — хозяйку, которые и представляют семью и несут постоянную ответственность.

Почти все выходят замуж без приданого; развод дозволен, но случаев развода не было. Детей воспитывают и кормят почти сообща.

Они исповедуют христианство, но самое главное значение придают евангельской морали, устраняя все, что относится к догме,

придерживаясь простого культа первых христиан, без священников и икон.

Правительства их терпят, но короли и даже Наполеон никогда не хотели допускать их в свои армии.

И счастье, приносимое им общностью имущества, длится уже около трехсот лет.

Я не буду вам цитировать «Четыре исторических возраста» и «Безумцев» Беранже, потому что его песни или, вернее, его философские оды известны во всех концах земли.

Я процитировал бы вам экономистов Ж.-Б. Сэ, Шторха, Сисмонди и т. д., затем Шатобриана, Ройе-Коллара, Гизо, Кузена, Баранта, Вильмена, Токвилля, Лерминье, Бильяра, Жорж Занд, Ог. Конта и т. д., и т. п., если бы я не был вынужден закончить этот затянувшийся обзор.

Я приведу, однако, несколько слов Сисмонди из его «Принципов политической экономии»:

«В современном состоянии общества большинство налогов тратится на защиту богатого против бедного.

Особенно справедливо это в отношении налога крови. В самом деле, говорят, что армия создана, чтобы защищать порядок и собственность. Но если собственность есть искусство поглощать труд бедного, то последний, составляя всю армию, образует часть бедного класса, которая изолирована и военизирована для того, чтобы притеснять

другую часть своего же класса. Тогда не говорите больше о национальной армии и покупайте сами ваших рабов, ибо нация — это огромное большинство».

Теперь прибавьте ко всем этим мнениям свыше трех тысяч польских изгнанников, большинство эмигрантов, поднимающих знамя демократии и равенства, тогда как остальная часть протестует против обвинения в аристократизме.

Прибавьте ассоциации английских и бельгийских рабочих в Лондоне и Брюсселе, призывающих народы к равенству, тогда как масса французских рабочих призывает к общности труда и пользованию его плодами.

Прибавьте множество книг и бесчисленные журналы, которые во всех странах провозглашают демократию и требуют социальных реформ.

Прибавьте бесчисленные филантропические общества во Франции, Англии, Америке, требующие избирательной реформы, всеобщего голосования, просвещения народа, приютов для детей, отмены рабства, исправления осужденных и приобщения дикарей к цивилизации.

И скажите, разве эта масса мнений и авторитетов не импонирует вам?

Я не останавливаюсь на том, что мне кажется несовершенным в этих различных системах, ибо вы знаете, что мы, икарийцы, не всё одобряем, что не есть полное равенство и общность.

Я не останавливаюсь также, чтобы выразить сожаление ни по поводу крайностей,— естественных, но по существу несправедливых а потому менее убедительных,— некоторых писателей по отношению к богачам и аристократам, ни по поводу их злосчастной нетерпимости по отношению к людям, которые мыслят иначе, чем они, но которые, как и они, ищут блага человечества.

Я спрашиваю вас, противники общности, будете ли вы еще утверждать, что общность и равенство не имеют на своей стороне никаких значительных авторитетов, когда вы теперь видите их столь много и когда вы видите, что философский и ученый мир провозглашают равенство?

До завтра! Мы увидим, в завершение нашей беседы, будущее человечества, и вы, я надеюсь, убедитесь, что этим будущим является система общности.

Глава четырнадцатая

БУДУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Кто мог бы отрицать прогресс? Кто мог бы отрицать, что цивилизация лучше дикого состояния, рабство лучше истребления побежденных, свобода лучше рабства, христианство с его моралью лучше язычества; равенство, братство и взаимная любовь лучше кастового разделения общества; действенность, движение и прогресс лучше сопротивления и застоя; братство народов, сношения, концентрация и единство лучше барьеров, отделения и дробления; совершенствование, воспитание и истина лучше огрубения, невежества, суеверия и лжи; что мир лучше войны, свобода лучше деспотизма, коммуна лучше феодализма, независимость лучше принудительного подчинения, действительная представительная система лучше абсолютной монархии или аристократии, республика в Соединенных Штатах лучше королевства? Кто мог бы отрицать миллионы реформ, направленных против миллионов предшествовавших им злоупотреблений?

Кто может отрицать прогресс в науках, искусствах, в открытии Америки, в изобретении книгопечатания, паровых машин, железных дорог и т. д.?

Кто может отныне отрицать человеческую способность к совершенствованию?

И кто может поставить пределы этой способности? Кто может указать пределы математических наук, геологии, химии, физики, астрономии, механики, медицины, фармации?

Кто может опровергнуть Прайса, Пристли, Тюрго, тысячи других, в особенности Кондорсе, утверждавших, что способность к совершенствованию человека бесконечна, что человечество находится еще в периоде своего детства, что будущее для него — неизвестный творец последовательных усовершенствований, из которых каждое будет постоянно порождать тысячи других?

Послушайте Тюрго, который хотел в десять лет преобразовать всю Францию, сделать из ее народа первый народ мира и из ее территории великолепный сад!

Послушайте, как Кондорсе пророчествует бесконечное совершенствование человека в физическом, умственном и нравственном отношениях, как он предсказывает человеку улучшение его природы, более здоровое, более красивое, более совершенное тело, избавленное от страданий и болезней, более тонкий и более могучий ум, более любящее и более благородное сердце, более чистую и, так сказать, более божественную душу!

И все эти чудеса были бы делом социальных и политических учреждений, которые помогали бы природе вместо того, чтобы душить ее; делом главным образом воспитания, всемогущего воспитания, делом разума и провидения, которое преподнесло нам этот неоценимый дар, чтобы он мог произвести эти чудеса.

И эти социальные и политические учреждения, которые должны таким образом будить работу разума и исполнять требование природы и веление провидения,— каковы они, или, вернее, что составляет их сущность?

Вы это слышали. Все, кого человечество спрашивает, как своих оракулов, отвечают вам, что это — равенство, и почти все прибавляют, что это — общность.

И тот, кому мир поклоняется как богу, провозглашает уже в течение восемнадцати веков, что это — равенство и общность.

Да, общность есть последнее социальное и политическое усовершенствование и цель, к которой стремится человечество. Все другие улучшения неизбежно ведут к ней, все они сами по себе могут быть только недостаточными и, следовательно, по существу переходными и подготовительными мерами.

Чем была бы, например, одна только республика, без искоренения нищеты, а следовательно и избытка, без обилия и счастья для умеренно трудящегося народа и, следо-

вательно, без равенства воспитания и состояния?

Чего требуют те, кто говорит о социальной реформе (а о ней говорят все)? Каких социальных реформ они хотят? На какой социальной реформе хотят они остановиться, чтобы общество стало, по их мнению, совершенным? Зачем проводить какие бы то ни было реформы, если они не хотят достатка и образования для всех? Если они хотят достатка, образования и избирательных прав для всех, то зачем останавливаться на полпути и не принять полного равенства и общности?

Нет, не существует конечной остановки между рабством и ассоциацией или равенством, между неограниченным избытком рядом с нищетой и общностью.

Желать действительной ассоциации, или воспитания, или достатка, или всеобщего голосования — это неизбежно значит желать равенства и общности. Отвергать равенство и общность неизбежно значит отвергать всеобщее голосование, и всеобщий достаток, и общее воспитание, и даже действительную ассоциацию.

Реформа — это огромная лестница между небом и землей, по которой взбираются на небо, если можно беспрепятственно поставить ногу на первую ступеньку, затем на вторую и остальные, и от которой надо отгонять всех обступивших ее, не позволяя им взобраться на первую ступень, если хотят быть

уверенными, что они не доберутся до последней.

Так вот, найдете ли вы таких аристократов, которые предоставили бы народу свободу союзов, образование, достаток и избирательное право? Не оказываются ли они, напротив, все более предусмотрительными и более последовательными, подобно английской аристократии, не признают ли они, что злоупотребления существуют, но что они неизбежны, и провозглашают принцип консерватизма вместе с принципом сопротивления и застоя, потому что, говорят они, если сделать одну уступку, то придется сделать тысячу, если коснуться одного злоупотребления, придется коснуться всех, если вынуть один камень, упадут два, три, а затем и всё здание, если допустить одну дыру в плотине — скоро будешь затоплен и если позволить демократии взобраться на первую ступень, она скоро доберется до общности.

Да, если бы я имел право обращаться к королям, я сказал бы им: «Сделайте человечество счастливым! Заявите торжественно, что вы принимаете общность, и начните с образования, со свободы печати и ассоциации, со всеобщего избирательного права. Выберите надлежащее время, идите медленно и подвигайтесь вперед. Народ вооружится терпением и бросит всякую мысль о революции, когда увидит, что вы решительно пошли по пути реформ, но не теряйте ни одного мгновения, когда речь идет об искоренении нище-

ты и уменьшений неравенства. Если вы отвергаете принцип общности для будущего, то мне не о чем с вами говорить, ибо не будет недостатка в посланцах сатаны, которые скажут вам: «Берегитесь, остерегайтесь даровать право голоса, или образование, или достаток, или свободу союзов: у вас сейчас же потребуют общности!»

Я сказал бы равным образом людям, которые хотят блага человечества, но довольствуются тем, что требуют свободы союзов или избирательного права, достатка или образования, из опасения не добиться большего: «Не ослепляет ли вас ваше легковерие, когда вы надеетесь, что те, кто не хочет дать вам общность, предоставят вам сен-симонизм или товарищескую коммуну, свободу союзов или право голоса, образование или достаток, т. е. лестницу, чтобы взобраться до общности?»

Я, без сомнения, не имею права говорить так, как это делали многие другие. Но, предлагая вам мое мнение и убеждение, я рискнул бы сказать вам: «Нужно выбирать между всем и ничем. Вы все, кто не хочет общности, откажитесь от свободы союзов, избирательного права, образования, достатка, всякого улучшения, всякого прогресса. Примите status quo, сопротивление, застой, существующий строй со всеми его пороками, нищету и богатство со всеми их бедствиями. Будьте консерваторами, ториями, легитимистами! Остановите и даже везите назад колесницу

человечества! Вернитесь к аристократии с божественным правом, к первосвященникам и обожествляемым императорам, к суеверию, барьерам между народами, к огрублению человека, к кастам Египта и Индии, одним словом — к рабству, уподобляющему человека животному». Вы не можете,— скажете вы мне. Колесница слишком тяжела, спуск чересчур крут и лошади слишком горячи, чтобы спускаться. Тогда вперед, вперед по направлению к общности! Вперед все! И как бы ни была многочисленна армия, мы будем итти вперед без беспорядка, и мы придем небольшими переходами, без боев, без опасностей и без напряжения. И у всех народов будет общность! И земля будет только одним государством! И человечество составит только одну семью! И эта неизмеримая семья, опьяненная счастьем, будет преисполнена восхищением, благодарностью и почтением к природе или провидению.

Вы опять скажете, что это невозможно? Точно это не было с сотворения мира банальным возражением против всего нового, что не нравилось! Было ли хоть одно изобретение, которое не объявлялось бы невозможным до его осуществления, хотя после всегда говорилось, что это самая простая и самая легкая вещь, и каждый хвастал, что он мог бы сам его сделать, не допуская даже, что можно в этом сомневаться!

Сколько миллионов осуществленных мнимых невозможностей! Разве не объявляли

невозможной отмену рабства; божественность того, кого, как негодяя, распяли между двумя ворами; всемирную монархию папы, бывшего нищего и корсара? Не указывали ли на Колумба пальцем, как на сумасшедшего, и не хотели ли повесить его на мачте его собственные матросы, убежденные, что открытие Америки невозможно? Считали ли возможным, что компания купцов (английская компания Индии) завоюет сто двадцать миллионов подданных, а маленькое общество монахов (иезуиты) станет руководителем королей и народов? Разве парижский медицинский факультет не отрицал кровообращения, открытого Гервеем за пятьдесят лет до того? Разве он не отрицал в течение ста лет того, что картофель так же пригоден человеку, как и свинье? Разве Томас Пен не рисковал быть убитым за то, что предложил, как возможное, независимость и республику, провозглашенные немного спустя американским конгрессом? Разве не смеялись над тем, кто предложил освещать Лондон газом и кто должен был, как уверяли, взорвать и сжечь город своим вулканом из тысяч подземных каналов? Разве Институт, получивший запрос от Бонапарта, не заявил, что пароходы невозможны? Разве Наполеон не прогнал, как чудака, Фультона, предлагавшего ему средство осуществить предмет его самого пылкого желания? Разве мир считал возможными Французскую революцию, карьеру маленького капрала — императора, три парижских

дня и любое из тысячи событий, последовавших за ними? Допускали ли ученые возможность, что небольшое количество кипящей воды может переместить вагон на расстояние в 720 лье в 24 часа?

Вычеркните же слово *невозможно* или, по крайней мере, не применяйте его к общности, когда столько гениев объявили ее возможной!

Не забудьте, что Моисей возвестил о реформаторе, которого ждали в течение веков на всем Востоке; что Иисус Христос возвестил благую весть пришествия этого реформатора и предсказал будущее пришествие другого мессии; что Платон сказал: «Когда-нибудь в какой-нибудь стране какой-нибудь государь установит общность» и что Т. Мор, Гельвеций, Мабли, Тюрго, Сийес, Дидро, Кондорсе, Б. Констан и др. возвестили, что когда-нибудь все возможности станут действительностью!

Не забудьте в особенности железных дорог,— да, железных дорог,— которые все революционизируют и подготовят объединение государств и народов.

И чтобы закончить наиболее решающим из авторитетов, я скажу вам: предположите, что сегодня, в 1836 г., Конфуций и Зороастр, Ликург и Агис, Солон и Пифагор, Сократ и Платон, Аристотель, Гракхи, Аполлоний, Плотин и Плутарх, Т. Мор и Локк, Монтескье и Руссо, Гельвеций и Мабли, Тюрго и Кондорсе, Вашингтон, Франклин,

Т. Пен и Дидро, Сийес и Мирабо и т. д., и т. п. выходят из могил и собираются на конгресс здесь, в Икарии, под председательством Иисуса Христа, чтобы сделать выбор между равенством и неравенством, между собственностью и общностью. Можете ли вы сомневаться, что, видя пред собой счастье Икарии, они провозгласили бы для человеческого рода равенство и общность!

Мы, икарийцы, так счастливы нашей благодетельной общностью, что все, мужчины и женщины, не знаем, как выразить нашу благодарность тем, кто доставил нам столько счастья, и с постоянно возрастающим пылом мы беспрестанно восклицаем: «Слава нашим освободителям! Вечная слава доброму Икару!»

Но наши чувства всеобщего братства слишком искренни, чтобы я мог не воскликнуть здесь от имени всех наших сограждан: «Желаю вам и вашим отечествам скорейшего счастья коммунизма!»

Нечего говорить, что ответом на филантропическое пожелание оратора был гром аплодисментов: энтузиазм был так велик и благодарность Динару так сердечна, что собрание, почти в полном составе, проводило его домой. Можете судить о радости Евгения и о моем счастье, так как Динар был почти мой брат!

Глава пятнадцатая

АССОЦИАЦИЯ И ПРОПАГАНДА В ПОЛЬЗУ ОБЩНОСТИ

Иностранцы вновь собрались, чтобы обсудить вопрос, отложенный до окончания доклада Динара, а именно — о том, применима ли общность в их странах. Все заставляло предполагать, что преобладающее большинств даст утвердительный ответ. Однако оппозиция была настойчива. Антонио первый взошел на трибуну и заявил, что его мнение значительно изменилось в результате того, что он видел и слышал, но он, тем не менее, все еще сомневается в том, что икарийская система, как бы она ни была желательна, осуществима теперь в Испании.

— Я понимал бы это сомнение,— ответил один итальянский карбонарий, изгнанный папой в 1831 г.— если бы мы не имели опыта Икарии. Но когда Икария приступила к осуществлению на опыте своей системы в 1782 г., не была ли она в том же положении, в каком теперь находятся Испания, Италия и почти все цивилизованные страны? Разве

положение всех этих стран теперь, в 1836 г., не более даже благоприятно, чем положение Икарии пятьдесят четыре года назад, в особенности когда они имеют перед собой в виде образца опыт, который так прекрасно удался? Чтобы добиться такого же успеха, как икарийцы, каждый народ должен только повторить то, что они сделали, и сможет даже лучше сделать, избегая ошибок, которые они, в силу своей неопытности, совершили в 1782 г.

Предположите, что принцип общности принят в Америке, Англии, Франции. Будет ли тогда что-нибудь легче, чем выполнение этого плана в Соединенных Штатах? Если бы весь промышленный гений англичан, если бы весь изобретательский гений французов были пущены в дело, чтобы осуществить то, что сделали икарийцы, то разве эти два народа не успели бы так же хорошо, как и икарийцы?

Почти все оппоненты заявили, что они допускают возможность осуществления общности, если все будут согласны, но аристократы и богатые не согласятся на это, и их собственное колебание происходит из опасения, что пришлось бы пролить много крови, чтобы победить сопротивление.

— Буду работать медленно и осторожно, как это делал Икар,— ответил поляк.

— Впрочем,— сказал Евгений,— разве режим общности не составит одинаково счастье как богатых, так и бедных? Зачем сомне-

ваться в том, что многие дворяне окажутся справедливыми и благородными и поймут свой настоящий интерес, как это сделали икарийские дворяне в 1782 г., как это сделало французское дворянство 4 августа 1789 г., как это делает теперь наш друг лорд Керисдолл, один из наиболее богатых сеньоров Англии, который желает отдать все свое состояние для установления режима общности в его стране?

— Я знаю,— прибавил я [я — Вильям],— многих лордов и сеньоров во Франции, Пруссии, Венгрии, в Италии, Испании, даже в России и в других местах, которые желают в такой же степени, как и мы, блага человечества.

— Что касается пролития крови,— сказал другой оратор,— то я приведу рассказ, который я слышал несколько дней назад. В продолжение шестнадцати лет, которые он прожил после революции 1782 г., Икар любил говорить, что самое дорогое его воспоминание заключалось в том, что он имел счастье осуществить свою новую систему без кровопролития. И вот, мы последуем его примеру!

— Мы последуем его примеру!— повторило множество голосов.

Ораторы, родом из пяти или шести соседних стран (Виргиния, Тарон и т. д.), заявили, что пример Икарии был принят в их странах, не встретив сопротивления, хотя и с меньшим успехом, так как эти страны имели меньше ресурсов.

Два американца, из Нью-Йорка и Филадельфии, утверждали, что нет ничего более легкого, чем применение системы общности в двадцати четырех объединенных штатах. Они прибавили, что Америка уже провела много частичных реформ, которые ведут к режиму общности; в нескольких штатах аристократические банки теряют свои привилегии; почта на лошадях заменена специальными вагонами; что boarding-house (общие хозяйства) множатся в новых городах для организации совместного питания; рабочие хотят работать только как члены ассоциации, и домашнюю прислугу с каждым днем становится все труднее найти. Их речи были встречены продолжительными аплодисментами.

— Я был в молодости одним из наиболее нетерпимых аристократов,— сказал почтенный отец Френсис (шотландский миссионер),— затем я стал священником и объехал почти все части земного шара. Теперь я стар, возраст дал созреть всем моим идеям, и я не колеблюсь заявить вам мое глубокое убеждение, что система Икарии осуществима повсюду. Я тем менее колеблюсь сделать это заявление, что оно меня ни к чему не обязывает. Сейчас нам будут предложены пути осуществления. Если мы можем сделать мало, мы сделаем мало; если мы не можем итти быстро, мы пойдем медленно. Но я думаю, что кое-что мы можем...

Когда было предложено и решено закрыть прения, около двухсот человек воздержалось

от голосования, заявив, что не составили еще себе твердого убеждения, а свыше девяти с половиной тысяч объявили систему осуществимой. Это голосование было встречено долгими и шумными знаками одобрения.

Несколько членов меньшинства, увлеченные этим огромным большинством, заявили, что ввиду такого значительного большинства они присоединяются к его мнению, потому что это обстоятельство делает, как им кажется, осуществление системы более легким.

Тогда поставлен был вопрос, следует ли уже сейчас приняться за осуществление.

Другие ораторы — меньшинства — настаивали на том, что нужно предоставить это начинание ближайшему поколению или ждать, чтобы начала какая-нибудь великая европейская нация или явился новый Икар.

— И если второй Икар,— ответил один толстый немец,— будет собираться на землю так же долго, как Икар после Иисуса Христа, то придется ждать тысячу восемьсот лет! Если Франция будет ждать Англию, а Англия Францию, то каждая будет ждать еще больше! Если настоящее поколение передаст дело ближайшему поколению, то почему последнее не могло бы передать его также следующему? И мы поступим тогда, как тот цырюльник, который написал на своей двери: «Завтра здесь бреют даром», и когда кто-нибудь хотел побриться даром, отвечал ему, смеясь: «Читайте мое объявление: только завтра здесь бреют даром». [Взрыв смеха].

Что касается меня, то я принимаю принцип: «Помогай себе сам, тогда тебе небо поможет». Это был также и принцип Икара, который подготовил свои планы задолго до революции. Не знаю, сделаем ли много или мало, но мое мнение — мы не должны говорить, как цырюльник, *завтра* и должны начать *сегодня*.

Крики «голосовать» смешались с возгласами «браво», и голосование дало еще более значительное большинство, чем предыдущее.

Что можем мы сделать, чтобы установить режим общности?— гласил четвертый вопрос.

— Что можем мы сделать?— воскликнул самый пылкий оппонент.— Где наша армия, наша казна, наша власть, чтобы установить республику и режим общности во Франции, Англии, Европе? Кто среди нас — Икар, облеченный полномочиями диктатора? Кучка иностранцев для каждой страны,— что можем мы сделать? Ничего, ничего, абсолютно ничего!

— Мы можем так мало,— сказал другой,— что поистине нам лучше также подождать.

— Так мы поступили бы лучше,— сказал третий,— потому что мы могли бы только задержать, а не ускорить событие, которого мы желаем: часто отступают назад, чтобы двинуться скорее вперед. Дело это еще не созрело.

— Где была бы теперь Икария,— ответил Евгений,— если бы ее Икар так ставил

вопрос? Разве Икар не начал свое дело за несколько лет до революции? Разве он не начал, когда был один и не имел в своих руках власти? Поступим, как он, начнем сейчас же.

— Вы, следовательно, хотите установить режим общности при помощи насилия?— крикнул ему громовый голос.— Вы хотите, следовательно, чтобы были заговоры, бунты, покушения, революции?

— Нет, нет — ответил Евгений,— а так как вы мне делаете такое возражение, объяснимся начистоту! Я разделяю без всяких оговорок убеждения и принципы умеренности, терпимости и философии, изложенные Динаром. Более счастливый, чем вы, так как он меня удостаивает своей дружбы и я имею счастье беседовать с ним ежедневно, я вместе с ним глубоко убежден, что насилие было бы более гибельно, чем полезно. Чем больше я размышляю о прошлом, чем больше я принимаю во внимание недостаточное просвещение масс и недостаточное благоразумие вождей, тем больше я опасаюсь насильственной революции. Чем больше я люблю народ, чем больше я ему предан, тем больше я желаю реформы, которая не была бы эфемерна, тем более пылки мои стремления к режиму общности, тем больше горю я нетерпением увидеть ее основательно и прочно установленной и тем больше я хотел бы для нее всеобщего признания.

И так как истинный патриот должен всем

жертвовать для действительных интересов народа, так как несколько лет не имеют никакого значения в существовании народов и человечества, то я предпочел бы, чтобы режим общности начался через десять лет с просвещенным народом, чем чтобы он начался через год с народом, мнения которого слишком мало определились. Не желая помешать успеху слишком большой поспешностью, я предпочитаю ждать его долго и, далекий от мысли о насилии, я, наоборот, если бы голос мой был достаточно силен, чтобы его могли услышать, громко кричал бы: «Никаких заговоров, никаких бунтов, никаких покушений! Будем только обсуждать, будем просвещать общественное мнение!»

— Но вы нападаете на французскую хартию!

— Нет, я хочу, чтобы просвещали избирателей, депутатов, нацию и правительство, не прибегая никогда к насилию.

— Но вы хотите разрушить монархию и установить республику!

— Нет, я опять хочу только, чтобы просвещали избирателей, депутатов, нацию и правительство, чтобы они согласились на установление всеобщего избирательного права (которое не запрещено ни хартией, ни законом). Я не придаю значения ни названиям, ни лицам. Для меня неважно, называется ли политическая организация монархией, демократией, обществом, представительным правлением или как-либо иначе, лишь бы

народ имел свое избирательное право. Для меня мало важны даже число и титул правителей и их цивильный лист, если они дают народу равенство и общность. Пусть только явится благодетель народа, и я не буду возражать против того, чтобы ему присуждены были самые громкие титулы, всякие почести и все миллионы, которых он может пожелать, если только возможно, что благодетель человечества придает значение сокровищам!

— Но вы нападаете на собственность!

— Ничуть! Глубоко убежденный, что всякое сильное нападение на собственность может породить только войну и бедствия для бедных, как и для богатых, я признаю ее, как и всё, что называют приобретенными правами. Я требую, чтобы они были оставлены настоящему поколению и чтобы изменение было сделано только для будущего поколения, подготовленного к тому, чтобы принять это не страдая. Я хочу только, чтобы просветили избирателей и депутатов, правительство и нацию, чтобы они допустили реформы, которые они бесспорно имеют право дать и провести, и вместе с Икаром и Динаром я требую, чтобы, допустив принцип общности и приняв его по убеждению, к нему подготовлялись при помощи переходной системы, достаточно продолжительной, чтобы согласовать все интересы.

— Но вы возбуждаете ненависть бедных к богатым!

— Нет, нет, напротив! Бедный ненавидит богатого испокон веков, до меня и без меня, и именно его нищета порождает в нем эту ненависть. Далекий от того, чтобы усиливать ее, я хочу смягчить ее, направляя ее только на вещи; я хочу, чтобы бедных просвещали так же, как и богатых, и богатых так же, как и бедных, в их общем интересе, показывая им истину, указывая им настоящую причину их общих бедствий и средство, которое даст им возможность пользоваться общим счастьем. Одним словом, ничуть не обращаясь с призывом к насильственным мерам, я взываю только к разуму, философии, справедливости и, если это нужно, к благородным страстям, чтобы обеспечить благо человечества.

— Но что же мы можем, наконец, сделать? — крикнул ему другой из оппонентов.

— Что мы можем сделать?— ответил Евгений.— Вот мое предложение.

Мы здесь представители почти всех стран. Так вот, мы могли бы образовать большую ассоциацию, которая выбрала бы сторонников принципа общности среди наиболее уважаемых, наиболее популярных и наиболее влиятельных людей, издавала бы книги и пропагандировала организацию Икарии.

Если бы ассоциация даже не сделала ничего другого, она оказала бы огромную услугу человечеству. Ибо допустите, что миллионы французов, миллионы англичан, миллио-

ны немцев, миллионы американцев высказались бы в пользу общности, и судите сами затем, какое влияние оказал бы один этот факт на общественное мнение!

И когда говорят, что мнение есть царица мира, то это не одно из тех лживых слов, которыми так часто обманывают людей, потому что торжество христианства свидетельствует, что даже пытки палачей бессильны против идей и убеждений.

Так что, если бы, как я уже сказал вам прежде, вся Франция была собрана в одном зале и выслушала объяснение об организации Икарии, то вся Франция, я в этом нисколько не сомневаюсь, пожелала бы для себя этой организации [Германия тоже! Испания тоже! Пруссия тоже! — послышались возгласы со всех сторон], и режим общности установился бы всюду без кровопролития, без малейшего насилия, одной только силой общественного мнения.

Но так как физически невозможно собрать весь народ Франции, например, ни в одном зале, ни на одной равнине, то соберем его на другой манер и ознакомим его с Икарией, распространяя сочинения, которые заменят для него дискуссию.

— Но ассоциация запрещена вашими французскими законами! — крикнул ему его противник.

— Я это знаю, и меня это огорчает... Но законы, которые отнимают у человека из его наиболее драгоценных свобод — свободу

создавать ассоциации и собираться, чтобы обсуждать и изучать средства быть счастливыми, могут быть только исключительными и временными в странах философии и цивилизации, в особенности когда граждане Англии и Америки обладают и пользуются неограниченным правом создавать союзы и собираться, проповедывать и издавать, говорить и писать. К тому же французский закон не запрещает дискуссию в печати.

Нам, быть может, потребуется долгое время, но что значат несколько лет в жизни нации? Не пройдет и двух-трех лет, как мы будем иметь миллионы голосов, вероятно, голоса людей, наиболее выдающихся своим образованием и добродетелями, и мы, наверное, достигнем цели, повторяю, единственно силой разума, убеждения и общественного мнения!

На Англии... Но я замечаю, что мой уважаемый друг просит слова...

— Продолжайте,— кричали ему старый миссионер и многие другие.

— Главным образом на Англии, Франции и Соединенных Штатах Америки должна сосредоточить, по моему мнению, все свои силы наша ассоциация. И если икарийский народ захочет оказать нам какую-нибудь помощь, то никто, я думаю, не будет уже больше спрашивать, что может сделать ассоциация...

Аплодисменты были так бурны, что я был так же поражен, как и очарован.

Но тишина тотчас же была восстановлена, как только увидели на трибуне седую шевелюру почтенного отца Френсиса.

— Я поддерживаю всей душой,— сказал он торжественным голосом,— мнение молодого человека, который предлагает вам собирать всюду голоса в пользу принципа общности. Но, целиком одобряя его благоразумие и умеренность, я иду дальше, потому что мой возраст разрешает мне, быть может, бо́льшую смелость: нужно вести пропаганду! Нужно выполнить новую миссию! Апостолы Икара, будем подражать апостолам Иисуса Христа. Уедем из Икарии, чтобы объехать землю и проповедывать народам общность! Будем писать, говорить, обсуждать, убеждать, обращать!

Почти согбенный старостью, я хотел умереть спокойно в земном раю — Икарии. Но я готов снова пересечь моря. Я отправлюсь, если вы пожелаете, на север Америки, но не для того, чтобы опять увидеть дикарей, у которых я когда-то побывал, но для того, чтобы проповедывать общность той нации, которая, быть может, больше всего походит на Икарию. О, я умер бы там счастливым, если бы голос мой способствовал принятию системы, которая дополнила бы ее благоденствие и составила бы счастье всей Америки!

Эти слова старца вызвали такое умиление и такой сильный энтузиазм, что со всех сторон потребовали голосования принципа

ассоциации и назначения комиссии, которая представила бы собранию проект организации общества.

Собрание приняло это предложение единогласно и с таким одушевлением, как будто режим общности должен был уже завтра устанавливаться во всех пяти частях света.

Глава шестнадцатая

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД В ИКАРИИ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБЩНОСТИ

Я выхожу из зала Национального представительства. Какое заседание! Какое зрелище!

После собрания иностранцев, результат которого вызвал живейшие симпатии во всей республике, Динар и Вальмор добились созыва народных собраний Икары. И триста тысяч граждан столицы единогласно приняли петицию к представителям нации: принять дело иностранцев на попечение правительства Икарии.

Дед Вальмора возвестил, что завтра он внесет проект закона в пользу народов, которые обратились бы за помощью к республике, после того как они у себя установили бы режим общности.

Его предложение, розданное всем депутатам и опубликованное в национальном журнале, стало известно всем гражданам Икарии. Так как этот факт крайне заинтересовал общественное мнение, то зал был переполнен

и вокруг здания столпилось множество граждан, с нетерпением ожидавших результата голосования.

— Представители Икарии,— сказал старый оратор медленным и слабым, но совершенно отчетливо слышным голосом, среди торжественного молчания,— я никогда еще не говорил перед вами о предмете, более важном и интересном для республики. Однако я буду краток, потому что знаю, что мои убеждения — также и ваши убеждения.

Наш Икар, бессмертной и славной памяти, советовал нам,— вы все это знаете,— смотреть на все народы как на наших братьев и не пренебрегать ничем, чтобы дать им возможность пользоваться счастьем общности, после того как она упрочилась у нас.

Мы хорошо сделали, что сперва занимались только нашими внутренними делами и не стремились распространять наши отношения вовне.

Мы даже хорошо поступили, когда не старались стать известными отдельным нациям и посылали к ним только тайных комиссаров.

Но не настало ли время ознакомить с нами весь мир?

Посмотрите, как велико теперь наше могущество!

Нам больше нечего опасаться. Даже коалиция двадцати народов нам совершенно не страшна, ибо мы могли бы выставить против них свыше десяти миллионов граждан-солдат.

Семь ближайших к нам народов — наши союзники или, вернее, друзья и братья, которые нам служили бы оплотом или авангардом, тогда как четыре диких народа, которых мы цивилизовали и колонизировали, служили бы резервом.

Наш флот, соединенный с флотами двух наших союзников, может предпринять самые отдаленные экспедиции. Свыше двух миллиардов в золотых и серебряных слитках и сосудах и свыше миллиона солдат позволяют нам предпринять все, ибо если бы республика провозгласила крестовый поход в пользу общности, то я убежден, что свыше миллиона молодых граждан добровольно стало бы под знамя пропаганды коммунизма.

И если бы это знамя явилось народам, сколько союзников, сколько миллионов угнетенных в первую очередь захотело бы стать в ряды вокруг знамени свободы!

Никогда народ или завоеватель не имел в своих руках подобной силы.

При таких условиях должны ли мы ограничиться участием только к нашим несчастным братьям — черным рабам? Не должны ли мы также заинтересоваться активно и судьбой наших несчастных братьев — белых рабов?

И так как мы теперь можем решиться на то, чего мы не могли делать до настоящего времени, то мы не должны больше ограничиваться только своими собственными делами. Нужно поднять знамя общности во Франции

или Англии, потому что это знамя, отправившись из одной или другой из этих великих стран, обойдет всю остальную Европу, и мы одним ударом освободим весь мир.

Провозгласим же наши принципы во всем мире; направим посланников ко всем народам; заключим союзы со свободными народами; призовем к нам иностранцев, чтобы они видели наше благоденствие; окажем помощь ассоциации, которая организовалась здесь, и заявим Англии и Франции, что если одна из них провозгласит общность и остальная Европа захочет объявить ей войну, то наша республика предоставляет в ее распоряжение миллион человек и два миллиарда.

Но было бы недостойно избранников мудрого народа действовать поспешно в деле этого рода и поддаться энтузиазму вместо того, чтобы слушаться только разума.

Обсудим поэтому спокойно это дело, запросим всех наших братьев, объединенных в их народных собраниях. И чтобы быть более уверенными, что мы не поступаем вразрез с нашими интересами, дав себя увлечь нашим благородным чувствам, отсрочим на шесть месяцев окончательное обсуждение.

Представители Икарии, вы, быть может, будете решать судьбы человечества!

Что касается меня, старого соратника Икара, то я счастлив, что жил достаточно, чтобы сделать вам это предложение. Я кончил.

Лицо почтенного старца сияло... Я ожидал бесконечных аплодисментов, но был так же

поражен, как и другие, когда увидел, что он сошел с трибуны среди самого глубокого молчания, хотя все собрание по своей воле поднялось в знак уважения и провожало его глазами, пока он не вернулся на свое место.

Вальмор показался мне бледным; Динар улыбался; Евгений и я задыхались от волнения.

Президент спросил, не желает ли кто-нибудь высказаться за это предложение или против него. Молчание... Не желает ли кто-нибудь внести поправку. Опять молчание...

Тысячи ламп освещали тогда зал, и свыше шести тысяч человек слушали. Судите сами, какое величественное зрелище!

— Вы будете сейчас голосовать,— сказал президент.— Пусть те, кто за принятие предложения, встают.

Две тысячи законодателей встали.

— Пусть те, кто против, встают.

Все остались сидеть.

И все та же глубокая тишина в зале, хотя у каждого сердце колотилось в груди.

— От имени Национального представительства,— сказал президент,— объявляю предложение принятым.

Вы не можете себе представить взрыв энтузиазма, разразившийся тогда среди иностранцев, на галлереях и на скамьях представителей народа.

Крики повторились и снаружи; новость с быстротою молнии распространилась во всех шестидесяти народных собраниях Икары.

собравшихся в экстраординарном порядке для этой цели. И всюду она была принята с радостью и одушевлением, каких уже давно не видели.

— Мы увидим еще,— сказал мне Евгений, опьяневший от радости,— такое заседание в Париже или Лондоне! Икария, Франция, Англия! О, мой дорогой друг, мы ее увидим, эту дорогую общность, которая составит счастье человеческого рода!

Глава семнадцатая

СЧАСТЬЕ МИЛОРДА

Все улыбается мне: наша ассоциация организовалась окончательно под защитой республики; право жить здесь, исходатайствованное для меня дедом Вальмора, делает меня икарийцем, оставляя англичанином; мисс Генриетта, давно уже терзаемая старой теткой, ищет своего счастья в посвящении себя религии; Вальмор и Алаэ так счастливы в надежде на свой брачный союз, что срок в два месяца, положенный для нашего тройного брака, был уменьшен наполовину, и завтра начинается для нас рай.

Все в движении, все дышит радостью!

Уже счастливого дружбой сегодня, завтра любовь сделает меня счастливейшим из супругов и людей, и я скоро смогу увидеть опять мою дорогую Англию, показать ей свою Динаизу и трудиться для блага отечества, знакомя его с чудесным счастьем Икарии и поразительными благодеяниями общности.

Как я буду счастлив послезавтра, когда набросаю для своих детей рассказ о нашей свадьбе, которая будет так радостна!

Если бы я был суеверен, я испугался бы такого огромного счастья!

Глава восемнадцатая

БРАК И СВАДЬБА

Эта глава, название которой написано рукой милорда в его дневнике, даже не начата, и записи были прерваны самым ужасным несчастьем.

Я заполнил их на основании собранных мною сведений.

Глава девятнадцатая

КАТАСТРОФА

21 июня прошлого (1837) года я получаю от лорда Керисдолла записку, в которой он меня извещает о своем приезде и настоятельно просит зайти к нему. Я бегу к нему, желая поскорее обнять его.

Хотя он всегда относился ко мне очень сердечно, но он меня обнял с такой сердечностью и даже нежностью, что я был растроган. Я нашел его страшно усталым, печальным, убитым; лицо его показалось мне изменившимся и искаженным, как будто сильное горе сделало его бледным и избороздило морщинами. Я едва осмелился задать ему вопрос.

Мы, однако, беседуем, и я нахожу новую прелесть в его рассказе, в котором печаль смешивалась с энтузиазмом.

— О, мой друг,— повторил он несколько раз,— что за чудо эта Икария!

Но вдруг черты его сразу изменяются; лицо воодушевляется; он делает движение ужаса; взгляд его становится блуждающим, он смотрит пристально в окно на небо и внезапно вскакивает с криком:

— Ты бежишь от меня, моя Динаиза! Ты оставляешь меня одного в Англии! Приди, мой ангел, приди вернуть мне жизнь!

Но физиономия его опять быстро изменяется, радость и счастье блестят в его глазах; улыбка появляется на его устах; он обращается к вернувшейся к нему Динаизе с самыми трогательными словами; потом он падает назад в свое кресло, точно истощенный от усталости, засыпает и оставляет меня во власти самого живого беспокойства.

Джон сообщил мне тогда, что его господин внезапно помешался в Икаре и бежал.

Они потратили три месяца, чтобы вернуться в Лондон, и в продолжение этого времени с ним случилось только пять таких припадков. Как только проходит кризис, разум возвращается к нему. Что касается его доброты, то можно сказать, что она все время растет, и он занят только счастьем других.

Когда я спросил Джона, что вызвало его болезнь, он ответил мне:

— Разве вы не знаете еще? Он любил мадемуазель Динаизу, за которую готов был умереть. В день брака (как милорд был счастлив!), спускаясь после брачной церемонии, чтобы войти в бальный зал, она упала, неизвестно по какой несчастной случайности, к ногам милорда, который поднял ее... Она была... мертва. *

---

* Я был свидетелем сцены, совершенно похожей на все события, описываемые в этой главе.

И рыдания заглушили голос бедного Джона.

На другой день Джон входит ко мне, задыхаясь и вне себя:

— Сударь, сударь! Идите скорей! Она не умерла! Мне передали письмо... Она в дороге! Она очень долго была в обмороке, холодная, точно без жизни. Все оплакивали ее. Это точно чудо!.. О, какая история!.. Вы прочтете письмо... Но идите сейчас же!.. Я не знаю, как сообщить ему эту новость! Я боюсь. Идите сообщите ему сами. Идите, идем!..

И я сейчас же бегу сообщить милорду, что он скоро увидит свою Динаизу.

Конец второй части

Часть третья

РЕЗЮМЕ УЧЕНИЯ, ИЛИ ПРИНЦИПЫ ОБЩНОСТИ

Единственная глава

ОБЪЯСНЕНИЯ АВТОРА. УЧЕНИЕ ОБ ОБЩНОСТИ

Многие мои друзья были удивлены тем, что я проповедую общность, тогда как прежде я говорил только о прогрессе и улучшении судьбы народа. Поэтому я должен представить им объяснение. Вот оно.

Я был слишком долго жертвой своей преданности народному делу, чтобы не остаться ему преданным навсегда, и я решил, подобно Кампанелле, использовать время изгнания, чтобы изучать историю, размышлять и стараться быть полезным согражданам. Я подготовил для народа три элементарных истории (всеобщую историю, историю Франции, историю Англии).* Потом мне захотелось прочесть на английском языке «Утопию», о которой я, как и многие другие, часто слышал, но мало знал.

---

* Второе из этих сочинений вышло в свет. Другие два почти закончены.

Несмотря на многочисленные недостатки этого произведения, в особенности если пытаться осуществить его план в настоящее время, я был до такой степени поражен его основной идеей, что закрыл книгу, не желая вспоминать о мелочах, дабы серьезно подумать об этой идее общности, которую я никогда не имел времени глубоко исследовать, предубежденный против нее, как почти все, кто осуждает общность как химеру.

Но чем больше я размышлял, тем меньше идея эта казалась мне химерической. Я исследовал теоретическое применение ее ко всяким условиям и потребностям общества; чем больше я продумывал ее частичные применения, тем больше для меня выяснялась возможность и даже легкость ее осуществления.

Мне трудно описать радость, какую я испытал, найдя, наконец, средство против всех недугов человечества, и я уверен, что в своих дворцах и празднествах изгоняющие не имеют столько чистых наслаждений, сколько их имеет изгнанный, с каждым днем все яснее различающий зарю счастья рода человеческого.

Закончив разработку своего плана общности, я прочитал и перечитал сочинения всех знаменитых философов,* которые я здесь

---

* Если бы я был во Франции, я мог бы найти сотрудников, которые помогли бы мне изучить труды сотни других философов.

излагаю в двенадцатой и тринадцатой главах очень сжато,* и я опять не могу описать удовольствие, какое испытал, когда увидел, что те из этих философов, которых я не знал, и те, которых я когда-то читал, не замечая всех их сокровищ, подтверждали мое мнение почти по всем интересовавшим меня вопросам.

Подкрепленное таким образом, мое убеждение стало непоколебимым, и я решил опубликовать свой труд.

Однако некоторые друзья во Франции, которым я сообщил свой проект и свои главные идеи, пытались убедить меня отказаться от них.

«Общность! — писали мне одни.— Но это всеобщее пугало, химера! Вы восстановите против себя общественное мнение, или вы встретите полное равнодушие. Вы заставите многих ваших друзей отказаться от вас. Даже народ вас покинет, ибо он слишком просвещен, чтобы не видеть, что его настоящий интерес заключается не в общности, а действительное равенство может быть только равенством нищеты. Вы лишаете себя таким образом всякой надежды на карьеру, на помощь, на будущее. Что же, вы с ума сошли?»

Но эти возражения так же мало удивили меня, как мало заставили меня отступить назад.

---

* Изложение их трудов явится предметом весьма поучительного третьего тома, который я опубликую отдельно.

Я восстановлю против себя, говорят, общественное мнение! — Как? Общественное мнение восстанет против философского обсуждения, против исследования истины и средств излечения всех недугов, терзающих человечество! Нет, нет, для этого нужно было бы, чтобы общественное мнение было слепо, так же слепо (si parva magnis componere licet — коль сравнить нам малое можно с великим), как тогда, когда оно восстало против Сократа и Иисуса Христа, а это было бы еще одним основанием больше, чтобы стараться просветить его.

Или же оно отнесется к моим идеям совершенно равнодушно? — Тогда они ни в чем не будут мешать другим. И это опять-таки основание, чтобы разбить это равнодушие, столь же гибельное в философии и общежитии, сколько оно может быть в области религии.

Мои друзья отвернутся от меня? — О, я буду огорчен за тех, кого я столь же люблю, сколь уважаю. Но изгнание приучает обходиться без многих проявлений дружбы, и я не колебался бы сказать: «Amicus Cato, sed magis amicus Plato et magis adhuc amica Veritas» (люблю Катона, но еще больше Платона, и еще больше Истину). Впрочем, нет, мои истинные друзья не откажутся от меня, ибо я думал, как они, когда не изучал еще вопроса, и они, вероятно, думали бы, как я, если бы они, подобно мне, размышляли о нем в течение трех лет. Я готов обсудить с

ними этот вопрос, твердо убежденный, что они обратятся, и готовый позволить обратить себя, если мне докажут, что я ошибаюсь.

Сам народ покинет меня? — Нет, потому что он не имеет друга более искреннего, более постоянного и более преданного. Я, однако, хорошо знаю, что этот народ, всегда в общем хороший, справедливый и великодушный, может быть обманут и слушаться своих врагов, как во время оно лакедемонский народ покинул короля Агиса, как римский народ покинул Гракхов и как иудейский народ дозволил распять Иисуса Христа. Но это еще одно основание посвятить себя его освобождению.

Я лишаю себя всякой надежды на помощь, карьеру и будущее? — О, я это знаю и все делаю для этого уже слишком давно. Но многие из нас думают только о себе; нужно, чтобы были и такие, которые думают только о народе и о человечестве!

Я сошел с ума? — Увы! Разве не всё есть безумие на земле? Разве мы не все безумцы, отличающиеся друг от друга только по роду и виду? Когда столько так называемых мудрецов терзаются из-за эгоистических наслаждений, то разве самые безумные именно те, кто находит наслаждение в том, что приносят себя в жертву для своих братьев? И когда являешься безумным вместе с Сократом, Платоном, Иисусом Христом и столь многими другими, то разве Шарантон, в котором находишься вместе с ними, не стоит Шарантона,

наполненного честолюбцами, жадными и алчными?

«Как,— писали мне другие друзья,— вы пишете роман, чтобы объяснить вашу систему общности? И вы не начинаете изложением вашего учения?» — Да, я пишу роман, чтобы изложить социальную, политическую и философскую систему, потому что я глубоко убежден, что это самая простая, самая естественная и самая ясная форма, чтобы дать понять самую сложную и самую трудную систему; потому что я хочу писать не только для ученых, но и для всех; потому что я хочу, чтобы меня читали женщины, которые были бы куда более убедительными апостолами, если бы их благородная душа была крепко убеждена в действительных интересах человечества; потому что я не хочу подражать экономистам и их подражателям, которые, как говорит Кондорсе, часто затемняли свои идеи, злоупотребляя научными терминами. Я, быть может, ошибаюсь, но эта форма, которую мне, впрочем, подсказала «Утопия», мне кажется предпочтительнее тех, которыми пользовались современные писатели для изложения аналогичных предметов. Я, несомненно, нуждаюсь в снисхождении моих читателей, в особенности что касается романтической части, но они поймут, что эта часть есть только аксессуар, которому я мог уделить возможно меньше места. Другие сделают это лучше. Что же касается меня, то я достигну моей цели, если романтическая часть может

привлечь нескольких читателей без того, чтобы философская часть потеряла кого-либо из них.

Но так как эта система представляет нечто новое, то, вероятно, понадобится, чтобы ее хорошо понять, второе чтение, которое будет значительно легче, так как перед читателем уже пройдет вся совокупность фактов и рассуждений.

Что касается сущности системы, общественного и политического строя Икарии, то я прошу читателя точно отличать то, что является основным принципом, от того, что есть только пример и деталь. Так, когда я говорю, что план образцового дома устанавливается или должен быть установлен законом после конкурса, то это принцип, который я считаю неоспоримым; когда я даю план этого дома, то это только одна из тысячи идей, которые можно принять, и представители искусства смогут найти много ошибок в выполнении, которых я мог бы избежать, если бы писал мою работу в Париже, но которые сами по себе безразличны, ибо не в этом состоит система. И когда речь зайдет об исполнении, то народ и собравшиеся ученые сумеют найти лучшие планы и лучшие образцы.

Пусть поэтому не придираются ко мне из-за деталей, ибо я сам отказываюсь защищать их.

Вот, впрочем, то, что я считаю учением или принципами общности.

Принципы и учение об общности

Что такое естественные, или божественные, права? — Это права, которые даруются природой или божеством.

Что такое общественные, или человеческие, права? — Это права, которые даются обществом или придумываются людьми.

Какие права считаются естественными? — Главные из них: право существования и право использовать все свои физические и умственные способности.

Что понимаете вы под правом существования? — Я понимаю под этим право пользоваться всеми благами, созданными природой и служащими нам для пищи, одежды и жилища, и право защищаться против всякого рода нападающих.

Что понимаете вы под правом использовать все свои физические способности? — Я понимаю под этим право передвижения, труда, союзов, собраний, одним словом — делать все, что нравится, не нарушая прав другого. Я понимаю также право иметь супругу и семью, потому что это для каждого индивида, очевидно, завет природы.

Что понимаете вы под правом использовать свои умственные способности? — Я понимаю, что это есть право употреблять все средства для собственного просвещения.

Имеют ли все люди одни и те же естественные права? — Да, потому что права эти свя-

заны со званием человека и все люди — в равной степени люди.

Но разве люди не неравны, по силе, например? — Это верно, но сила не есть право, а несколько слабых могут соединиться против одного сильного. Люди могут быть различными по силе, росту и т. д., но разум указывает нам, что они равны в правах в глазах природы.

Разделила ли природа землю между людьми? — Конечно, нет: она дала землю всему человеческому роду, не назначая никому особой части.

Все философы признают, что природа дала всё и всем безраздельно и что блага земли образовали естественную и первоначальную общность.

Следовательно, собственность установлена не природой? — Конечно, нет. Природа не установила собственность, она не предписала общности; она предоставила людям свободу пользоваться благами земли, как они хотят, установив собственность или сохранив общность.

Имел ли каждый право на равную часть? — Очевидно да, ибо мы все — дети и наследники природы.

Было ли это равенство полным и безусловным, так что каждый мог иметь одинаковое количество пищевых припасов? — Нет, равенство было относительное к потребностям каждого индивида: тот, кто имел потребность в двойном количестве пищи, чтобы насытиться,

имел право взять двойное количество, когда пищи хватало для всех.

Имел ли место когда-либо действительный раздел земли между людьми? — Нет, каждый занимал то, что ему подходило, никого не спрашивая, не получая ни от кого согласия и часто без ведома кого-либо.

Что называется правом первого заимщика? — Это право занимать все, что не занято еще никем.

Почему вы говорите: что не занято еще никем? — Потому что следует уважать владение первого заимщика, если можно найти всё в чем нуждаешься, среди не занятых еще предметов.

Кто регулирует право первого заимщика? — Естественная справедливость.

Что такое естественная справедливость? — Это мнение, которое разум дает всем людям относительно того, что справедливо или несправедливо, т. е. соответствует или противно природе и естественному равенству.

Имеет ли каждый право, согласно естественному равенству занимать излишек? — Конечно, нет; это несправедливость, узурпация, воровство по отношению к тем, кто не имеет необходимого.

А если другим остаются еще равные части, так что каждый имеет необходимое и даже излишек? — Тогда каждый может занимать излишек, потому что он никому не вредит, но с условием уступить его другим, когда явятся

такие, которые в другом месте не могут достать себе необходимое.

Значит тот, кто имел бы излишек, должен был бы уступить его другим, которые не могли бы иначе получить необходимое? — Конечно, в том случае, когда занятие излишка было бы в принципе справедливо, так как несправедливо было бы сохранять его, ибо по существу оно условно. Естественная справедливость не может допустить, чтобы один человек имел излишек, когда другие не имеют необходимого, и удержание излишка в ущерб другим людям, лишенным необходимого, было бы постоянной несправедливостью и узурпацией.

Но если первый заимщик, владелец излишка, лично трудился? — Неважно: излишек составлял долю других, которые начали бы его обрабатывать, если бы он оставил его без обработки; его труд не может ему приобрести долю другого; он обрабатывал излишек только на условии вернуть его; он использовал свой труд в период владения; ничто не может лишить других необходимой им доли, в общих благах, данных природой всем своим детям, и ничто не может дать право владельцу излишка сохранить его.

Вы говорили об обязанности: что понимаете вы под обязанностью? — Я понимаю под этим то, что каждый обязан делать.

Имеют ли все люди естественные обязанности? — Да. Один не может иметь какое-либо право без того, чтобы другие имели обязан-

ность уважать это право; право и обязанность порождаются взаимно, и одно не может существовать без другого,— это две вещи соотносительные и неотделимые.

Все ли люди имеют равные естественные обязанности? — Да, так как все люди имеют права, то все имеют обязанности, а так как все имеют одни и те же права, то они имеют одни и те же обязанности. Все, например, имеют право требовать свою долю в общих благах, и все имеют обязанность оставлять другим части, которые им принадлежат.

Какие обязанности считаются естественными? — Любить себе подобных, как своих братьев, и уважать все их права, или: «не делать другому того, чего не хочешь, чтобы делали тебе, и, напротив, делать другим все, что мы хотели бы, чтобы делали нам».

Вы говорили об общественных правах и об обществе: что такое настоящее общество? — Это союз людей, которые, свободно и добровольно, соглашаются соединиться в союз в их общих интересах.

Почему вы говорите: свободно и добровольно? — Потому что не было бы общества между людьми, которые не были бы все свободны и равны и которые не выразили бы согласия вступить в союз: если бы одни были принуждены к этому другими, то были бы господа и рабы или почти рабы, эксплоататоры и эксплоатируемые, а не члены общества; угнетатели и угнетаемые так же не могут составить общество, как пастухи и стада.

Почему вы говорите: соединенные в союз в их общих интересах? — Потому что нельзя представить себе, чтобы свободные и равные люди могли добровольно соединиться в интересах некоторых из них, когда они могут это сделать в интересах всех.

В чем заключается общий интерес членов общества? — В том, чтобы сохранить и гарантировать их естественные права и помешать более сильным нарушать права более слабых; в том, чтобы поддержать и усовершенствовать естественное равенство.

Следовательно, член общества должен пользоваться социальным и политическим равенством, как и естественным равенством? — Да, социальное и политическое равенство должно быть подтверждением и усовершенствованием естественного равенства.

Представляют ли нации настоящие общества? — Нет, во всех нациях существует общество только между аристократами, но его нет между аристократией и народом, между богатыми и бедными; последние по отношению к первым представляют то же, что рабы в Афинах по отношению к афинянам.

Следовательно, нации не образуются путем нарочитого соглашения? — Ни одна: завоеватели могли соединиться умышленно в целях завоевания, но великие нации были все образованы путем завоевания; всюду и всегда завоевательная аристократия покоряет народ, становящийся ее рабом или подданным.

Могут ли быть хорошо организованы эти так называемые общества? — Нет, потому что они — продукт завоевания, силы, насилия, несправедливости или неопытности, невежества или варварства.

Является ли недостаточным еще и существующий строй этих так называемых обществ?— Да, потому что одни представляют всё, а другие — ничто; аристократия имеет излишек, не трудясь, а народ не имеет необходимого, трудясь чрезмерно. Бедные лишены своих естественных прав.

Имеют ли дети бедных еще и теперь естественные права? — Конечно: теперь, как и всегда, дети при рождении суть все дети природы; все люди теперь так же люди, как и первые люди; все равны в естественных правах; все имеют право на одинаковую часть благ их общей матери; и для всех их природа сегодня, как и всегда, распространяет свет и тепло, которые оплодотворяют землю и без которых их собственность была бы бесполезна.

Значит, все существующие теперь люди имеют еще естественные права? — Без всякого сомнения: социальные законы, лишающие одних необходимого, чтобы давать другим излишек, являются насилием, нарушающим естественную справедливость. Но божественные права священны, неотчуждаемы и неприкосновенны. Ограбленный сохраняет свое право, хотя он уже не пользуется им, как обворованный сохраняет свое право на украденную вещь, перешедшую во владение вора.

Но этот так называемый общественный строй — был ли он, по крайней мере, хорош для аристократов и богатых? — Нет: он составляет несчастье бедных, не доставляя другим настоящего счастья; он устанавливает между всеми постоянную войну, которая навлекает на всех их неисчислимые бедствия.

Каковы главные недостатки этого так называемого общественного строя? — Их три: неравенство состояния и власти, индивидуальная собственность и деньги. Размыслив хорошенько, мы находим, что это три главные причины всех пороков и всех преступлений, всех беспорядков и всех бедствий.

Почему люди приняли всюду эти три учреждения? — Одни их приняли из эгоизма, в своем исключительно интересе, а другие из невежества, надеясь, что они приведут к общему благу.

В чем заключается главный недостаток политического строя? — В том, что закон вырабатывается аристократами или богатыми.

Есть ли какое-нибудь средство против этого зла? — Конечно, имеется, ибо иначе для чего служил бы человеку разум?

В чем состоит это средство? — Нужно уничтожить причину зла, т. е. отменить неравенство, собственность и деньги, и заменить их равенством во всем и общностью.

Следовательно, общность позволяет сохранить естественное право? — Да, так как ее главный принцип именно и заключается в со-

хранении и усовершенствовании естественного равенства.

Каков ее принцип по отношению к личности? — Нация или народ образуют настоящее общество, организованное по взаимному соглашению в общих интересах; все члены нации являются членами союза, братьями, совершенно равными в правах и в обязанностях; нация — только единая семья; она также — единая моральная личность.

Каков принцип по отношению к имуществу? — Все блага составляют общую собственность и образуют только единый общественный капитал; территория образует общее достояние, эксплоатируемое сообща.

Каков принцип по отношению к промышленности? — Общественная промышленность едина, т. е. образует лишь одну промышленность, эксплоатируемую народом, как одним человеком, таким образом, чтобы производить все, что необходимо, разделяя и планируя труд, и производить как можно больше, без излишних затрат труда и без потерь.

Каков принцип по отношению к правам и обязанностям? — Они одинаковы для всех; каждый обязан трудиться одно и то же число часов в день, соответственно своим силам, и имеет право получать равную долю соответственно своим потребностям во всех продуктах.

Но разве справедливо, чтобы талантливый и гениальный человек получил равную часть с другими? — Да, потому что талант и гений

являются результатами воспитания, которое дает общество, и потому что талантливый человек был бы ничем без общества.

Как относятся к труду? — Как к общественной должности, и все общественные должности рассматриваются как труд. Труд и должности рассматриваются также как налог.

Имеются ли другие налоги? — Никаких других, кроме равной доли каждого в труде и должности.

Каков принцип по отношению к труду? — Он общий и обязательный для всех; общий в больших общественных мастерских и, по возможности, привлекательный, короткий, и облегчается при помощи машин.

Каков принцип по отношению к машинам? — Их стараются производить как можно больше. При их помощи производят всё, что можно сделать машинами.

Каков принцип по отношению к пище, одежде, жилищу и обстановке? — Они, в меру возможности, одинаковы для всех, приготовляются общностью и доставляются ею каждому. Все производится согласно образцу, установленному законом.

Каков принцип по отношению к развлечениям и роскоши? — Общность производит сначала необходимое и полезное; затем она производит приятное, ставя только пределы, полагаемые разумом.

Каков принцип по отношению к городам или домам? — Все строятся общностью по утвержденным образцам.

Каков принцип по отношению к дорогам и каналам? — Стараются всемерно увеличить количество механических средств передвижения.

Каков принцип по отношению к торговле? — Внешняя торговля находится в руках республики, а внутренняя торговля есть только распределение, производимое республикой.

Каков принцип по отношению к семье? — Каждая семья живет, в меру возможности, сообща и всегда без домашних слуг, составляя только одно хозяйство.

Каков принцип по отношению к браку? — Каждый может и должен вступить в брак; выбор совершенно свободен; супруги равны: брак может быть расторгнут, если это необходимо.

Каков принцип по отношению к воспитанию? — Оно касается всех сторон жизни человека и составляет основу общности; оно бывает физическим, умственным, нравственным, гражданским и профессиональным; оно частью домашнее и частью общественное; оно общее, или элементарное, и специальное, или профессиональное.

Каков принцип по отношению к общему воспитанию? — Оно дает всем основы всех наук и всех искусств.

Каков принцип политического строя? — Народ суверенен; всё делается народом и для народа.

В чем состоит политическое равенство? —

Все члены общества суть в равной степени граждане, члены народных собраний и национальной гвардии, избиратели, избираемые.

Каков принцип по отношению к законодательной власти? — Эта власть суверенна; она организует и регулирует всё при помощи законов.

Осуществляется ли законодательная власть народом? — Да! Законы обсуждаются и подготовляются представителями, избранными народом, и передаются затем на одобрение народа.

Значит законы являются выражением общей воли? — Да, в полном смысле этих слов.

Вы сказали, что закон организует и регулирует все, но не есть ли это покушение на свободу? — Нет, потому что закон вырабатывается народом, а народ вырабатывает только такие законы, какие ему нужны.

Каков принцип относительно исполнительной власти? — Она по существу подчинена законодательной власти и осуществляется выборными, временными и ответственными должностными лицами; провинциальные и коммунальные должностные лица весьма многочисленны.

Каков принцип по отношению к судебной власти? — Так как общность уже сама по себе предупреждает почти все преступления, то уголовные законы бесконечно просты и мягки, а трибуналы почти бесполезны. Судьей является сам народ на своих народных собраниях.

Может ли народ легко посещать народные собрания? — Принимаются все меры, чтобы никто не отсутствовал на них.

Обеспечивает ли общность благополучие всех? Конечно: вся общественная власть осуществляется народом и, следовательно, для блага народа; равенство воспитания, труда, состояния и прав предохраняет от забот и зависти, пороков и преступлений и доставляет все доступные человеку наслаждения.

Одним словом, задача, требующая решения, состоит в отыскании средства сделать счастливыми людей и народы. А всеобщий опыт показал, что этим средством не являются ни упования на воздаяние в загробной жизни, ни страх перед вечными муками, ни внушающие страх человеческие законы, ни бдительность полиции, ни существующий общественный и политический строй, ни чрезмерное богатство, влияние которого, наоборот, так гибельно, что, как говорил Иисус Христос, «легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в рай». Следовательно, средство, которое мы ищем, находится в другом месте, и разум указывает, что его можно найти только в новой системе организации, которая сделает: 1) добродетель легкой, 2) порок и преступление трудными и даже невозможными. И этой новой системой может быть только общность, которая путем воспитания приучает человека к братству и всем общественным добродетелям, между тем как установлением равенства, до-

статка и благополучия, при единственном условии умеренного труда, она не оставляет у него никакого интереса вредить своим братьям.

Возможно ли сразу ввести систему общности вместо системы неравенства и собственности?— Нет, необходим переходный порядок.

Какой переходный порядок? — Порядок, который, сохраняя собственность, возможно скорее искореняет нищету и постепенно отменяет неравенство состояний и власти; который формирует при помощи воспитания одно и несколько поколений для общности и с самого начала дает свободу слова и ассоциаций, а также всеобщее избирательное право.

Почему не уничтожить сейчас же собственность? — Потому что собственники не согласились бы на это, а нужно во что бы то ни стало избегать насилия; потому что физически невозможно выполнить сейчас же все подготовительные работы, необходимые для установления общности.

Какова продолжительность этого переходного порядка?— Тридцать, или пятьдесят, или сто лет, смотря по странам.

Но это очень долго!— Правда, но абсолютно невозможно наладить раньше. К тому же счастье дает себя скоро почувствовать и с каждым днем будет возрастать, как только примут переходную систему и принцип системы общности.

Следовательно, нужно сначала принять

принцип общности, если мы не хотим отсрочить ее полное и окончательное осуществление?— Конечно, потому что если аристократия отвергнет принцип общности, она отвергнет также переходный порядок и всякую реформу.

Но как побудить аристократию принять принцип общности? Следует ли употребить силу?— Нет, ни насилия, ни революции,— следовательно, ни заговоров, ни покушений.

Почему?— Я вам мог бы привести много оснований; но я ограничусь теми, которые диктуются интересами народа и общности. Слушайте внимательно!

Насильственные революции являются войной со всеми ее случайностями, они чрезвычайно трудны, потому что правительство, в силу уже одного того, что оно существует, обладает безмерной силой — своей государственной организации, влиянием аристократии и ее богатств, законодательной и исполнительной властью, своей казной, армией, национальной гвардией, трибуналами, жюри и полицией с ее тысячами средств, ведущих к раздорам, и своими подкупами.

Для угнетенных недостаточно быть многочисленными, так как нужно, чтобы они могли организовать армию, а правительство пускает в ход всю свою мощь, чтобы помешать этой организации. Недостаточно иметь мужество, даже героическое мужество, ибо противники могут также обладать храбростью, а сверх того и преимуществами дисциплины и тыся-

чами других преимуществ. Недостаточно иметь безграничную уверенность в своей преданности, потому что нельзя перехватить пушечные ядра голыми руками. И сколько ошибок (чрезмерная любовь к независимости и недисциплинированность, нетерпимость и несогласия, неопытность и неспособность, нетерпение и безрассудство), совершенно естественных, без сомнения, для молодой и преследуемой народной партии, подрывает ее успех!

К тому же народ не только в настоящее время желает революции. Испокон веков не было, быть может, ни одного года, чтобы каждый народ не чувствовал потребность стряхнуть с себя иго аристократии и завоевать обратно свои естественные права. И, однако, как мало произошло революций в сравнении с числом революций, которых народ хотел осуществить! А среди предпринятых революций как мало окончившихся успехом! А среди последних как мало достигших своей цели и позже ловко использованных или просто сведенных на-нет аристократией!

Мне не нужно называть ни революций, которые пытались совершить в течение последнего пятидесятилетия, ни ошибок и предательств, которые обусловили неудачу многих из них. Но я спрашиваю: когда народ обладал такою властью, какую он имел в 1789 г., когда он был господином положения?

И, однако, не был ли он вследствие раскола его вождей и, быть может, излишней по-

спешности обезоружен, изгнан отовсюду и почти задушен аристократией? Разве в силу недостатка единства и опытности он не дал после 9 термидора два раза вырвать у себя победу!

И какое зло причиняет народу всякая недоконченная — побежденная или неудавшаяся революция! Сколько зла принесли заговор Бабефа и попытка Гренельского лагеря! Сколько силы дали аристократии бунты, заговоры и покушения, начиная с 1830 г.! Разве не утвердилось уже общее мнение, что аристократия желает и даже провоцирует насилия, которые ей почти всегда так же выгодны, как они гибельны для всего народа, даже когда они являются делом нескольких индивидов! И разве не составляет одну из величайших опасностей революционных времен то, что немногие отдельные люди,— наиболее молодые и наиболее легкомысленные, как и наиболее рассудительные; наиболее безумные, как и наиболее благоразумные; самые порочные, как и самые преданные,— могут компрометировать народ, без его ведома и против его воли, ради своего честолюбия или своего тщеславия и жадности, не сознавая даже, что они ответственны за все зло, которое они приносят своей партии?

И поэтому повторяю, что в интересах самого народа я отвергаю насилие.

Но если бы насилие увенчалось успехом, то не было ли бы справедливым принудить аристократию и богатых?— Нет, потому что на-

силие не необходимо. Богатые — такие же люди и наши братья, как и бедные; они составляют даже значительную и прекрасную часть человечества. Конечно, следует мешать им быть притеснителями, но их следует притеснять так же мало, как им позволять притеснять себя. Общность, придуманная с целью составить счастье всех людей, не должна начать с того, чтобы вызвать отчаяние у значительной их части. Мы не должны даже ненавидеть их, так как их предрассудки и недостатки являются следствием их плохого воспитания и плохого общественного строя в такой же мере, как недостатки и пороки бедных. Этот плохой строй — сатана, который в равной степени портит всех людей. Следует их всех избавить от него, а не сжигать, чтобы изгнать из них беса, как Иисус Христос явился в мир не для того, чтобы истребить богатых, а обратить их, проповедуя только уничтожение изобилия и нищеты. Одним словом, приносить богатых в жертву бедным следует так же мало, как бедных в жертву богатым, иначе вся жалость, всё сочувствие, вся справедливость, все добродетели, все усилия соединились бы против новых притеснителей в пользу новых притесняемых.

Стало быть, не следует ненавидеть эгоиста-лавочника?— Вы можете питать отвращение к эгоизму и в особенности к его причине, но ничто не кажется мне менее резонным, менее справедливым и в особенности более неудачным, чем оскорблять многочисленный класс

торговцев и фабрикантов или угрожать ему; ибо, каковы бы ни были их недостатки, эти недостатки являются неизбежным следствием общей организации и их особенного положения. Необходимость быть аккуратным в своих платежах, чтобы сохранить свою репутацию и свой кредит, боязнь быть обесчещенным вследствие банкротства, возросшие шансы потерь и разорения, невозможность рассчитывать на помощь других в случае несчастья, постоянные заботы и тревоги в связи с необходимостью платить по векселям в конце каждой недели или каждого месяца, опасения и страхи компаньона или жены (которая при этих условиях знает все дела своего мужа и удваивает его беспокойство и эгоизм, напоминая ему беспрестанно об интересах его детей),— все это соединяется вместе, чтобы сделать эгоистом купца, фабриканта или лавочника. Конечно, это несчастье, что он вообще так мало образован и так легковерен, и аристократии весьма нетрудно сделать из него свое орудие, напоминая ему постоянно о бунтах, грабеже и анархии. Но если он мало образован, то это не его вина; если он легковерен, то это следствие плохого воспитания; если он верит в планы грабежа, то естественно, что он их боится. Одним словом, влияние его положения до того непреодолимо, что в общем рабочий, тот самый, который больше всего кричит против лавочника, сейчас же усваивает себе его убеждения и обычаи, как только заводит лавочку.

Каким же образом можно убедить аристократию принять принцип общности?— Так же, как и Иисус Христос: проповедуя, устно и письменно, обсуждая, уговаривая, убеждая богатых и бедных, пока все — народ, избиратели, законодатели и правители — не признают принципа общности. Народу мало желать реформы и даже совершить революцию — нужно в первую очередь иметь систему, принципы, учение, политическую религию. Недостаточно называть себя гражданином, братом, демократом, республиканцем или коммунистом,— слова, которые агент-провокатор может произносить так же хорошо, как и всякий другой. Нужно быть твердо убежденным и твердо уверенным; нужно хорошо знать и хорошо понимать,— и самый великий гений не сумеет сделать булавку, если он не учился этому ремеслу. Нужно, наконец, иметь решимость выполнить все свои обязанности вместе с желанием и волей осуществить все свои права.

Не только теперь народ совершает революции. Почему же так много революций кончилось неудачей? Не потому ли, что народ не усвоил себе определенного учения? Разве революции 1792, 1815, 1830 гг. не привели бы к совершенно иным результатам, если бы народ хорошо понимал все огромные преимущества общности? И если бы, начиная с 1830 г., весь народ занимался единственно тем, что изучал бы и пропагандировал эту систему, то не подвинулись ли бы мы теперь бесконечно дальше?

Но разве не следует в первую очередь обратить богатых?— Без сомнения, и самое полезное было бы начать именно с них, потому что богатые и ученые располагают гораздо большим влиянием для обращения других богатых и даже бедных: сколько сторонников завоевали Ламеннэ и Ламартины, Аржансоны и Дюпоны де л'Эр для учения, апостолами которого они себя провозглашали!

Но можно ли надеяться, что богатые будут обращены?— Зачем сомневаться в этом? Разве нет богатых — образованных, справедливых, великодушных? Разве Ликурги, Агисы, Солоны, Гракхи, Томасы Моры, Сиднеи, Гельвеции, Мабли, Тюрго, Кондорсе и тысячи других не принадлежали к аристократическому и богатому классу? Разве во все времена аристократия не давала Лафайетов, Аржансонов и тысячи других блестящих исключений? Разве среди женщин и молодежи аристократии нашего времени не найдется ни одна душа, горящая священной любовью к человечеству?

За дело поэтому, за дело, все вы, богатые и бедные, признающие общность! Обсуждайте, проповедуйте, обращайте, пропагандируйте! Собирайте все мнения и все доводы, которые могут облегчить обращение других! Я начал, другие могут сделать лучше, чем я.

И никаких заговоров, никаких заговорщических обществ, всегда склонных к нетерпению и раздору! Никаких задних мыслей! Только обсуждение.

Не нужно даже частичных опытов общности, успех которых принесет мало добра, но неудача, почти несомненная, принесла бы очень много вреда. Одна только пропаганда, и всегда пропаганда, пока масса не примет принцип общности.

Но если аристократия никогда не захочет его принять?— Это невозможно! Если общность — химера, то уже одного обсуждения будет достаточно, чтобы осудить ее, и сам народ отвергнет ее и примет другую систему. Но если это учение есть сама истина, оно будет иметь многочисленных сторонников в народе, среди ученых, среди аристократии, и чем больше она их будет иметь, тем больше она будет завоевывать их каждый день, между тем как Англия и Америка будут каждый день делать новые завоевания для других народов, как и для себя самих. Будущее принадлежит общности одной лишь силой разума и истины. И как бы медленно общественное мнение ни добивалось своего торжества, оно всегда добьется его скорее и решительнее, чем это сделало бы насилие.

И мое убеждение в этом настолько глубоко, что если бы я держал революцию в своей руке, я оставил бы ее закрытой, даже если бы мне пришлось из-за этого умереть в изгнании.

Таковы мои принципы относительно общности.

Быть может, пожелают искать в моем произведении намеки, ибо как можно не найти

намеков в исторических и философских исследованиях, когда Ришелье требовал только пяти любых строк письма человека, чтобы найти в них преступление, за которое его можно повесить! Но я приобрел, думаю, право претендовать, чтобы не сомневались ни в моем мужестве, ни в моей прямоте, и я заявляю как друзьям, так и врагам, что во всей критической части моей работы я ставил себе целью только указать пороки всех социальных и политических организаций, не желая делать ни одного личного намека.

Люди всех партий, изучайте проблему общности, ибо это вопрос благополучия, первый и самый важный вопрос,— вопрос, который содержит все другие вопросы нравственности, философии, политической экономии и законодательства! Не было ли бы ребячеством скорбеть по поводу недугов человеческого рода, не исследуя их причины и не ища средства против них? Не было ли бы смешно заниматься только описанием недостатков народа и давать ему бесплодные советы, не увещевая властителей лечить зло справедливостью и человечностью?

Люди всех партий, религиозных или политических, послушайте, что говорит Гизо в своей книге «Религия в современных обществах»!

«Это в духе времени — оплакивать положение народа... но это правда; невозможно смотреть без глубокого сожаления на такое множество столь несчастных человеческих

созданий... Это прискорбно, очень прискорбно видеть, очень прискорбно думать об этом. И все же нужно об этом думать, думать очень много, ибо забыть это было бы серьезной ошибкой и серьезной опасностью».

Укажите же средство, средство, средство!

Эгоисты, изучайте этот вопрос, ибо речь идет о вашем собственном интересе!

Добрые отцы и матери, изучайте вопрос, ибо речь идет о счастье ваших детей и вашего потомства!

Благородные друзья народа, изучайте вопрос, ибо речь идет о счастье бедноты и народа!

Благородные филантропы, изучайте вопрос, ибо речь идет о счастье всего человечества!

Конец «Путешествия в Икарию»

КОММЕНТАРИИ

Э. Л. ГУРЕВИЧ

Э. КАБЕ

Биографический очерк

Этьен Кабе родился 1 января 1788 г. в Дижоне Отец, бочар, начал было обучать его своему ремеслу, но выдающиеся способности, обнаруженные им в начальной школе, обратили на него внимание преподавателя, который посоветовал отцу дать возможность сыну продолжать учение. Отец послушался совета опытного преподавателя, и молодой Этьен был определен в Дижонскую Центральную школу, где находился под руководством известного в то время педагога Жакото. Когда в Дижоне был создан лицей и во главе его был поставлен Жакото, последний оставил 14-летнего Кабе при школе в качестве репетитора, а потом и преподавателя. Три года, проведенные в лицее, Кабе употребил на расширение своего образования в разных областях науки и литературы. Оставаясь преподавателем лицея, Кабе прошел в то же время курс юридического факультета. В 1810 г. он окончил юридический факультет и в 1812 г. получил звание доктора прав.

Кабе становится адвокатом, готовясь в то же время к занятию кафедры на юридическом факультете. События, однако, вскоре заставляют его отказаться от этих планов. Реставрация, преследования людей, выдвинувшихся в период Империи, известные в истории под названием «тенденциозных процессов», террор, жертвой которого пали многие деятели, пробуждают в Кабе интерес к политическим вопросам.

Как адвокат он выступает в ряде процессов в качестве защитника привлеченных к суду противников Реставрации. Лишенный права выступать в судебных учреждениях за свои резкие речи, он едет в Париж, где сближается с карбонарским движением, одним из вождей которого вскоре становится. Как эмиссар этого движения он выезжает в некоторые крупные центры провинции.

Наступает революция 1830 г. Кабе носится с наивной мечтой о Республике. Сперва он возлагает надежды на Лафайета, который, однако, высказывается за монархию. Затем следуют еще более наивные уговоры Луи-Филиппа, который обещает основать «совсем республиканскую монархию». В ожидании событий Кабе принимает назначение личным секретарем министра юстиции Дюпона де л'Эр. В то же время он вырабатывает обширную программу реформ, заключающую в себе всеобщее избирательное право и упразднение верхней палаты. И эту программу он в особом послании предлагает Луи-Филиппу. Неугомонного Кабе становится неудобно оставлять в Париже, и ему предлагают место генерального прокурора в гор. Бастиа на Корсике.

Перед отъездом Кабе, все еще не отдававший себе отчета в создавшемся положении, сделал еще одну попытку и послал Луи-Филиппу записку «Об опасностях нынешнего положения и о необходимости принятия немедленных мер». Луи-Филипп, тогда еще рисовавшийся своей доступностью, на следующий же день пригласил его к себе и закончил свою продолжительную беседу словами: «Никогда не забуду нашей сегодняшней беседы». Это была их последняя встреча. Вскоре Луи-Филипп перестал разыгрывать из себя простодушного буржуа, а Кабе перестал носиться с планом превратить короля в борца за демократию.

Недолго Кабе пробыл на Корсике в качестве генерального прокурора. Он успел только восстановить приостановленную Наполеоном деятельность института присяжных заседателей сместить мировых судей, назначенных при Людовике XVIII, и приступить к умиротворению острова, на котором свирепствовали разбойничьи банды. Вскоре ему пришлось покинуть Кор-

сику, отчасти поневоле, отчасти потому, что он рвался во Францию, где общее политическое положение все более ухудшалось. Либеральные министры первых месяцев после революции заменены были реакционным министерством Казимира Перье. Между тем назначены были общие законодательные выборы, и родной город Кабе — Дижон — предложил ему выставить свою кандидатуру в палату депутатов и даже помог ему приобрести требовавшийся от кандидатов имущественный ценз. Несмотря на вмешательство министерства, Кабе получил значительное количество голосов и был избран депутатом. Политически Кабе к тому времени еще не совсем определился, но сложившееся положение заставило его примкнуть в палате к крайней левой, во главе которой находился тогда популярный генерал и выдающийся оратор Ламарк. По ряду вопросов Кабе выступал в палате с горячими речами, обращался к своим избирателям с воззваниями, указывая им на опасность существующего положения, и, наконец, вместе с другими депутатами настаивал на объединении оппозиции, насчитывавшей свыше двухсот депутатов.

Между тем на пути Кабе одно за другим вырастает ряд затруднений. В начале июня 1832 г. скончался генерал Ламарк. На похоронах его, происходивших 5 июня, возникли волнения, сопровождавшиеся стычками между участниками похоронной процессии и воинскими частями, причем были жертвы. Правительство поспешило объявить осадное положение, и Кабе вместе с другими распорядителями был привлечен к суду по обвинению в том, что был зачинщиком восстания. В связи с последовавшей отменой осадного положения, суд над ним не состоялся. Затем Кабе выпустил написанную им «Историю революции 1830 г.», в которой рассказывает о том, как буржуазия завладела всеми плодами революции, совершенной главным образом рабочими и учащейся молодежью, и резко критикует поведение Луи-Филиппа. Снова последовало привлечение к суду, на этот раз с разрешения палаты депутатов, и оправдание. Книга разошлась в огромном для того времени количестве экземпляров.

Популярность Кабе росла, и когда обнаружились значительные разногласия и споры в правлении «Свободной ассоциации просвещения народа», его попросили стать во главе ее правления. Он взял на себя руководство этой обширной организацией. Еще в сентябре 1833 г. Кабе основал сперва месячный, потом еженедельный журнал «Популер»; к каждому номеру он давал в виде приложения какую-нибудь брошюру по одному из злободневных вопросов текущей общественно-политической жизни. Журнал вскоре приобрел широкий круг читателей и расходился в количестве 30 000 экземпляров, что для того времени было очень большим тиражом. В то же время Кабе часто выступал с речами в палате депутатов и выезжал в провинцию для защиты привлекаемых к суду по политическим процессам.

Но недолго пришлось Кабе вести эту разнообразную политическую работу. Правительство искало лишь случая положить ей конец. И вскоре предлог был найден. За две статьи в «Популер», из которых одна была посвящена протесту против угнетения поляков, Кабе, по требованию правительства, был лишен депутатской неприкосновенности и предан суду, приговорившему его к двум годам тюрьмы и лишению некоторых политических прав на четыре года. Он хотел остаться в Париже и отбыть назначенный ему срок заключения, но его товарищи по палате депутатов на специально созванном заседании постановили, что в интересах дела ему следует уехать за границу. После ряда манифестаций и даже изготовления особой медали в его честь, Кабе уехал в Бельгию, но вскоре, под давлением европейской реакционной печати, был оттуда выслан и поселился в Лондоне.

Из Лондона Кабе тотчас же возобновляет сотрудничество в своем продолжавшем выходить в Париже «Популер», выпускает в Париже брошюру, и которой резко нападает на маршала Бюжо и Тьера за исключительно жестокий расстрел восставших республиканцев на улице Транснонен, а в Лондоне печатает открытое письмо Луи-Филиппу, в котором протестует против реакционных сентябрьских законов о печати, далеко оставивших за собою даже реакцион-

ные законы (ордонансы) свергнутого в 1830 г. Карла X.

Но преимущественно Кабе занят в Лондоне работой над рядом популярных книг по истории. В годы своего вынужденного пребывания в Лондоне подготовляет он к печати «Очерк истории французов», «Популярную историю Французской революции» и «Краткий очерк истории Англии». К этому времени относится также его переход на позиции коммунизма и создание им его крупнейшего произведения — утопического романа «Путешествие в Икарию».

В 1839 г., по истечении пятилетнего вынужденного пребывания в Лондоне, Кабе возвращается в Париж, где заканчивает работу над «Популярной историей Французской революции» и «Общей историей французов», которые имели большой успех среди демократических читателей.

Закончив эти исторические работы, Кабе снова возвращается к политической борьбе. Но к этому времени обстоятельства резко изменились. По возвращении его из Лондона буржуазные демократы готовы были основать вместе с ним общую газету, а «Путешествие в Икарию» представлялось им только мечтой, о которой сам Кабе и думать позабудет под влиянием текущей политической борьбы, но им пришлось убедиться в ошибочности своих расчетов. Кабе, все еще носясь с планами совместной политической работы, в то же время ведет интенсивную пропаганду своих коммунистических идеалов. Он публикует брошюры «Двенадцать писем коммуниста к реформисту», «Коммунистическая пропаганда», «Демократ, ставший коммунистом», «Мой коммунистический символ веры», «Как я стал коммунистом» и ряд других. Несколько позже он приступает к изданию икарийского «Альманаха».

С 1841 г. Кабе возобновил издание своего «Популер», и этот журнал стал центром, вокруг которого начали группироваться сторонники пропагандируемого Кабе утопического мирного коммунизма. Окружают Кабе и зачитываются его журналом и брошюрами преимущественно ремесленники, мелкие буржуа, интеллигентная молодежь, отчасти рабочие.

И хотя среди этих слоев его популярность беспрестанно крепла и разрасталась все же от прежних планов широкой политической деятельности ему пришлось отказаться. Не только умеренная буржуазная печать, не только епископы в своих посланиях к пастве и папа в одной из своих энциклик, но даже буржуазные демократы в своей газете «Реформа» и их глава Ледрю-Роллен повели борьбу против опасного мечтателя. А слева не менее резко обрушились на него революционные коммунисты. Не оставляли его в покое и власти, всячески стеснявшие его деятельность и мешавшие распространению его журнала.

Такова была обстановка, в которой Кабе в мае 1847 г. обратился к своим последователям с предложением основать в Америке коммунистическую колонию «Икарию».

«Отправимся в Икарию! — писал он в своем «Попюлер».— Так как во Франции нас преследуют, так как нам отказывают в праве и свободе организоваться, собираться, обсуждать и вести мирную пропаганду, поедем обосновать в Икарии наше человеческое достоинство, наши гражданские права и равенство, основанное на свободе. Мы поедем не на-авось, а с заранее разработанным и установленным планом. И в течение подготовки отъезда первого отряда (вероятно не менее года) мы рассмотрим и обсудим все вопросы, мы обратимся за указаниями ко всем компетентным людям, ознакомимся с мнениями всех ученых и друзей человечества».

Это воззвание вызвало большое воодушевление. Из разных мест Франции и даже из других стран посыпались письма, адреса, запросы. Но когда прошли первые порывы энтузиазма и стали задумываться о том, как перейти к осуществлению этого грандиозного плана, оказалось, что Кабе в этом отношении пока ничего предложить не может. Надежды на помощь капиталистов оказались тщетными, как и у других утопистов. Пришлось положиться только на собственные силы. Каждый икариец обязывался внести не менее 600 франков. Кроме того, в редакцию «Попюлер» со всех сторон стали поступать взносы небольшими суммами и вещами.

Кабе решил съездить в Лондон, рассчитывая посоветоваться с Робертом Оуэном. «Его система в некоторых отношениях отличается от икарийской системы,— писал в отчете об этом свидании Кабе,— и мы сохраним свои собственные знамена. Но так как наши стремления, наша цель и наша преданность делу человечества одинаковы, то мы останемся объединенными, чтобы взаимно и братски помогать друг другу».

Оуэн свел Кабе с представителями фирмы, приобревшей у правительства Соединенных Штатов Америки 10 млн. акров земли в Техасе. Эта фирма бесплатно уступила Кабе миллион акров на Красной реке с непременным условием, что Кабе со своими колонистами займет уступленный ему участок до 1 июля 1848 г.

Кроме Оуэна, Кабе обратился в Лондоне за помощью к немецкому «Просветительному рабочему обществу». Руководители общества играли выдающуюся роль в организации Союза коммунистов, который вскоре после того выпустил «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса. Признавая огромные заслуги Кабе в борьбе за дело рабочих, члены Общества высказались против его плана. Их доводы, напечатанные в вышедшем в сентябре 1847 г. пробном номере «Коммунистического журнала», оказались прямо пророческими. Мы приведем здесь их основные соображения.

«Мы убеждены,— писали они,— что план Кабе создать в Америке Икарию, т. е. основанную на общности имущества колонию, в настоящее время еще не может быть осуществлен, и вот почему:

потому что все, кто захочет выселиться вместе с Кабе, пожалуй, будут и рьяные коммунисты, но окажутся слишком пропитанными, в силу своего воспитания, пороками и предрассудками современного общества и не смогут сразу стряхнуть их с себя при вступлении в Икарию;

вследствие этого в колонии уже с самого начала возникнут неизбежные раздоры и трения, которые будут еще более поддерживаться и раздуваться окружающим враждебным и могущественным обществом,

а также и шпионами европейских правительств, пока они не приведут к полному разложению коммунистического общества;

большинство переселенцев будут ремесленники, а там в первую очередь понадобятся крепкие земледельцы для распашки и обработки земли, а рабочему превратиться в крестьянина не так легко, как иные себе, пожалуй, представляют;

лишения и болезни, связанные с переменой климата, приведут многих в уныние и заставят выступить из коммуны; в настоящее время многие воодушевлены этим планом, они видят лишь заманчивые его стороны, но когда наступит суровая действительность, связанная со всякого рода лишениями, когда отпадут все незначительные удобства цивилизации, доступные иногда и беднейшему рабочему Европы, тогда у многих воодушевление уступит место сильнейшему упадку духа;

для коммунистов, признающих принцип свободы личности,— а его признают несомненно и икарийцы,— общность имуществ без переходного периода, демократического переходного периода, когда личная собственность лишь постепенно будет преобразовываться в собственность общественную, точно так же невозможна, как невозможен для сельского хозяина урожай без посева». *

Этот анализ и выводы из него впоследствии оправдались с изумительной полнотой, но в 1847 г., в пылу увлечения своим планом, Кабе с ним не посчитался и продолжал деятельно подготовлять условия основания Икарии. В начале декабря в редакции «Популер» состоялось собрание 150 икарийцев, на котором, после подробного обсуждения, было постановлено основать Икарию в Америке. Первая партия должна была выехать в конце марта 1848 г. Но еще раньше должна была отправиться небольшая группа, чтобы выбрать место для первого поселения.

---

* Probeblatt. «Kommunistische Zeitschrift» s. 7. Цитируется по фотокопии журнала, хранящейся в библиотеке ИМЭЛ.

В конце декабря Кабе подписал в Лондоне договор, предоставлявший в его распоряжение свыше миллиона акров земли для первого поселения. Он предполагал повести переговоры о приобретении еще более значительных участков земли. Но по возвращении из Англии, в начале января, Кабе, по постановлению сен-кантенского следователя, был арестован по обвинению в том, что он под предлогом плана эмиграции затеял мошенническое предприятие. Спустя два дня его освободили, и акционеры «Попюлер» открыли подписку для организации его защиты.

Между тем наступил день, назначенный для отъезда в Икарию первой партии в 69 человек, отобранных из массы желающих. В «Попюлер'е» появился об этом событии следующий отчет: «Первый авангард из 69 отъезжающих (два врача, остальные почти все ремесленники) покинул Париж 29 января, чтобы 31-го перейти на борт американского судна «Рим». Одетые, как бы по форме, в короткие черные бархатные куртки, с круглыми войлочными шляпами серого цвета на голове, в сопровождении многочисленных икариек, длинной вереницей, держась по-двое за руки, они сосредоточенно и молча шли по улицам, возбуждая сочувственное внимание города и предместья... По окончании простой и скромной трапезы Кабе произнес торжественную речь. Он заставил всех участников по-одиночке снова подтвердить свои обязательства в верности общественному договору, обещать полную преданность делу коммунизма, снова объяснил необходимость братской любви и призывал икарийцев всецело посвятить себя делу человечества».

3 февраля уехала первая партия икарийцев, а 24 февраля во Франции была провозглашена республика. Кабе, подобно другим утопистам-социалистам, упивался победой первых дней, верил в социализм Луи Блана и демократизм Дюпона де л'Эр и Ледрю-Роллена и звал к единению всех республиканцев.

Но радужные надежды скоро рассеялись. Упоение победой первых дней вскоре сменилось жестокой классовой борьбой, приведшей к июньской бойне. Попытки Кабе попасть в Учредительное собрание потерпели неудачу. Икарийцы и он сам подвергались всяким

преследованиям. И новые группы стали готовиться к отъезду в Икарию. С июня по декабрь отправилось шесть партий.

Посланный Кабе вперед до отъезда первой партии икарийцев Сюлли, которого он уполномочил переменить в случае надобности место первого поселения, прибыв на приобретенный участок и, убедившись, что Красная река в этом месте несудоходна, выбрал и приобрел в 25 километрах от Шревепорт ферму и обширный участок земли. Если бы остановились на этом месте, избегли бы многих страданий, какие пришлось испытать первым двум партиям икарийцев. Но послушались руководителя первой партии Гугенана (впоследствии оказалось, что это был шпион), который уговорил поселенцев последовать за ним в будущую Икарию на побережье Красной реки. Свыше 100 километров плелись они по пустынным местам, пока добрались, измученные, до цели и тут же, не отдохнув, стали выкорчевывать свой участок, чтобы успеть закончить эту работу до 1 июля. Семь человек умерло, один был убит молнией, четверо других отказались от дальнейшего участия в колонии и уехали. Трудность освоения участка вынудила в конце концов икарийцев перебраться в Новый Орлеан, где к тому времени съехались еще несколько партий, прибывших из Франции. Всего в течение 1848 г. прибыло 485 человек (в том числе 125 женщин и 101 ребенок). В августе приехала комиссия из 5 человек, привезшая с собою 25 000 франков.

Таким образом оказалось, что первая партия, поддавшись обману Гугенана, не только, как предполагалось, не приготовила ничего к приезду следующих партий, но и сама очутилась в самом бедственном положении в Новом Орлеане. Все это вызвало нарекания, разногласия и жалобы по адресу Кабе. И когда он в начале января 1849 г. приехал, на него посыпались обвинения со стороны наименее стойких коммунистов. Он роздал желавшим вернуться во Францию 15 000 франков. Оставшиеся 280 человек (142 мужчины, 74 женщины, 64 ребенка) тесно сплотились вокруг него. 1 марта 1849 г. все они вме-

сте отправились в дешево арендованную мормонскую колонию Науво в полутораста километрах севернее Сен-Луи, на реке Миссисипи. Прибыли они туда 15 марта и вскоре выбрали удобное место для поселения. К 1850 г. колония прочно стала на ноги и постепенно стала заводить новые вспомогательные предприятия. Увеличилось и число колонистов, насчитывавших к 1 января 1851 г. 340 человек, в том числе 252 трудоспособных.

В январе 1851 г. икарийская община была признана палатой представителей штата Иллинойс, а несколько дней спустя и сенатом. Все внутренние разногласия были более или менее улажены, причем пришлось расстаться с некоторыми беспокойными элементами — и Кабе мог уехать во Францию, где некоторыми вернувшимися икарийцами было возбуждено против него дело по обвинению в мошенничестве. Достаточно было Кабе лично явиться на суд, чтобы от этого обвинения не осталось и следа.

Но у Кабе были и политические планы. Он собирался вместе с Луи Бланом и Пьером Леру основать политическую газету, в которой предполагал вести борьбу за демократическую республику и социализм и агитировать за избрание рабочего президентом республики. Но эти мечты о сотрудничестве с Луи Бланом и Леру не осуществились. Кабе пришлось одному приступить к изданию газеты, которая, однако, просуществовала недолго. После государственного переворота 2 декабря Кабе в числе других был изгнан из страны и вновь оказался в Англии. Там он еще пытался принимать участие в различных делах эмиграции, но из созданной им колонии начали поступать все более тревожные вести, его настоятельно просили вернуться в колонию. В августе 1852 г. Кабе вернулся в Америку. С большими усилиями ему удалось на время восстановить в колонии единодушие и вновь наладить работу.

Однако очень скоро начался распад колонии. Оправдалось то, что в 1847 г. предсказывала организация, выпустившая в сентябре того года упомянутый нами раньше «Коммунистический журнал». Меж-

ду колонистами начались препирательства и споры. Большинство оказалось против Кабе, и ему пришлось организовывать из своих сторонников новое общество.

6 ноября 1856 г. новое общество из 175 членов (75 мужчин, 50 женщин, 50 подростков и детей) было создано. Кабе, хотя и измученный долгими месяцами борьбы, горел желанием создать новую колонию. Но на следующее утро, 7 ноября, он был поражен апоплексическим ударом и частичным параличом и на следующий день скончался.

* * *

Сторонники Кабе после его смерти основали близ Сен-Луи колонию Чельтенхем, прекратившую свое существование во время войны Северо-Американских Штатов против южных рабовладельческих штатов.

Что касается первоначальной колонии, переселившейся еще при Кабе на новое место в штат Айова, то в 1888 г. она еще существовала. В это время она насчитывала 26 членов. Она издавала журнал, посвященный пропаганде «икарийского коммунизма». В последнем номере журнала между прочим напечатаны были: статья, посвященная сотой годовщине рождения Кабе, основателя икарийской общины; заметка о 40-й годовщине отъезда в Америку первой партии икарийцев и глава из книги Кабе «Путешествие в Икарию».

ИЗДАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ ОСНОВНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Э. КАБЕ

(Cabet E.). Voyage et aventures de lord William Carisdall en Icarie. Trad. de l'anglais de Francis Adams par Th. Dufruit, I—II. Paris, Souverain, 1840.

Cabet E. Voyage en Icarie. Roman philosophique et social. 2-e ed., Paris, 1842.

Cabet E. Voyage en Icarie. 3-e ed., Paris, 1845.

Cabet E. Voyage en Icarie. 4-e ed., Paris, 1846.

Cabet E. Voyage en Icarie. 5-e ed., Paris, 1848.

(Cabet E.). Viaje por Icaria. Aventuras de lord Carisdall. T. 1—2, Barcelona, S. a.

Cabet E. Reise nach Ikarien. Aus dem Franz. von Wendel-Hippler. Paris — (Leipzig), 1847.

Cabet E. Reise nach Ikarien. Aus dem Franz. von Wendel — Hippler. Magdeburg — Leipzig, 1892.

Cabet E. Reise nach Ikarien. Auswahl. (Hrsg. von P. Oestreich). München, 1919 (Dokumente der Menschlichkeit, Bd. 20).

Кабэ Э. Путешествие в Икарию. Сокр. пер. с франц. М. П. Богословского. (М.), 1924.

Кабе Е. Путешествие в Икарию. Философский и социальный роман. Тт. 1—2, М.— Л., 1935 («Социальные утопии», под общ. ред. В. П. Волгина).

* * *

Cabet E. Histoire de la Revolution de 1830 et situation presente (sept. 1832) expliquées et éclairées par les révolutions de 1789, 1792, 1799 et 1804 et par la Restauration. Paris, 1832.

Cabet E. Histoire populaire de la Révolution française de 1789 a 1830, précédée d'une introduction contenant le precis de l'Histoire des Français depuis leur origine jusqu'aux Etats-Généraux. Paris, 1839—1840.
Cabet E. Vous seriez responsable envers la patrie. Paris, 1840.
Cabet E. Lettres sur la crise actuelle. Paris, 1840.
Cabet E. Comment je suis communiste. Paris, 1841.
Cabet E. Mon credo communiste. Paris.
Cabet E. Ma ligne droite ou le vrai chemin du salut pour le peuple. Paris, 1841.
Cabet E. Réfutation de «l'Humanitaire». Paris, 1841.
Cabet E. Douze lettres d'un communiste à un reformiste sur la communauté. Paris, 1842.
Cabet E. Réfutation des doctrines de «l'Atelier». Paris, 1842.
Cabet E. Toute la vérité au peuple. Paris, 1842.
Cabet E. Propagande communiste. Paris, 1842.
Cabet E. Petite communauté de dévoués et petite colonie fraternelle. Paris, 1843.
Cabet E. Les masques arrachés. Paris, 1844.
Cabet E. Le vrai Christianisme suivant Jésus-Christ. Paris, 1846.
Cabet E. Réalisation de la Communauté d'Icarie. Paris, 1847.
Cabet E. Insurrection du 23 juin 1848 avec ses causes, son caractère et ses suites, expliquée par la marche et les fautes de la Révolution du 24 Fevrier. Paris, 1848.
Constitution de la Communauté icarienne. Nauvo, 1851.
Cabet E. Progrès de la colonie icarienne établie à Nauvo. Paris, 1854.
Cabet E. Colonie ou République icarienne dans les Etats-Unis d'Amerique son histoire. Paris, 1854.

ПРИМЕЧАНИЯ

КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

[1] *Провинциальные, либо Генеральные штаты.* Провинциальные штаты — сословное представительство в провинциях средневековой Франции. Помимо вотирования налогов, провинциальные штаты занимались и другими административными вопросами и составляли «наказы» от трех сословий королю.

Генеральные штаты — государственное собрание представителей трех сословий — дворянства, духовенства и горожан, получивших с XV в. название третьего сословия. Первые Генеральные штаты были созваны в 1302 г.; созывались они королем и имели право совещательного голоса. После 175-летнего перерыва Генеральные штаты вновь были созваны 5 мая 1789 г. во время начавшейся Великой буржуазной революции во Франции, и через месяц объявили себя Национальным учредительным собранием.

[2] *В эпоху революции на двадцать пять миллионов жителей.* Приблизительная численность населения Франции к началу буржуазной революции конца XVIII в.

[3] *Кавалерами подвязки или туфли, шпильки или гребня.* В Англии действительно до сих пор существует орден подвязки.

[4] *Черный кабинет* — так называли отделение полиции, занимавшееся перлюстрацией писем частных лиц.

[5] *Иностранная гвардия* — войска, укомплектованные иностранцами, которые французские короли дер-

жали при себе либо в качестве личной охраны, либо для пополнения своих армий вообще.

[6] *Проскрипции Суллы, Мария и Октавия* — в древнем Риме проскрипцией называлось публичное объявление списка лиц, стоящих вне закона. Впервые такие списки политических противников были вывешены Суллой.

[7] *Доктрина тираноубийства* (или монархомахия) сложилась и получила распространение в эпоху религиозных войн XVI в. в условиях острой классовой борьбы во всех европейских странах. Согласно доктрине монархомахов, политический суверенитет принадлежит народу и может быть им передан монарху на определенных договорных условиях. Если монарх нарушает договор или если монарх правит без договора, он является узурпатором, стоит вне закона и может быть убит безнаказанно.

[8] *Аграрный закон* — термин, заимствованный из классической литературы и означающий требование передела земли. Имел сторонников накануне и в эпоху французской буржуазной революции.

[9] *Национальные домены* — земли, представляющие собственность государства и находящиеся в его распоряжении.

[10] *Плотин* — греческий философ (204—270 н. э.), знаменитый представитель александрийской школы неоплатонизма, впервые систематически изложивший его принципы. Попытка Плотина основать в Кампанье коммуну философов не удалась.

[11] *Могила на острове св. Елены* — могила Наполеона I.

[12] *Фультон Роберт* (1765—1815) — американский механик, изобретатель парохода.

[13] *Минос* — национальный герой Крита, сын Зевса и Европы. Легенда приписывает ему составление благодетельных для человечества законов.

[14] *Пандекты Юстиниана* — пандекты — название, данное сборнику отрывков сочинений римских юристов, составленному в царствование римского императора Юстиниана (527—565).

[15] *Патримоний* — вотчина.

[16] *Легисты* — в средние века — юристы, сторонни-

ки римского права, в противовес юристам, приверженцам феодального или канонического права.

[17] *Майотены* (от фр. maillet — палица) — восстание плебейско-ремесленных масс в Париже и других городах Франции в 1380—1383 гг.

[18] *Кабошьены.* Кабош — прозвище вождя восстания парижских городских ремесленников и торговцев в 1411—1413 гг., по профессии мясника.

[19] *Пылкий священник проповедует народу равенство.*— Кабе имеет в виду Джона Болла, английского религиозного реформатора и революционера. Болл принял участие в восстании Уота Тайлора и после неудачи его был казнен (1381).

[20] *Федерация свободных городов... Швабии* — швабский союз городов 1360 г.

[21] *Огненная палата* (chambre ardente) — старинный уголовный суд, приговаривавший обычно к сожжению.

[22] *Короли Франции и Испании... поддерживают революцию...* Во время войны американских колоний с метрополией за независимость Франция и Испания, использовав затруднительное положение Англии объявили ей войну, оказавшись поневоле на стороне американской революции.

[23] *Нотабли и парламент. Нотабли* (фр.— именитые люди) — собрания, члены которого не избирались сословиями, как Генеральные штаты, а назначались королем. Нотабли имели право совещательного голоса. *Парламенты* — высшие судебные органы во Франции. Они имели право «ремонстрации», т. е. возражения против того или иного королевского закона, отказа в регистрации их в парламентских книгах, без чего закон не имел силы.

[24] *Принц, домогающийся народного расположения.* Речь идет о Филиппе Орлеанском (1747—1793). Был представителем оппозиции при дворе Людовика XVI, что сделало его популярным среди буржуазии и парижского народа. Был членом Конвента, где получил ими Филиппа Эгалитэ («Равенство»).

[25] *Арманьяки* — в XV в. во Франции партия герцога Орлеанского, боровшаяся с партией герцога Бургундского.

[26] *Фуше Жозеф* (1759—1820) — политический деятель Великой французской буржуазной революции и первой империи. В Конвенте примыкал к якобинцам и голосовал за казнь Людовика XVI. Был комиссаром Конвента в Лионе, где проводил крайний революционный террор в отношении заподозренных в контрреволюции лиц. Беспринципный интриган и карьерист, Фуше участвовал в перевороте 18 брюмера Наполеона Бонапарта; во время консульства Наполеона и при первой империи был министром полиции.

[27] *Драгонады* — военные постои драгун при Людовике XIV, имевшие целью принудительное обращение гугенотов в католичество.

[28] *Негритянские рабы на Сан-Доминго восстают* — восстание негров-рабов 16 августа 1791 г. во французской части острова Сан-Доминго.

[29] *Шведское дворянство убивает своего короля.* Речь идет о шведском короле Густаве III (1746—1792), пытавшемся править в духе «просвещенного абсолютизма» и своими реформами и аграрным законодательством восстановившим против себя дворянство. Среди офицерства возник заговор. Густав III был убит офицером Анкарстремом.

[30] *Имола* — город в провинции Эмилия в Италии.

[31] *Орден Почетного Легиона* — орден, установленный во Франции Наполеоном I в 1802 г. для награждения военных и гражданских лиц и существующий до настоящего времени.

[32] *Общество филадельфов* — тайное общество во французской армии, возникшее после 18 брюмера в Франшконтэ. Общество стремилось к низвержению Наполеона. Несколько попыток покушений на жизнь Наполеона, сделанных филадельфами, не удалось. В 1812 г. общество прекратило свое существование.

[33] Его... победы... Смоленск, Москва и т. д. Во французской исторической литературы начала XIX века было распространено ложное представление о победах Наполеона под Смоленском и Москвой. Эту историческую легенду повторяет и Кабе.

[34] *Русский император... поддерживает восстание.* Кабе говорит здесь о поддержке, оказанной Нико-

лаем I грекам в их борьбе с турками за независимость (1827 г.).

[35] *Кресты и ленты лилии.* В королевском гербе Бурбонов было три лилии.

[36] *Граф Артуа и герцог Ангулемский.* Граф д'Артуа — будущий король Карл X (1824—1830); герцог Ангулемский — старший сын Карла X.

[37] *Воспоминания о Марсовом поле и Майском поле.* Марсово поле в Париже, на котором 14 июля 1790 г. в память годовщины взятия Бастилии, происходил праздник Федерации и Франция была провозглашена конституционной монархией. *Майское поле* — название, данное собранию, созванному Наполеоном I в 1815 г. во время «ста дней», на котором он провозгласил новую конституцию — «дополнительный акт к установлениям империи».

[38] *Октроированный акт.* Октроирование — дарование королевской властью каких-либо прав или конституций.

[39] *Фердинанд* — испанский король Фердинанд VII (1808—1833).

[40] *Сама Турция вступает на путь реформ.* Кабе имеет в виду правление Махмуда II (1808—1839), положившее начало новой эпохе в истории Турции. Махмуд II провел реформу турецкой армии, государственного аппарата, уничтожил ряд феодальных институтов и должностей и т. д.

[41] *Республиканский заговор, подготовленный в России и Польше.* Кабе имеет в виду движение декабристов и их восстание 14 декабря 1825 г.

[42] *Каннинг Джордж* (1770—1827) — английский государственный деятель, консерватор, верный сторонник Питта, участник ряда торийских министерств. В 20-х годах стал, однако, отходить от консерваторов и сближаться с либералами, а в 1827 г., незадолго до смерти, составил либеральное министерство.

[43] *Торрихос* — генерал, один из вождей испанского восстания 1831 г., поднятого сторонниками конституции. Был расстрелян вместе с 50 его товарищами.

[44] *Ботани-Бей* — залив на восточном берегу Австралии. В 1788 г. англичане устроили там каторжную колонию, упраздненную в 1840 г.

[45] *Клятвопреступления и измены дона Мигуэля.* Дон Мигуэль (1802—1866), сын португальского короля Иоанна VI, присягнув конституции, через короткое время распустил кортесы и узурпировал власть короля.

[46] *Варварство Николая* — Николая I (1825—1856).

ЛИТЕРАТУРА О КАБЕ

Михайлов А. Пролетариат во Франции 1789—1852 (Исторические очерки). СПб., 1872.

Щеглов Д. Ф. История социальных систем от древности до наших дней. Т. II, СПб., 1870—1889.

Гуго и Штегман. Справочная книга социалиста. Пер. с нем. СПб., 1906. Stegman C. u. Hugo C. Handbuch des Socialismus, Zürich. 1894—1895.

Гепнер А. Икарийцы в Северной Америке. Пер. с нем. Л. Громозовой под ред. В. Величкиной. «Знание», СПб., 1906. Hepner A. Die Icarier in Nordamerika. Berlin, 1896.

Люкс Г. Э. Кабе и икарийский коммунизм. СПб., 1906. Lux H. Etienne Cabet und der ikarische Communismus. Mit einer historischen Einleitung, XII Stuttgart, 1894.

Луи П. История социализма во Франции. 2-е изд., М., 1906. Louis P. Histoire du socialisme en France de la Révolution à nos jours, 1789—1936. 3-e ed., Paris, 1936.

Свентоховский А. История утопий. С вступ. статьей А. Р. Ледницкого. Пер. Е. Загорского. М., 1910.

Луи Поль. Французские утописты Луи Блан, Видаль, Пеккёр, Кабе (с отрывками из их произведений). Харьков, 1923. Louis P. Louis Blanc, Vidal, Pecqueur, Cabet (avec les exraits des oeuvres étudiées). P., 1922.

Carle H. et Beluze J. P. Biographie d'Etienne Cabet, fondateur de l'école icarienne. Paris, 1861—1862.

Beluze Jean Pierre. Lettre sur la colonie icarienne. Par un icarien. Paris, 1856.
Sudre A. Histoire du communisme ou réfutation historique des utopies socialistes. 5-e éd., Paris, 1856.
Nordhoff Ch. The communistic societies of the United States. New York, 1875.
Shaw Albert. Icaria, a chapter in the history of Communism. New York, 1884.
Malon Benoit. Le socialisme intégral. Paris, 1890.
Holynski A. Cabet et les icariens. Revue socialiste, 1892.
Bonnaud F. Etienne Cabet et son oeuvre. Paris, 1900.
Carré Paul. Cabet. De la démocratie au communisme. Lille, 1903.
Isambert G. Les idees socialistes en France de 1815 à 1848. Paris, 1905.
Morange, Georges. Les idées communistes dans les sociétés secrètes et dans la presse sous la monarchie de juillet. Paris, 1905.
Reiner Julius. Berühmte Utopisten und ihre Staatsideal. Jena, 1906.
De Villiers du Terrage. Rois sans couronne. Paris, 1906.
Passy Fr. Icarie et son fondateur Etienne Cabet. Journal des économistes. N 15, 1907.
Prudhommeaux J. Icarie et son fondateur Etienne Cabet. XL, Paris, 1907. Nouv. tirage, 1926.
Prudhommeaux J. Louis Bonaparte et Etienne Cabet en 1839. Bulletin de la Société de la Révolution de 1848. T. VI, 1909—1910.
Sencier G. Le babouvisme après Babeuf. Sociétés secrètes et conspirations communistes (1830—1848). Paris, 1912.
Stein L. Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. Bd. 2. Hrsg. von G. Salomon. München, 1921.
Angrand P. Étienne Cabet et la République de 1848. Paris, 1948.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть вторая

Установление режима общности. Переходный порядок. Дискуссия Возражения. Опровержение возражений. История. Мнения философов.

Глава первая. История Икарии 9
Глава вторая. Недостатки старого общественного строя 14
Глава третья. Пороки старого политического строя 37
Глава четвертая. Революция 1782 г. Установление режима общности 61
Глава пятая. Выборы. Конституция. Приговор. Война. Мир. (Продолжение истории революции) 81
Глава шестая. Переходный порядок. Политическое равенство. Уменьшение социального неравенства. Прогрессирующее социальное равенство 98
Глава седьмая. Возражения против равенства и общности имущества 121
Глава восьмая. Ответ на возражения против равенства и общности имущества 142

Глава девятая. Прогресс демократии и равенства 185
Глава десятая. Прогресс демократии и равенства. (Продолжение) 235
Глава одиннадцатая. Прогресс промышленности и производства 287
Глава двенадцатая. Мнения философов о равенстве и общности имущества 297
Глава тринадцатая. Мнения философов о равенстве и общности имущества. (Продолжение) 361
Глава четырнадцатая. Будущность человечества 423
Глава пятнадцатая. Ассоциация и пропаганда в пользу общности 433
Глава шестнадцатая. Крестовый поход в Икарии для установления общности 447
Глава семнадцатая. Счастье милорда 453
Глава восемнадцатая. Брак и свадьба 455
Глава девятнадцатая. Катастрофа 456

Часть третья

Резюме учения, или принципы общности.

Единственная глава. Объяснения автора.— Учение об общности 461

КОММЕНТАРИИ

Э. Л. Гуревич. Э. Кабе. Биографический очерк 495
Издания и переводы основных произведений Э. Кабе 507
Примечания (ко второй части) 509
Литература о Кабе 515

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор *Ц. М. Подгорненская*
Технический редактор *Н. П. Аузан*
Корректор *В. Б. Несвижский*

*

РИСО АН СССР № 3199. А—09629. Издат. № 1429.
Тип. заказ № 1324. Подп. к печ. 27/X 1948 г.
Формат бум. 70×92¹/₃₂. Печ.л. 16¹/₄. Уч.-издат.л. 18¹/₄
Тираж 15000. Цена в переплете 18 руб.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10